
ОЛЬГА ДЕЗ
ТЕНЬ МИНУВШЕГО
ПОЛНОЛУНИЯ

Тень минувшего полнолуния (СИ)

Олла Дез

Аннотация
Олла Дез. Тень минувшего полнолуния
Пролог. Даже кошка может смотреть на короля
Глава 1. У опытного кота март в апреле, когда спадает ажиотаж
Глава 2. Любопытство сгубило кота
Глава 3. Чтобы показать, кто в доме хозяин, три часа тыкала кота носом в документы на дом
Глава 4. Кактус — единственное домашнее растение, которое может противостоять вашему коту, но, это не точно...
Глава 5. У котят — агрессия, у кота — депрессия
Глава 6. Кошки могут быть очень коварными, подлыми и мстительными, и это далеко не полный список их достоинств
Глава 7. Если у вас есть кот и вы с ним не разговариваете, то это очень странный и подозрительный симптом, вы для чего вообще кота заводили?
Глава 8. После смущенного вопроса соседки: "А котятки у вашей не родились еще?", я поняла, что

кота действительно пора сажать на диету
Глава 9. Когда берёте котёнка, учтите, что хорошенький маленький пушистый комочек — это, максимум, на полгода, а дальше наглая зажратая морда
Глава 10. Я читаю так много сказок, что если бы со мной заговорил кот, я бы просто воскликнула: «Ну, наконец-то, почему так долго?»
Глава 11. Женщина не может выжить в обществе одних только книг, ей нужен еще и кот
Глава 12. В далеком параллельном мире работать в офис едет кот, а человек ест, спит играет, обои радостно дерет
Глава 13. Объяснительная: Мы, студенты 4-го курса, прогуляли лекцию по религии. Кот и Бес попутали
Глава 14. Давно вы у этого кота живете?
Глава 15. Если под лестницей...
Глава 16. У собак есть хозяин, а у кошек — обслуживающий персонал!
Глава 17. Трехдневные переговоры зашли в тупик. Кот считает, что елка должна лежать
Глава 18. Доброе слово и кошке приятно
Глава 20. Кот ей судья
Эпилог. В чертогах ада спят безмолвно исчадья хаоса и тьмы, спят демоны, вампиры, ведьмы и

ты, котенок, засыпай

Аннотация

И вот как прикажете благородной ведьме выживать в таких невыносимых условиях? План был прост: тихо перезимовать в деревне. А тут убийства, таинственные надписи и жертвоприношение. И как вишенка на торте — Маркграф Роланд Бретонский. Как справится с этим юная ведьма? Вас ждет средневековая сказка о ведьмах, рыцарях и королях. Будут грибы, ядовитые травы и кустарники. Будут распахнуты ворота замка Ронсеваль, и даже прозвучит знаменитый рог Роланда Бретонского. Что получилось, Вам судить.

Олла Дез
Тень минувшего полнолуния

Пролог. Даже кошка может смотреть на короля

"Коты могут сами о себе позаботиться. Не то что страны и народы"

— Терри Пратчетт

Черные волосы метнулись перед лицом короля.

— Ты обещала, что это поможет! — истошно завопил он.

— Ты не веришь обещаниям ведьм!

— Потуши костер!

— Позже. На артефакт ее гибель не влияет, но мне приятна смерть еще одной ведьмы.

— Она была твоей сестрой!

— Ты не веришь в родственные связи!

Огромный костер на площади перед дворцом полыхал. Женщина, привязанная к столбу в центре, уже не кричала. Палач не пожалел для нее вонючих веток болотного Багульника и она уже давно была без сознания, надышавшись ядовитым дымом. Палач не зря получил увесистый мешочек золотых, и не обманул. А кто виноват, что ветки для костра собирались так невнима-

тельно? Но ведьма ведь сгорела? Так какие к нему могут быть вопросы? Он честно выполнил свою работу.

На балконе королевского замка стояли всего двое. Никто из придворных не был допущен на казнь. Челядь пугливо пряталась по углам не желая попадаться лишний раз на глаза королю и его ведьм… его советнице. А то так и самому можно на костер попасть.

— Твое лицо опять уродливо и волосы седые. Сделай что-то с этим, — брезгливо скривил король тонкие губы.

— Не могу. Как только она сгорит, и ее пепел развеется, все вернется. Лицо станет прежним, а волосы почернеют.

— Что мы будем делать дальше?

— Найдем другую ведьму.

— Где? В королевстве их почти не осталось, а те, что остались так надежно спрятались, что у тайной канцелярии уходят месяцы на их поимку.

Недовольная гримаса короля заставила его спутницу поморщиться. Ее лицо и в самом деле превратилось в отвратительную маску, глаза налились кроваво-красным цветом, а волосы стали белыми, как кости мертвеца. Даже запах от гниющей плоти перестал заглушаться. Вон

как король морщится, поднося к носу тонкий платочек. Как же он ей надоел. Но терпение и еще раз терпение. Очень скоро все изменится и она сможет избавиться от этого рыхлого паразита, что пригрелся на ее уставшем теле.

Костер догорал. Поднявшийся ветер подхватывал пепел и уносил его прочь от королевского замка.

— Где мы найдем ведьму?! — завизжала эта пародия на короля.

— Все не так плохо как вам кажется, Ваше величество. В конце концов, подойдут и новорожденные младенцы. Уверена, что матери сами их принесут за горсть медяков. Мы такое уже пробовали и иногда срабатывало.

Ее лицо быстро приобретало прежние черты, глаза и волосы снова становились жгуче черными, исчезал запах гнили и разложения, длинные крючковатые ногти втягивались, а руки покрытые язвами и бородавками снова становились гладко белыми.

— Мне не нравится эта идея. Найди ведьму!

— Если бы Ваше Величество так не упорствовали, то артефакт давно бы был полон.

— Нет! Найди другой способ. Моя семья неприкосновенна! Я не позволю тебе!

И король стремительно ушел с балкона.

— Посмотрим, как долго ты еще будешь сопротивляться, — прошептали красные губы, ведьма направилась следом.

Глава 1. У опытного кота март в апреле, когда спадает ажиотаж

— Алло! Это пожарная часть? Моя кошка залезла на дерево и не может оттуда слезть.

— Простите, но мы выезжаем только на пожары.

— Ладно, дайте мне минутку

Снег залез за воротник, и теперь вся шея была мокрой и холодной. Спускаться с предгорного района нужно быстрее, а то так и замерзнуть немудрено. И почему в горах вечно кажется, что вот же он лес рядом, а в реальности до него еще идти и идти, проваливаясь по колено в снег.

Я поправила рюкзак за плечами и дернула капюшон плаща, но он глубже не натягивался и в голову сильно дул пронизывающий ветер. И это у вас называется середина лета? И где это лето, спрашивается, бродит? Даже и думать не хочется, как тут зимой. Но будем надеяться, что зимой я тут не окажусь.

Еще бы дожить до зимы. Столько сделать нужно, а у меня даже намека на безопасное место нет. Зимовье это отлично, но для него нужен как ми-

нимум дом. Вряд ли меня пустят в замок, но дом может быть выделят? Ладно, пора заканчивать мечтать и идти, быстрее перебирая ногами, а то такими темпами до леса мне не дойти.

Я почувствовала на себе взгляд и остановилась, я наклонилась, поправляя сапог и доставая ножи из рукавов рубашки. Сколько их? И кто? Не хотелось бы начинать осваивать территорию с убийства. Оглядевшись, я поняла, что шансы уйти невредимой невелики. Только вот ран от кошачьих когтей мне нахватало ко всем трудностям. Спрятав ножи обратно, подняла руки и опустилась на колени. Может получится договорится?

Мои противники зафыркали. Снежные барсы. Их четверо, по крайней мере, я насчитала именно столько. Большие, красивые и пушистые, шуба-то у них какая. В такой шубе точно не замерзнешь на снегу. Ага, а еще они смертоносные, как мои сестры в брачный период. Хотя нет, до моих сестер им все же далеко. Сестры сначала нападают, а потом все остальное. А этих я мало того, что заметила, так они еще и фыркают. Нет, вы, конечно, кошки, только вот у мышки могут оказаться когти.

— Дяденьки, чего вы? Мимо шла, никого не трогала, — жалобно запричитала я тоненьким

голоском.

Снова послышалось забавное фырканье. А потом скрип шагов. Так, значит один обернулся в человека. Этот — считай, что мертв. Кто же оборачивается в присутствии ведьмы? Глупо. Барса вырубить сложнее.

— И откуда же ты шла? Судя по следам — с вершины. И что ты там делала? Там жилья нет, — насмешливо спросили у меня.

Тебя мама в детстве боятся ведьм не научила? Плохо это. Ведьм нужно боятся, это, знаешь ли, жизнь продлевает. Но видимо парень что-то почувствовал, потому что, аккуратно приблизившись, резким движением сдернул капюшон с моей головы.

Длинные серебристо-серые волосы рассыпались по плечам.

— Ведьма! — и парень резко скакнул в сторону.

А, нет. Мама, знавшая сказки, у мальчика все же была. Вон как затрясся. Но оборачиваться не спешит.

Да, у нашей братии характерная особенность — это седые волосы, ну или серые, или лунные. Кому как нравится. Можно закрасить, только вот краска держится до первого мытья головы, или

до первого дождичка. Морок лучше, но на его поддержание нужны силы, которые гораздо лучше применить на создание сгустка силы и в случае чего пульнуть им в обидчика и дело с концом.

Я стала медленно подниматься с колен и хмурым взглядом обводить всю компанию. Маленькие вы еще. И я зажгла на руках по небольшому сгустку силы. Да-да, на обеих руках. Правильно вы испугались. С обеих рук кидаться могут не многие. Так что двое из вас считай уже трупы.

— Мальчики, может, договоримся? — холодно и угрожающе спросила я.

С жалобным причитанием покончено. Смысла нет, меня и так раскрыли. Я, правда и не сильно пряталась, но все же рассчитывала на более дружелюбный прием.

И тут за спинами у мальчиков метнулась тень. Барсы расступились, давая дорогу вожаку. Их пятеро. Все хуже, чем я думала. Если не договоримся, потреплют меня знатно.

— Вы находитесь на землях маркграфа Роланда Бретонского. Потрудитесь представиться и изложить цель вашего пребывания, — парень старался придать своему голосу официальности и суровости, но выходило у него не очень.

Эк меня занесло. Что-то мы с сестрами пере-

старались и открыли портал далековато. Но с другой стороны так безопаснее и тут меня точно не знают в лицо.

— Лика.

— Все? — немного ошарашенно спросил парень.

А вот его спутники опять зафыркали. При этом смеялись явно не на до мной. Я же, услышав фырканье, погасила пламя на руках и встала в более расслабленную позу. Слегка приподняв руки в примирительном жесте, я сказала совсем другим тоном без нахальства и угрозы.

— Мне нужно место для зимовки. Весной я уйду. Я ищу любую деревню со свободным домом, готовую меня приютить на это время. С меня зелья из трав, что успею собрать к зиме, лечение, помощь в родах, снятие порчи. Сама обещаю не ведовать и не ворожить без особой нужды.

— Так у нас в деревне при Ронсевале полно пустых домов. И там будут рады…

Начал парень, но вожак повел ухом в его сторону и тот мгновенно замолчал и уже другим тоном сказал.

— Прежде чем поселиться в деревне, вам надлежит получить разрешение в замке Ронсеваль.

Я скривила губы в ухмылке.

— Парень, ты ничего не путаешь? Таких как — я в замок не пускают.

— В Ронсеваль пускают всех. Вообще в Ауньяме к ведьмам относятся весьма лояльно. С чего вы вдруг взяли, что не пустят? — неожиданно обиделся парень.

— Ладно. Пошли в твой Ронсеваль, спросим разрешение, раз надо. Очень хочется ночевать сегодня под крышей, — примирительно кивнула я.

Но парень не решался сдвинуться с места и кинул взгляд на вожака. Тот шевельнул ушами и только тогда парень закивал и обратился снова ко мне.

— Мы будем ждать вас в замке.

С этими словами он перекинулся в снежного барса, и вся пятерка стала медленно отступать. Вот ведь! Поняли, что со мной лучше не связываться. Они бы меня потрепали, но и я бы подпалила их белую шкурку и окрасила снег в красный цвет. Так что договориться и у них был резон.

Я стала спускаться дальше, тем более, что мне так любезно протоптали дорожку. Я шла долго, пока снег, наконец-то не сменился травой и этот контраст был разительным. Вот не люблю я это. То холодно, то жарко. Из зимы в лето. Я

бы свернула к виднеющемуся лесу, если бы не показавшийся вдалеке замок. Хочешь, не хочешь, а надо предстать пред здешним хозяином.

И я уверенно двинулась к замку.

Маркграф Роланд Бретонский. А пафоса-то сколько. Маркграф это по-нашему герцог будет. Ну ладно, явимся. От меня не убудет соблюсти местные традиции. Только вот бедновато для герцога живет этот Бретонский. Да и забрался он далековато. И почему он, кстати, не в походе? Они что тут ни с кем не воюют? Это они зря. Деньги и походы вещи взаимосвязанные и необходимые. Хотя если дома, то значит старый и толстый. Другой бы, в разгар лета, точно бы был в походе. Можно во имя Матери всего сущего. Хотя лучше за Многоликого отца повоевать. Это дольше и дальше. Глядишь, зимовал бы не в замке. Мне так чем меньше рыцарей в замке, тем лучше.

Я крутила всю это в голове пока уверенно продвигалась к замку. Со стороны гор был глубокий ров. В стене, разумеется, была скрытая дверь, только вот для меня ее не откроют. Ну, мы ведьмы не гордые, мы и в центральные ворота постучимся. Раз уж пришли.

И я принялась обходить замок.

Шателет или бастиду, небольшую башню на до-

роге перед замком мне дали преодолеть. Впрочем, это было логично, а вот стоило мне приблизиться к барбакану, фортификационному сооружению, предназначенному для дополнительной защиты входа в крепость, — он у них тут был каменный, меня и остановили. Не то что до главных ворот с подъемным мостом и решеткой не допустили, но даже и к предмостным укреплениям я не дошла. Это и правильно. Я бы себя тоже не пустила.

Только вот из амбразур и бретеш, бойниц таких, только выступающих, на меня подозрительно никто не ощерился из луков. Почему? Я бы на их месте всем лучникам в замке приказала навести на незнакомую ведьму все оружие, что имелось. Странно.

Меня ждали. Пятерка, что встретилась мне в снегах, теперь в человеческом обличье смотрелась внушительно. У всех суровые лица и смотрят очень недобро. Кошечки в их исполнении мне, скажем прямо, понравились больше, хотя я не привередливая.

А вот прямо перед ними стоял просто великан. Огромный. Я ему по плечо. В прыжке. Ну ладно, ладно, преувеличила. Просто на табуретку встану и достану ему до макушки. Я хмыкнула и снова оглядела его с ног до головы. Сильный, могучий.

Лицо каменное, без малейшего следа улыбки. Волосы длинные и слегка вьющиеся на концах. Впрочем, обрезаны они были грубо и не ровно. Как будто в спешке и мечом. При этом сам меч был тупой. Лицо можно было бы назвать красивым, если бы не излишняя суровость черт и не улыбчивость хозяина. Одежда стандартная для этих мест. Кольчуга, кожаные штаны и сапоги, отороченные мехом. Стоящие за его спиной воины одеты так же. Его одежда не богаче, чем у них. Значит такой же солдат? Рангом повыше и все.

Хотя на встречу с незнакомой ведьмой никто другой бы и не вышел.

— Представься.

Вот так сразу? А голос приятный, мелодичный и не грубый для обычного солдафона.

— Лика.

— Меня это не устраивает. Мне нужно полностью твое имя.

— Зачем?

— Ты хочешь жить на этих землях до весны? Мне нужна клятва, что ты не предашь, не причинишь вред жителям и не разболтаешь секреты врагам. А врагов у нас много.

Я призадумалась. А имеет ли смысл? Или пойти дальше? Только вот дальше и проблем больше.

Здесь ближе к горам, условия выживания суровее, зато народу меньше. Мне сейчас важнее безопасность. А чем дальше я уйду от гор, тем шансы на нее снижаются. Так что остаться здесь — самое правильное. Я еще раз оглядела замок. Замок хорошо укреплен, я нигде не увидела повреждений, но вот с людьми у них явные проблемы. Нет у них людей. И я нужна им.

— Нет. Имя не скажу. Кровь устроит?

Брови солдафона полезли вверх. Ну да, клятва на крови — штука редкая. Ее нельзя нарушить, как ни старайся. Да и навсегда она, разрушить кровные клятвы еще ни у кого не выходило. Но в моем случае этот вариант единственный. Настоящее имя, а именно им произносятся все клятвы, произносить нельзя.

— Ведьма? Ты серьезно? — на всякий случай уточнил он.

— Серьезно. Ты кстати кто? Мне бы владельца земли. Зря кровь лить не буду.

— Маркграф Роланд Бретонский, к твоим услугам, ведьма, — и мне отвесили шутовской поклон.

На этот раз настала моя очередь удивляться. Что, не толстый? И не старый? Это как же я ошиблась в выводах? Одет как и воины, меч

самый обыкновенный. Эфес без дорогих камней и украшений. Кольчуга надежная, но самая обычная, плетенье солдатское. Не мудрено было ошибиться.

— Что? Передумала?

— Да нет. Удивилась неверным выводам, что сделала по дороге, — честно ответила, доставая нож из голенища сапога.

Те ножи, что в рукавах спрятаны, светить не стала. Необычно для ведьмы иметь такие ножи. А вот тот, что в сапоге самый что ни на есть простой.

Все кто находился сейчас барбакане не отрываясь следили за моими действиями. Пол, несмотря на то, что само сооружение каменное, был земляным. И я, разрезав руку, сжала ее в кулак и дала крови капать на землю.

— Клянусь уважать законы земли, клянусь беречь ее жителей, клянусь не предпринимать действий, которые могут разрушить замок, клянусь не предавать интересы ее владельца Маркграфа Роланда Бретонского. Путь земля примет клятву ведьмы.

Кровь впиталась быстро, и не осталось ни капли на ее поверхности. Земля приняла мою клятву.

— Клятва ведьмы?

— Другую клятву вам с меня не получить. Но вы примите и эту.

Клятва ведьмы вещь хорошая. Она действует, только пока нет угрозы для жизни самой ведьмы. Иными словами не нападайте на меня, и все ваши секреты будут надежно спрятаны. Все остальное на рассмотрение ведьмы.

— Откуда такой вывод?

— Бойницы.

— Что с ними?

— В них нет лучников, а еще птичка прочирикала, что в деревне есть пустые дома. Не трудно догадаться, что в последнем походе вы потеряли много людей и оборотней. Я нужна вам. Зима будет тяжелой, и вам бы не хотелось терять людей. Ведьма может помочь. Да и раненые наверняка есть?

Он обернулся и безошибочно посмотрел на парня, что обернулся в человека и разговаривал со мной в горах. Ну да. Кто ж еще мог проболтаться. Но и остальные молодцы. Доверили переговоры почти мальчику.

— Я принимаю твою клятву, ведьма.

Вот и чудесно. Это мне повезло, мог ведь и в позу встать. Но видать, у него и впрямь нет выхо-

да. И не надо так хмуриться. У меня своих врагов хватает, приобретать еще и ваших мне совсем не хочется. Так что я мирно поживу у вас до весны, а там посмотрим.

— Брендан проводит тебя в деревню. Познакомит со старостой. Тот выделит дом. Прости, но в замок я тебя не пущу. Нет такой необходимости. В деревне живи, но только кормить тебя никто не будет.

С этими словами он развернулся и пошел в замок. Я же осталась с пятеркой оборотней, смотревших на меня весьма недружелюбно.

— Мальчики, давайте не будем обострять и так не простую ситуацию. Кто из вас Брендан? — с милой улыбкой спросила я.

Тот же парень, что так неосторожно проболтался мне про пустые дома в деревне, смущенно улыбаясь, вышел вперед.

— Ну, разумеется, — и я кивнула.

Я развернулась к ним спиной и двинулась на выход. Мне еще дом в порядок приводить. В гляделки играть точно некогда.

Я услышала за спиной быстрые шаги.

— Для оборотня из семейства кошачьих, ты очень громко двигаешься и дышишь.

— Да? А как ты нас заметила в горах? — спроси-

ло меня это когтистое чудо.

— Ты дышишь как стадо коров на пастбище. Я вас услышала, а уже потом увидела. Вожака не видела до последнего. Вон он действительно хорош, — похвалила я.

— Ганелон? Да, он опытный боец. А вот я когда снял с тебя капюшон, не поверил, что такая красавица, да и в наших горах.

— Ты преувеличиваешь. Для ведьмы у меня самая обычная внешность. Я не красавица, ну или ты тут у себя в горах других не видел.

— Может быть, только вот Ганелон тоже сказал, что ты красива, а он много где побывал.

— Вы, я вижу, успели перемыть мне косточки?

— Да, то есть, нет. Только по делу. А ты и в самом деле умеешь лечить? А хромоту умеешь?

— Смотря какую. Я ведьма, а не Матерь всего сущего.

— У меня брат в деревне. Может быть ты…

— Посмотрим. А что брат оборотня делает в деревне? Разве он не должен быть в замке?

— Тильпин — брат по матери. Отцы у нас разные. Так говорят. Мама меня нагуляла от оборотня.

— Редкость это. У человека и оборотня почти всегда рождается человек, — выдала я известную

истину.

— Да, мне повезло обернуться в четырнадцать и меня тут же взяли в замок.

За разговором мы спускались вниз от замка к деревне, расположенной у самого его подножья. Это было объяснимо, ведь в случае нападения крестьянам было проще добежать до замка и укрыться за его стенами. Не многие владельцы разрешали вот такое расположение деревни и не многие впускали к себе по мере приближения врага. Только была опасность, что враг, захватив деревню в случае неудачи с осадой ее спалит, хотя враг мог ее спалить и будь она чуть дальше. Большой роли это не играло.

Каждый из домов был расположен далеко друг от друга. И деревня получалась по площади большой. Впрочем, она и по количеству домов была большой, и если бы половина домов не пустовало, то жителей получалось под две сотни, по моим прикидкам.

— А почему нет огородов и плодовых деревьев?

— Так не растет тут ничего. Почвы тоненький слой, а дальше идет камень, из которого построены дома и замок.

— А чем же кормится деревня?

— Так охотой? Лес же вон рядом и дичи в нем много. А еще торговлей. Шкуры продают. У нас очень хорошие дубильщики и кожевники, наши шкуры ценятся.

Мы шли по деревне и встречали нас далеко не радостными взглядами. Ну, меня то понятно. А вот молодой оборотень, чем провинился?

— За что вас не любят в деревне, Брендан?

— За все понемногу. За то, что стал в четырнадцать оборотнем, а это не всем удается, за то, что в последний поход меня не взяли и я выжил, а у многих погибли близкие. Да всего и не упомнишь.

— Нет. Это не те причины. Вы врете, Брендан. Или не договариваете. Впрочем, неважно. Будет нужно, я сама выясню. Это дом старосты?

— Да, он самый большой в деревне.

— Ожидаемо.

Дом и в самом деле был большой, и меня в него не пустили. Я уже привыкла к этому и отнеслась совершенно спокойно. Когда староста вышел на крыльцо, я одарила его своей самой любезной улыбкой, от которой его, впрочем, слегка перекосило. Бывает. Не всем нравится, когда я улыбаюсь.

Брендан рассказал, что мне дозволено посе-

литься в одном из пустующих домов деревни на выбор старосты. Кормить они меня не обязаны, вообще ничего не обязаны. Просто выделить пустующий дом.

Староста сдержанно кивнул. Он не проявлял открытой неприязни, но и сильно радоваться моему появлению не спешил.

— Вон там, на краю деревни, почти у самого леса, стоит дом. Он полностью в вашем распоряжении. Это бывший дом ведьмы. Она умерла два года назад. С тех пор он пустует.

— Благодарю. Это то, что нужно. Только вот еще один вопрос. От чего умерла ведьма? — поинтересовалась я с самой своей радостной улыбкой, от которой старосту почему-то опять перекосило.

Да, с радостью нужно будет поработать. Не выходит у меня радость от слова совсем.

— Так от старости, — поведали мне.

Я снова улыбнулась, но староста решил, что на сегодня достаточно с него моих улыбок и быстро ушел в дом. Это было похоже на бегство от такой дружелюбной и милой ведьмы, как я.

Только вот этого мне и не хватало. А так все хорошо начиналось.

Глава 2. Любопытство сгубило кота

Встречает кошка гнома. Спрашивает:

— Ты кто?

— Я гном. Пакостю людям, порчу вещи, ору по ночам, спать не даю. А ты?

Кошка задумалась…

— Кажется, я тоже гном.

— Брендан, ты пойдешь со мной? — обернулась я к своему сопровождающему.

— А это обязательно? — и парень смутился.

Мы двинулись в сторону дома. Дом и в самом деле был виден издалека. Он стоял не в самой деревне, но все же его при желании можно было к ней отнести. Мы шли, а я продолжила выяснять необходимые мне детали.

— Только не говори, что ты боишься, Брендан.

— Нет. Я не боюсь, только давайте я вам отсюда все покажу? Дом же видно, — и он махнул рукой в сторону леса.

— Так. Судя по всему туда никто не ходит? И ничего там не трогает?

— Да, — и он понурился.

— Ведьму когда сожгли? Ну, в смысле ее тело?

— Сожгли? Да как можно? Мы похоронили. На местном кладбище.

Я схватилась за голову. Мало того, что у меня тут непонятно от чего умершая ведьма, так еще и труп в землю закопали. Ну, совсем молодцы.

— К дому почему никто не ходит? — решилась я на вопрос, в тайне боясь услышать еще что похуже.

— Там стоны, крики, а еще у Олафа началась зараза по всему телу после того, как он решился в дом зайти. Пятна пошли. Ему пришлось в город к ведьме тамошной идти, за два золотых она его вылечила.

— Два золотых? Не мало.

— Староста скрепя зубы дал. Олаф туда по его просьбе пошел. Олаф — охотник хороший и у него семья.

— Про простофилю Олафа мне все понятно. Давай вернемся к ведьме.

— Почему простофиля-то? — обиделся Брендан.

— А зачем позволил себя уговорить? Вот пускай староста бы и пошел. Ему по должности положено такими вещами заниматься. Мало того, что пошел, так еще и в дом полез. Нужно было просто походить рядом, почувствовать, что не все ладно

и уйти по-тихому. Ведьма городская что сказала?

— Так вот она и сказала Олафу, чтобы не вздумал никто туда соваться. И еще сказала, что Олафу повезло, что ему в голову не пришло взять из дома что-то. Тогда последствия могли быть и хуже.

— Куда уж хуже, — вздохнула я.

— Все плохо, да?

— Ну, если не считать неупокоенной убитой ведьмы, наверняка старого проклятья и не уничтоженного праха, то все остальное выше всяких похвал, — и я улыбнулась.

Но вот с радостью опять не получилось, потому что Брендан нахмурился от моей улыбки и спросил.

— Может вам другой дом попросить? Или я чем могу помочь?

— Чем ты можешь помочь? А другой дом мне нельзя. Мне этот нужен. Давай так. Завтра утром ты придешь к дому, но близко подходить не вздумай. И позовешь меня. Если не дозовешься, то съезди в город к той ведьме. Пообещай десять золотых, если она придет, — задумчиво протянула я.

— Десять золотых? Да где же столько взять?

— Не о том думаешь. В доме они ее ждать будут.

Так ей и скажешь. Она согласится. Но надеюсь, что это не понадобится. Давай показывай дом. У меня дел, как выяснилось, столько, что до утра бы управиться и не помереть.

— От усталости?

— Нет, от упрямства.

Не дойдя до дома шагов двадцать, я резко остановилась.

— Брендан. Развернись, и шагайте в замок. До утра твоя помощь мне не понадобится.

— А может я все же…

— Брендан, не нужно спорить с ведьмой. Это всегда плохо заканчивается. И поверь, не для ведьмы.

— Понял. Ну, я пошел.

И парень стал медленно отступать. И вот правильно же отступал. Пятясь назад и не поворачиваясь к дому спиной. Умный мальчик, может быть, ему и повезет, доживет до старости.

Я сделала шаг. Потом еще один. Нда. Работы то сколько.

А уж проклятий то, сколько понавела посмертных. Это ж надо умудриться их всех еще и активировать? Я просто в восхищении. Нет, не от старой ведьмы, а от себя, что меня так угораздило вляпаться.

В дом я входила аккуратно и тихо. Около дома все зачистила достаточно быстро. Там местные жителя сами все на себя цепляли, и почти ничего убирать не пришлось. А вот не зачем было к дому подходить. Теперь наверняка болячки у всех, а мне лечи и снимай.

Так. Охотник Олаф малую часть на широкую грудь принял, но осталось тут еще больше. И я засучила рукава. Очищение, омовение, благодать. И так по кругу. Это как сор из избы выметать, потом полы мыть, а уж потом травы душистые расставлять. Принцип такой же. Старая карга постаралась от души. Столько проклятий после себя оставить, а местные жители ее не сожгли. И кости ведьмы продолжали их подпитывать, так бы и продолжалось пока кости окончательно бы не истлели. Или же не пришла другая ведьма и все это не сняла. Чем я сейчас и занималась.

Сожги они ее сразу и развей пепел, проклятия еще бы постояли какое-то время и сами без подпитки сгинули. А теперь мне работы непочатый край. Еще и на кладбище идти. Ну да. Кости нужно упокоить. Я не некромант, но с этим должна справиться. Если из-за каждой ведьмы некроманта вызывать из столиц, то они совсем переведутся. Их и так не хватает. Днем с огнем не

найдешь опытного успокоителя нежити.

Что-то я разворчалась от монотонной работы. Не отвлекаюсь, а то так можно что-то пропустить. Очищение, омовение, благодать.

Закончила я только ближе к ночи и уже очень хотелось лечь поспать. Только вот делать этого было категорически нельзя, и я решительно оторвала свою уставшую тушку от косяка, к которому прислонилась.

Нужно идти. Только после того как упокою старуху можно осматриваться и заселяться. А пока это ее дом. И мне тут делать нечего.

Я вышла из дома и огляделась. Местное кладбище найти будет не сложно. Храм Матери всего сущего со шпилем виднелся невдалеке. А кладбище с могилой ведьмы рядом. Это надо же было додуматься похоронить там ведьму. Или они думали, что Мать убережет их от ведьмы? И на земле рядом с храмом им ничего не грозит? Ага. Сейчас.

К кладбищу я подходила в сумерках. Ну и денек. Столько всего случилось, а он и не думает заканчиваться. Так. Сгусток магии на поиски нужной мне могилы. Однако. Они похоронили ее прямо рядом с храмом? Даже не на отшибе кладбища? Думали, так будет надежнее? Нда. Человеческая

глупость. Трудно было пригласить ведьму из города? Заплатили бы ей те же два золотых и жили бы дальше припеваючи. В дом она бы за эти деньги не полезла, но вокруг дома почистила бы. За год все самые сильные проклятья бы разрушились без подпитки. Жадность и глупость. А теперь наверняка пол деревни под порчей.

Я присела у могилы. Она вся была усыпана синенькими ягодками. Вороний глаз называется. Его очень легко перепутать с черникой. И даже одна ягодка способна вызвать смерть. Оборотня или взрослого человека отравить на смерть вряд ли можно одной ягодкой, а вот ребенок может погибнуть. А вот если слопать целую маленькую корзинку, а именно столько с могилки наберется, можно убить сильного оборотня. Или пирожок испечь. Хорошо, что у местных срабатывает табу на сбор чего бы то ни было на кладбище.

Я провела рукой и спалила все это богатство на корню. Я не использую его в своих отварах. Возможно, что рецептов с ним и не мало, но ничего хорошего в них нет. А я клятву давала, что вредить не буду. Так что до весны мне эта трава и ягоды не нужны. А там новые вырастут.

Так. Теперь ведьма. Я без стеснения потянула силу из храма. Раз уж я тут, то почему бы не вос-

пользоваться. Я же действую во благо.

Вот же держите меня семеро праведников, старая перечница поболтать решила! Это ж на полночи. А я спать хочу, устала за день. Но делать нечего, пока не поговорит, не уйдет, и кости не сжечь. Вот так всегда.

И я принялась рисовать круг пентаграммы. Нужно как следует поворчать на несправедливость этого мира, и я приступила не очень громко, но мои слова отчетливо разносились по всему кладбищу.

— И чего тебе старой неймется? Вот чего ты такого мне поведать собралась, что вот прям обязательно? Ведь не расскажешь же толком ничего. Так, одни намеки и загадочные паузы. Знаю. Сто раз одно и то же. Нет у тебя никакой информации, а если и есть, ты все равно из вредности ее не поведаешь живым. Вы, кстати, можете присоединиться ко мне в круге, я сразу на двоих черчу. Эта не та информация, которую я собиралась от вас скрывать. И кстати если собирались остаться незамеченным, то памятник нужно было выбирать побольше. Тот, за которым вы прячетесь, вам маловат.

— Давно вы меня заметили?

— Почти сразу, как вы зашли на кладбище.

Вообще дурацкая идея прятаться от ведьмы на кладбище, где ей каждый кустик про вас шепнет, — и я, распрямившись, в упор посмотрела на Маркграфа Роланда Бретонского собственной персоной.

— Значит, это не та информация, что вы собирались скрыть? Догадываюсь, что скрываете вы многое.

— Только то, что касается меня лично. Я поклялась вам, если помните. И клятву я намерена держать, пока могу. Так что всю информацию, касающуюся вашей земли и того, что на ней творится, вы от меня получите. Я бы пришла завтра в замок, если бы вас так удачно не встретила. На кладбище. Ночью, — хмыкнула я.

— Мне было любопытно.

— Я почему-то так и поняла. «Любопытство сгубило кота»

— Что?

— Пословица такая есть. Ведьму убили, — просветила я Маркграфа.

— Вы всегда такие резкие переходы в разговоре делаете?

— Не люблю паузы, они мешают.

— Кто?

— А я почем знаю? Я только утром пришла на

вашу землю.

— Это точно?

— Абсолютно. Она вам это сейчас сама подтвердит. Убийцу не назовет, не сможет, а вот сам фак свершившегося подтвердит. В круг вставайте, — и я кивнула ему на пентаграмму.

— А почему он не из соли?

— Какой еще соли?

— Я думал, что все пентаграммы солью рисуют.

— Ага. А еще муки добавим и блинчики испечем. Нет, тут вам не королевская кухня, а я не главный повар. Все пентаграммы рисуют магией. И вообще, что за дурь? Как вы себе это представляете?

— Ну… — и он затылок почесал, видать от сложного мыслительного процесса.

— И в самый такой ответственный момент — мышка побежала, хвостиком махнула, вся соль и просыпалась. Так что ли?

— Простите, глупость сказал.

— В круг вставайте, я устала как дворцовый распорядитель после королевской свадьбы. И спать очень хочется. За талию меня обнимите. Нет. Талия выше. Отлично, вы нашли у меня талию. Вот там и держите руки, не выше и не ниже,

а то выпихну из круга и за последствия отвечать не буду. Ладно, начинаем.

Бабка, появившаяся из могильного холмика, была милым божьим одуванчиком. Вот ни за что бы не подумала. Судя по количеству проклятий, оставленных в доме и его окрестностях я ожидала старую каргу, со скрюченным носом и длинными ногтями. Но бабушка очень походила на ласковую старушку у печки, а не на старую злую ведьму. Она была в длинном платье старомодного покроя, белом платке, накинутом на плечи и с доброй улыбкой на лице.

И грубые слова, что, мол, ей нужно, застряли у меня на языке и я спросила вполне мирно.

— Ты звала. Я могу помочь?

— Деточка, просьба у меня к тебе, — скрипучим голоском сказала старушка.

— Я слушаю.

— Присмотри за ним, деточка? Не дай его убить. Все к этому идет, и если не вмешаются другие силы, то погибнет мальчик. А как без него? Без него все тут погибнет.

— Кажется это только, бабушка. Нет такого человека, без которого все рухнет. На место одного придет другой, потом третий. И мир выстоит. Земля родит новый урожай, день сменит ночь, а

мать родит новое дитя. Вам ли этого не знать?

— Нет, такого уже не будет. И один человек способен победить войско, если силен духом. Один человек может поднять армию за собой, а ради другого никто и с лавки не поднимется. Постарайся, деточка?

— А почему это вы так о нем печетесь?

— А вот это не твое дело, деточка, — и в глазах зажегся огонек настоящей ведьмы.

Но потом, сделав вид, что мне все это показалось, она продолжила ласковым голосом.

— Дом мой твой отныне, забирай. В лес еще сходи, там старый схрон стоит. В нем поищи, глядишь, и найдешь что полезное?

— Поняла. За дом спасибо, бабушка. За Маркграфом присмотрю, но ничего не обещаю. Он взрослый мальчик. Я буду помогать по мере сил. За схрон в лесу спасибо, наведаюсь. Про убийцу своего ничего не скажете?

— А что про него говорить? Плохой он. И смерть моя ему выгоды не принесет. Только вот плохо, что он постоянно рядом с мальчиком кружит. Не к добру это.

— Значит убийца в окружении Маркграфа, — кивнула я, что поняла ее и продолжила, — Оборотень?

— Деточка, ты многое знаешь, многое умеешь. Я рассчитываю на тебя. С тобой мальчик будет в безопасности. Пора мне. Отпусти.

— Спасибо, бабушка.

Я забрала магию, удерживающую призрака, и он растаял. Только на могиле остался черный след. Если бы я до этого не спалила Вороний глаз, то он бы сам завял. Мир мертвых и мир живых плохо соприкасаются.

— Можете отпустить меня. Моя талия медом не намазана.

— Как вы поняли, что она говорит обо мне? Я со словом «мальчик» плохо соотношусь.

Маркграф отпустил меня и даже отошел, позволяя вздохнуть свободнее.

— А что тут понимать? О ком еще может так заботиться старая деревенская ведьма, что даже не поленилась оставить посмертие? О деревенском старосте? Не смешите мои седины. Только ваша персона могла стоить такого затрата силы. Она так об этом пеклась, что даже собственная смерть была для нее не так важна.

— Что вы делаете? — сказал он, посмотрев на мои магические потуги.

— Я понимаю, что она была вам дорога, но она все же ведьма. Поэтому ее тело должно быть

сожжено. Ну, или то, что от него осталось.

— И как вы намереваетесь это сделать?

— Магией. У вас есть другие предложения? Нет, можно конечно выкопать гроб, устроить публичную кремацию, развеять прах в горах, для пущего пафоса, но подобные публичные зрелища без меня.

— А вы справитесь? Я имею в виду без зрелищ. Мне тоже бы не хотелось толпу собирать, — кивнул мне Маркграф.

— Да. Затратно по силе, но обойдемся без фейерверков.

Когда все, что было в гробу превратилось в прах, я слегка покачнулась. Выложилась я по полной. Теперь спать, и срочно. Силы необходимо восстановить к утру. А то у меня тут убийцы ведьм безнаказанные ходят. Я правда не старая ведьма, и даже без магии убить меня не так просто. Но кто знает, кто пригрелся у Маркграфа под бочком.

Упасть мне не дали. Маркграф привычным уже жестом обнял за талию и привлек к себе.

— Вы не дойдете до дома старой Клары.

— Вы меня плохо знаете. И не в таком состоянии я доходила до цели.

— Верю, но за храмом есть домик смотрителя кладбища. Там тепло и есть кровать. Предлагаю

вам на ночь остановиться там. А уже утром отправиться по домам.

— Не возражаю. Показывайте дорогу.

— Я отнесу. Вы на ногах не стоите, — он подхватил меня на руки и быстрым шагом пошел вглубь кладбища.

— А где сам смотритель?

— Старый смотритель умер, а новый живет с женой и детьми в деревне. Но за домиком присматривают. Так что переночевать там можно.

Мы и в самом деле дошли до маленького домика в глубине кладбища. Внутри оказалась всего одна комнатка с маленькой кроватью, предназначенная для одного человека. Меня бережно на нее уложили, а сверху укрыли шерстяным одеялом.

— Спите. Я посижу в кресле до утра. Покараулю, — неожиданно прозвучало над головой.

Я даже глаза открыла не в силах поверить в услышанное. Но Маркграф и в самом деле сел в кресло, стоящее рядом с кроватью, и вытянул вперед длинные ноги.

— Вы в самом деле собираетесь здесь спать? Не пойдете в замок?

— А вы беспокоитесь за свою репутацию? Вам нельзя ночевать в одном доме с мужчиной?

— Репутация и ведьма — понятия несовместимые. Вы что серьезно собрались караулить ведьму?

— Ну, вы же пообещали заботиться обо мне? Я облегчаю вам задачу. А то пошел бы я среди ночи в замок. Мало ли что со мной случится? А так вы не будете волноваться за меня и спокойно выспитесь, — с лукавой улыбкой ответили мне.

— То есть я должна беспокоиться за огромного воина-оборотня на его собственных землях, где ему известна каждая травинка?

— Ну, я же беспокоюсь, как ведьма переночует в центре кладбища? Так что мы квиты. Спите уже.

Я решила, что не буду отвечать на сарказм. Силы и в самом деле закончились. Хочет охранять? Да пожалуйста, мне не жалко, и я провалилась в тягучий и сладкий сон.

*

— Ваше Сиятельство, а что вы тут делаете? — первое, что я услышала, проснувшись утром.

— А на что это похоже, Брендан? Сплю я тут! — это Маркграф рявкнул на бедного Брендона.

— Брендан, мальчик мой, ты же должен был с утра ко мне прийти? — спросила я, садясь на кровати и потягиваясь.

— Не понял? Это когда это он успел стать «маль-

чиком моим»? И зачем ему к вам приходить в такую рань? — хмуро спросили у меня.

Маркграф был явно недоволен. И моим потягиванием и фривольным обращением к своему оборотню. Я на эту тираду только пожала плечами и вопросительно посмотрела на Брендона. Тот стоял в дверях крохотного домика и нерешительно посматривал на нас. Зайти он не осмеливался.

— Так я и пошел. А меня Анурка остановила и стала рассказывать, что Его Сиятельство всю ночь провел с новой ведьмой на кладбище, а потом они завалились спать в домик смотрителя. Вся деревня гудит и переживает за вас, Ваше Сиятельство.

— Вот же. Ничего скрыть нельзя. Отвыкла я от этого. Так это за вашу, Маркграф, честь нужно было волноваться, а не за мою. Это вам нельзя было ночевать в одном домике с ведьмой, а не мне, — хмыкнула я.

— Я как-нибудь сам разберусь, с кем мне ночевать, где и когда! И помощь всей деревни мне в этом не нужна, — недовольно рыкнул Маркграф.

Я махнула рукой мальчику, чтобы скрылся из глаз. Брендан спрятался за стену домика, но далеко не ушел, остался рядом.

— Он стоит за дверью. Вас от меня охраняет, — продолжила насмешничать я.

— Я ему поохраняю, — продолжал Маркграф, но было видно, что на самом деле он не сердится на Брендона.

Я слезла с кровати и нагнулась в поисках сапог. Те забрались под кровать, и я нагнулась, доставая их. Моя задница, туго обтянутая походными штанами, ожидаемо оказалась в пределах досягаемости рук Марграфа, но к его чести он остался стоять, как стоял, — столбом, только и сумел выдавить из себя.

— Хм. Это что это вы делаете?

— Сапоги достаю. Вы их туда вчера ночью закинули.

— А я-то уж было подумал, — и позади меня послышалось хмыканье.

— Нет. Просто домик маленький, а вы слишком большой. Сапоги по-другому не достать.

Я достала сапоги и с самым невозмутимым видом принялась их натягивать.

— Кстати, спасибо за вчерашнее. Я и в самом деле выдохлась за день, он был насыщен событиями.

— Это вам спасибо, я получил новую пищу для размышлений. Мне теперь еще и убийцу искать.

Как ее убили? — он поправил на себе одежду, мы вышли из домика.

— Зарезали. Тонкий кинжал воткнули прямо в сердце. Кинжал вынимать не стали и крови практически не было. Рукоятка кинжала была небольшой, ее можно было не заметить в складках одежды. Жители деревни не стали осматривать тело. И правильно сделали. Чем меньше времени они тогда провели в ее доме, тем лучше для них.

— То есть они и не поняли, что ее убили? Или скрыли? — продолжал расспрашивать меня Маркграф пока мы шли через кладбище к выходу.

— Я не думаю, что специально. Думаю, что страх перед ней был так велик, что они уложили ее в гроб и похоронили.

— Нет. Это немыслимо, чтобы никто не обратил внимания на кинжал, торчащий из тела, — покачал он головой.

— Они не приглядывались. У нее на теле было много всего. Амулеты, кольца всех видов, свисающие броши. Рукоятка могла быть принята за что-то такое. Они и не старались ее рассмотреть. Побыстрее захоронили и дело с концом, — пояснила я.

— А где сам кинжал?

— Я его уничтожила вместе с содержимым гроба. Не зачем вам держать в руках оружие, убившее ведьму. Хорошим это ни для кого не закончится. Я с большим трудом вчера это все спалила.

— Так еще поэтому вы вчера так устали? — и он уже гораздо серьезнее посмотрел на меня.

— Да, не хотелось что-то пропустить или оставить. Поэтому уничтожила все. Хлопотно, зато наверняка.

— Я вам благодарен.

— Вообще-то это моя работа.

— Я понял. Пять золотых устроит? — и он вопросительно приподнял бровь.

— Более чем. У меня, знаете ли, трат предстоит очень много. И лишние деньги не помешают, — кивнула я.

Он остановился и залез в кошелек, висящий на поясе, отсчитал мне пять золотых и протянул на раскрытой ладони. Я забрала и точно так же спрятала в мешочек на поясе.

— Обращайтесь если… что.

— Что?

— Если найдете убийцу.

— А зачем вы мне, если я его найду? — уди-

вился он.

— Затем, что я помогу его обвинить, если улик будет недостаточно. А еще смогу что-то добавить по росту, весу и силе напавшего. И еще в доме почти никого не было с тех пор. Там могут остаться следы убийцы. Я поищу.

— Хм. Я подумаю над этим.

У выхода с кладбища было подозрительно много народу. Жители так и стреляли глазками на меня и Маркграфа, а еще посматривали на шедшего за нами Брендона.

Маркграф недовольно посмотрел на всех, повернулся ко мне и сказал.

— Спасибо. Я дам знать, если мне что-то понадобится. Удачного вам заселения.

Он повернулся и направился к главным воротам замка. Я проводила взглядом его высокую фигуру и вздохнула. Красивый, сильный, надежный. Такой с ведьмой не свяжется ни за что. Местные кумушки могут быть спокойны.

Я развернулась и пошла к теперь уже своему дому, в котором мне предстоит провести остаток лета, осень и самое главное всю зиму. И еще не понятно, когда я смогу уйти весной.

А у меня дрова есть?

Глава 3. Чтобы показать, кто в доме хозяин, три часа тыкала кота носом в документы на дом

— Никто из клана Хеллзабасов не смеет покидать этот замок, о чём я и сказал Роксане.

— То есть Роксана…

— Да, будет тоже похоронена заживо. Это ещё одна наша семейная черта — каталепсия.

— Боязнь кошек?

«Эльвира — повелительница тьмы»

— Он очень крепкий и надежный. А еще там печь большая, на весь дом, — пока мы шли, рассказывал Брендан.

— Что за паренек идет за нами?

— Как ты заметила? Он же за домами прячется и на тебя даже не смотрел. Я понял, что ты умеешь ловить взгляды на себя. Так как? — Брендан даже становился.

— Он на меня не смотрел, но вот ты несколько раз бросал взгляды в его сторону. Так это кто?

— Это мой брат Тильпин. Я про него рассказывал. Тиль! Иди сюда, — Брендан махнул рукой.

Мальчик, что подошел к нам, был страшно

худой и грязный. Но, наверное, они все такие в этом возрасте?

— Тебе сколько лет? — решила я уточнить.

— Двенадцать.

— Маловат ты что-то для двенадцати.

— Последние несколько лет были голодные, вот и росту плохо, — объяснили мне.

— Голодные? Странно. Дичи мало в лесах? — удивилась я.

— Да. Мы делаем запасы, но все равно мало. А зимой охота почти стопорится. Охотники возвращаются ни с чем, — подтвердил слова брата Брендан.

— Ведь в замке у оборотней еда есть?

— Да, и у нас ее не в изобилии. Нет, мы, разумеется, не голодаем, но и у нас бывают проблемы, — грустно сказал Брендан.

— А сколько можно мешков с зерном закупить, скажем, на пять золотых, что дал мне Маркграф?

— Один. Ну, в лучшем, случае два. Зерно очень дорогое. У нас оно плохо растет, почва не подходит. А пять золотых — это очень много. Их так просто не заработаешь. Шкур нужно много продать.

— Как все запущено. Ладно, разберемся. Мне нужно съездить в город и купить разной утва-

ри. Посмотрю вначале, что у меня есть в доме, а потом съездим. С кем можно договориться? — продолжила расспросы я.

— Со старостой. Только вот я бы посоветовал ехать не сейчас. Сейчас все заняты, а вот ближе к осени многие в город потянутся. Продать шкуры и то, что успели из них пошить. А еще закупиться продуктами на зиму. Вот тогда ты сможешь присоединиться, — посоветовал Брендан.

— Я подумаю. Нда. Вчера я его не успела толком рассмотреть. Не до того было. Но мне он как-то меньше показался? У него что, два этажа? — сказала я, рассматривая теперь уже мой дом.

— Ну да. А ты думала сколько? — почесал затылок Брендон.

— Один. Ну и подвал? Зачем мне одной так много? А старой Кларе зачем было так много?

— Второй этаж она использовала для просушки трав. Он деревянный и зимой не отапливается. А вот в подвале никто из нас ни разу и не бывал. И что она там хранила — неизвестно. Пойдем, посмотрим? Говорят там мертвяки. Живые, — это влез Тильпин со своими «бесценными» идеями.

— Я тебе посмотрю! И потом. Что ты городишь? Как это мертвяки и живые? — отвесила парню подзатыльник.

— А что мы на него так долго глазеем? Может, внутрь войдем? — предложил Брандан.

— Да, я проверяла, все ли вчера сделала и не упустила ли парочку посмертных проклятий. Но снаружи все вроде бы в порядке. По дому не гулять, от меня не отходить. Мало ли что. Я на второй этаж не помню, чтобы поднималась, все очень сумбурно. Устала я вчера.

При слове «посмертные проклятья» мои спутники интенсивно закивали и переглянулись.

Дом встретил нас тишиной и пылью. Затхлости и вони не было, что меня порадовало. В доме было две входные двери. Первая вела в небольшой коридорчик, а вот вторая уже непосредственно в большую комнату. Я так поняла, что две двери были необходимы для задержки холодного воздуха. Разумно. Мне, правда, с таким еще не приходилось сталкиваться, не было у меня в жизни таких суровых зим. Но думаю, что разберусь и с этим.

Коридорчик привел в большую центральную комнату. Прямо посередине стояла большая печь. Вернее мне было видно ее лицевую часть с камином, топкой и небольшой поленницей, что стояла перед печкой. Еще в печи было несколько дверок разного размера, я так поняла для готовки, поддувал, выгребания золы и еще сонм правед-

ников знает для чего. Нда. Я как-то не думала, что у печи бывает столько дверок. Так. Без паники и с этим разберемся.

В комнате стоял большой стол с несколькими стульями, стол поменьше, несколько шкафов с кухонной утварью. Все это было покрыто слоем пыли, но это было не критично.

А еще рядом с печью располагались две двери.

— А они куда ведут? — спросила я у моих спутников, которые и в самом деле не отходили от меня ни на шаг.

— Я не знаю. Нас никогда дальше этой комнаты и не пускали, — ответил Брендан.

— Я приходил за травками к старой Кларе, а она, судя по звуку шагов, ходила за ними на второй этаж. Но сам я тоже там не был, — закивал Тильпин.

— Что ж, не будем нарушать традиции. Вы остаетесь здесь. А я пошла, осмотрю все остальное.

Парни не возражали, я двинулась внутрь дома.

Дверь с одной стороны вела в спальни. Здесь их было три. В каждой кровать и шкаф. Кровать стояла у печки, так что тепло должно было быть в каждой из них. Только вот как протопить такую махину? И главное — зачем? Мне вполне одной комнаты хватит. Я прошла до конца дома и, по-

крутившись в каждой из спален, пошла назад в главную комнату.

Парни остались стоять ровно на том же месте, где я их оставила и я, кивнув, двинулась ко второй двери.

А вот вторая дверь вела в хозяйственные помещения. Здесь был небольшой кабинет, кладовка со всякой всячиной, лестница на второй этаж, а замыкала все ванная. Я не поверила своим глазам, когда это увидела. Нет, этого просто не может быть. Почти такая же ванная, как у папочки. Вот бы он разъярился, когда ее увидел. В деревеньке, почти на краю света, ванная.

Все это тянулось вдоль печки, которая отапливала помещения и согревала воду. Потому что огромный бак был в нее буквально вмонтирован. Это не печка, а бесценное сокровище. Только вот кто же построил ее? Это была явно незаурядная личность. Наверняка внутри сложная система прогонки теплого воздуха и каждый кирпичик играет важную роль.

А еще в доме был колодец с холодной водой. Вот прям в доме колодец. Такое я тоже видела первый раз. Колодцы же обычно роют на улице? Но с другой стороны если снегу будет по шею, то логично, что и за водой приятнее ходить вот

сюда, в маленькую комнатку рядом с ванной. Я потерла ладошки. А я сегодня вымоюсь. И не просто вымоюсь, а натаскаю воды, заварю травки и приму ванну.

Так. С первым этажом я закончила, и поняла, что мне невероятно повезло. А еще поняла, что, несмотря на то, что устала вчера зверски, на первом этаже работу я выполнила качественно. Не было ни одного проклятья.

Теперь посмотрим, что на втором этаже. Лестница на второй этаж была закрыта дверью, я так поняла, чтобы зимой драгоценное тепло туда не уходило. Я стала подниматься по лестнице. Она не скрипела, и все ступеньки были надежны и не шатались под ногой. И на ступеньках в пыли были отчетливо видны следы. Мои следы, значит, вчера я сюда уже поднималась.

Весь второй этаж представлял собой одно большое помещение, в котором имелся большой стол, весь заваленный пучками трав. Стоял шкаф с уже готовыми растворами и эликсирами. А еще тут были травы. Они занимали все остальное пространство. Они свисали с потолка, были разложены на полу, а еще были в мешочках уже перетертые в ступке. Ступка стояла тут же на столе, большая, каменная, с толстым пестиком.

Я присвистнула. Да мне вообще ничего собирать не нужно. Тут запасов не то что на одну зиму. На пару лет хватит. И это не могло не радовать.

Я спускалась по лестнице вниз и думала, что такого везения в моей жизни не было уже очень давно. Только вот ведьмы за такое везение обычно расплачиваются по полной программе, и мне страшно представить, что потребуют с меня за такое богатство. Я ведь просто хотела спокойно перезимовать, но судя по всему зима спокойной не будет.

Так, на очереди подвал. И что у нас там? Мертвецы? Живые? Ну, посмотрим. Мертвецов я в жизни видела всяких, но вот чтобы живых? Это меня удивит.

Я прошла мимо замерших парней и кивнула им.

— Можете сесть. Я все зачистила вчера. Нет в доме угрозы. Только подвал остался.

Но ребят мои слова не успокоили, они остались стоять на месте. Слово подвал на них так повлияло? Это же не подвал в старинном замке со склепами и старыми захоронениями, и не подвал моего папочки полный… Так, не о том думаешь Лика.

Я рывком открыла дверь в подпол, что была

в полу рядом с маленьким столом. Я так поняла по задумке на нем готовили еду. А вот есть садились за тот большой. Только по-прежнему не понятно, зачем старой Кларе такие хоромы? Она же одна жила? И как я буду зимой эту печь отапливать? Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. Вот сейчас на очереди подвал. Совершенно не помню, чтобы я туда вчера спускалась. Нда. Судя по слою пыли и отсутствию следов, я сюда и не заглядывала.

Я наклонилась и потрогала пятно под слоем пыли. Кровь. А еще, из под пола потянуло чем-то не добрым.

— Парни! А ну ка вышли из дома на улицу, — прежде чем сделать еще один шаг вниз сказала я ребятам.

— Но мы ведь можем помочь, — встрепенулись они.

— Быстро! — гаркнула я.

Парней ветром сдуло. Я только и услышала, как хлопнули две двери.

— Помощники. Это мне не только себя защищать и с проклятьем разбираться, но еще и за малолетками приглядывать. Всю жизнь об этом мечтала, — проворчала я, и сделала еще один шаг вниз.

По мере спуска вниз я все отчетливей стала понимать, почему я сюда вчера не сунулась. Именно здесь убили старую ведьму. Убили, а потом то ли она сама, то ли ее убийца вытащил тело наверх. Есть вероятность, что она и сама могла дойти, движимая желанием, чтобы ее тело нашли. Потому что если бы оно осталось в погребе, то вероятность этого была бы крайне мала. Жители деревни дальше первой комнаты нос не совали, а уж в подвал и подавно никто бы спускаться не стал. И лежать она там могла очень долго. А ей нужно было, чтобы ее тело нашли.

Скорее всего, она рассчитывала на то, что ее смерть может заинтересовать другую ведьму. И передать ей просьбу проследить за «мальчиком». Тогда и в самом деле могла дойти. Ступеньки не такие уж и крутые.

На место убийства ведьмы, чей убийца при этом остался безнаказанным, соваться не подготовленной было опасно. Вот я и не полезла вчера, действуя на одной только интуиции. Я все верно рассчитала, что сначала нужно упокоить старую Клару, а потом уже сюда соваться.

Я спустилась вниз и, оглядевшись при свете магического светлячка, присвистнула.

Дом был каменный, но не весь. Каменным у

него были только наружные стены. Все перекрытия и второй этаж были деревянными. Так я думала, пока осматривала дом. Угу. Только вот я ошибалась. Каменным тут был еще и подвал. А зачем? Затем, что внизу, помимо всего прочего, у старой Клары была лаборатория.

Сразу, как только спустилась, у самых ступенек располагался ларь, забитый льдом. Несмотря на то, что сейчас была середина лета, в ларе лед не таял. В подвале холодно. Скорей всего здесь она хранила мясо или еще что-то подобное. Сейчас, правда, в ларе ничего кроме льда не было. Но мне это определенно пригодится. Тут же стоял еще один ларь. Судя по всему тоже для чего-то скоропортящегося. В любом случае холодный погреб мне необходим для запасов на зиму. И я довольно кивнула.

А вот дальше на стене прямо напротив лестницы были странные символы. Где-то я их уже видела. Только вот где? Я почесала затылок. Звездочки, схематичные человечки, птицы, и еще много черточек и палочек. Это что? Письменность такая? А что за язык? И главное — где же я это видела то? Ладно. Не горит.

Нужно осмотреть лабораторию.

Я прошлась вдоль длинного стола со скляноч-

ками, баночками заспиртованной гадостью. Я в этом, разумеется, разбираюсь. Мне это преподавали. Только вот… хм… у меня с этим не очень. Нет, вон тот агрегат для производства спирта я, конечно, заправить смогу, но не более. Алхимия и все что с ней связано мне всегда давалось с трудом. Вот ведьмовская магия спокойно и доверчиво ластилась к моим рукам. Я хорошо нахожу общий язык с птицами, так как это у меня в крови. Отлично разбираюсь в проклятьях и нейтрализую их. У меня хорошо с логикой и наблюдательностью. Но вот Алхимия…

А вот и то место, где убили старую ведьму. Как же так получилось? Из угла сильно фонило болью и паникой. Старая ведьма успела его проклясть. И сильно проклясть. Вот почему она не так уж сильно переживала о каре преступника. Судя по всему, покарать она его сама успела. Она поняла, что он пришел ее убивать, и справиться по каким-то причинам ей не суметь. Именно поэтому завлекла в самую глубь своей лаборатории, в надежде что-то предпринять. Только вот удар все же оказался для нее смертельным. Судя по следам, он убежал, вылетел из подвала и больше сюда никто не заходил. Она сама вышла, закрыла дверь и запечатала подвал. Я вчера сняла печать

с входа, этим и ограничилась.

И не мудрено. Когда я все зачистила, села прямо на каменный пол лаборатории. Второй день я выкладываюсь по полной. И вот сегодня мне за работу даже пять золотых не светит.

Я, с трудом передвигая ногами, двинулась на выход. Ноги налились тяжестью, и по ступенькам я передвигалась уже почти ползком. А кто сегодня меня будет караулить? Что-то я расслабилась. Нельзя так. Я же сейчас почти легкая добыча. И так второй день подряд. Только вот Маркграфа рядом нет, что бы поохранять мою бренную тушку.

— Да чтобы вас святые праведники благословляли каждый день! — завопила я, когда выползла из подвала.

Я спрятала ножи обратно в рукава, мысленно хваля себя за реакцию. Вот было бы «весело» если бы я их все же метнула.

— И вам не хворать, — поприветствовали меня.

— Ну, нельзя же так пугать. Вот не поверите, я только подумала о том, что не отказалась бы от вашей охраны и на сегодняшнюю ночь.

— Что так? Хотя, судя по всему, вы нашли место убийства? — спросил Маркграф.

Он возвышался надо мной как скала. Ноги рас-

ставлены, руки скрещены на груди, и сама поза отнюдь не дружелюбна. Чем это я успела ему насолить? Утром расставались почти друзьями.

— А вам не пришло в голову попросить меня о помощи, прежде чем туда соваться? Двое ребят за дверью — это не та защита, что могла понадобиться, не находите? Верх безрассудства! Вы еще не знаете, как к вам расположены жители в незнакомой деревне. И вот так выкладываетесь? Я был лучшего мнения о ваших умственных способностях.

Все это он говорил, вытаскивая меня за руки из подвала.

— Дверь закройте. Ни к чему нам гости, — попросила я после того как меня усадили на стул.

Он с шумом ее захлопнул, даже не заглянув внутрь. Это он такой не любопытный вдруг стал? Или его и впрямь больше волнует моя персона?

— Вы когда ели в последний раз? — спросил он.

— Э-э-э. Вчера утром. Еще до… Ну, до, в общем.

Он опять возвышался надо мной, и был крайне недоволен.

— Брендан!

В дверь заглянула голова парня, все это время наверняка стоящего поблизости и подслушива-

ющего.

— Тащи сюда корзину и накрой на столе. Госпоже ведьме необходимо поесть. Будем ужинать, обедать и завтракать сразу.

— Сейчас. Это мы мигом, — в дом протиснулась большая корзина и, судя по тому, как напрягались мышцы на руке Брендона, еще и тяжелая.

— Госпожа ведьма? — приподняла я брови.

— Да. Лика? Это настоящее имя?

— Да. Меня и в самом деле так зовут, — кивнула я.

Это не полное имя, но об этом ему знать не положено.

— Хотел убедиться, прежде чем использовать его, — объяснили мне.

Я пожала плечами. Да на здоровье. Мне не жалко, меня вот больше интересовало содержание корзины.

Брендан ловко и быстро накрывал на стол.

— А где Тильпин? — спросила я, пристально наблюдая за его сноровистыми руками.

Он достал из корзины большую крынку с молоком, хлеб, зелень и большой чугунок с чем-то, что пахло умопомрачительно.

*

— Это мясная похлебка из оленя, — пояснил

Маркграф, с ехидной улыбкой наблюдая, как я принюхиваюсь.

— Так Тильпин домой побежал. У него еще дела за день не переделаны. Мы как вернулись с ним из замка, так он и убежал, — пояснил мне Брендан.

— Из замка вернулись? Ты о чем?

— Ну, мы там стояли на улице, стояли. И время уже к обеду, а вы все из погреба не выходили. Ну, мы и побежали рассказать обо всем Его Светлости. На всякий случай, — пояснил мне Брендан.

— А что уже вечер?

— Да. Вы просидели в подвале почти весь день, — кивнул Маркграф.

— Зато все сделала и теперь можно в доме спокойно ночевать, не опасаясь старых проклятий и неуспокоенных духов, — парировала я.

— Я так и понял. Я собственно по этому поводу и пришел. Ну помимо того, чтобы извлечь вас из погреба и накормить, — кивнул мне Маркграф.

У Брендана в корзине оказалось еще две миски, которые он наполнил ароматной похлебкой.

— А почему две? — удивилась я.

— Так вам и Его Светлости, — протянул парень.

— А ты?

— А…

— Мой дом, мои правила! — отчеканила я и встала.

Я еще плохо ориентировалась, где и что лежит, но в кухонном шкафу у печки определенно должны были быть глиняные миски. Так и оказалось. И они даже были не пыльные, так как лежали в шкафу. Я протерла одну лежащим тут же полотенцем и протянула Брендону. Тот в нерешительность посмотрел на Маркграфа и только после того как получил от него кивок налил в нее похлебку.

Я уселась и принялась за еду. Как же вкусно!

— Передайте мою огромную благодарность повару. Похлебка — объедение, — и я продолжила уплетать за обе щеки.

Маркграф фыркнул, но тоже приступил к еде. Брендан помялся, но сел с нами за стол и тоже приступил к трапезе. Я отдала должное и вкусному мягкому хлебу, и зелени. И только когда съела все дочиста, приступила к рассказу о том, как умерла старая Клара.

Брендан собрал ложки и миски обратно в корзину, а вот хлеб и молоко прятать не стал. Налил три полных кружки, взял он их из моего шкафа, и снова сел за стол, внимательно слушая, что я

рассказываю.

Я не стала рассказывать о лаборатории, ограничилась только описанием событий, так, как они мне виделись.

После того как я закончила Маркграф помолчал, а потом задал вопрос.

— Я так понял, что старая Клара повесила на своего убийцу проклятие, которое должно было его убить? Так?

— Да.

— Значит мне нужно искать того, кто умер за последние два года?

— Нет. Убийца Клары жив. Иначе бы она знала о его смерти. Мир мертвых тесен. Но во время разговора на кладбище она этого не сказала. Так что он жив и продолжает служить вам, — разочаровала я его.

— То есть проклятье не сработало?

— Нет, оно не могло не сработать. Но скорее всего убийца понял, что с ним и отправился к другой ведьме. Возможно, даже той, что живет в ближайшем городе. Она смогла нейтрализовать его. Снять не получится в любом случае. В конечном итоге оно его все же доконает. Но вот жить с ним он может долго, — пояснила я.

— И кого же мне искать? — снова спросил

Маркграф.

— Того, кто регулярно ездит в город. Ему необходимо наведываться к ведьме часто. Того, кто жаловался на здоровье. Возможно, сильно сдал физически, так как, несмотря на помощь другой ведьмы, проклятье все равно действует. Того, кому постоянно нужны деньги, потому что ведьма берет за подобные услуги очень дорого.

— Дорого? И сильно дорого? — уточнил он.

— Сильно. Посмертные проклятья убитой ведьмы — жутко дорогая вещь. Мы не сильно жалуем тех, кто убивает ведьм, поэтому это дорого. Правда есть вариант, что подобный человек мог угрожать своей помощнице. Тогда она может помогать за меньшую цену, — размышляла я вслух.

— Вариантов много, — кивнул Маркграф.

— Увы.

— А у вас нет соображений, зачем он убил старую Клару?

— Нет. Здесь множество вариантов. Просто огромное количество. Правда…

— Что? Договаривайте.

— Ваш последний поход? Я так поняла по отдельным намекам, что закончился он весьма плачевно?

— Да. Вам еще не рассказали, но клан белых

барсов — это клан наемников. Нам платят — мы работаем. Как правило, все же на службе у короля, но бывает, что крупные землевладельцы поручают работу. Захватить мятежный замок, освободить захваченную землю, устроить небольшой набег. Мы наемники. Нам подходит любая работа.

— И что случилось в последнем походе?

— На наш отряд сыпались неприятности как из рога изобилия. То, отправившись на разведку, попадем в засаду, то на привале нападут именно с той стороны, где расположились на отдых мы, то вся еда вдруг оказалась отравлена и оправились после него не все. И неожиданные смерти и пропажи людей и оборотней преследовали нас весь поход. Еще ни разу мы не возвращались с такими потерями, — и он хмуро посмотрел на меня.

— Простите. Мне очень жаль, что пришлось напомнить о потерях. Только вот Клара несколько раз попросила присмотреть за вами. А еще убили ее как раз накануне вашего отъезда. Не так ли? Вы ведь отправились как раз два года назад? — уточнила я.

— Да. Мне было тогда ужасно некогда. Сборы, выезд. Я узнал о ее смерти уже когда мы отъехали прилично от замка, я не смог тогда вернуть. О чем,

признаюсь, теперь жалею, — кивнул он мне.

— Не думаю, что это простое совпадение. И я больше того вам скажу…

И тут я услышала на улице знакомый крик.

— Ах ты тварь пернатая! — завопила я.

— Это вы мне? — на меня уставились две пары пораженных глаз.

— Да вы-то тут причем? — я выскочила из-за стола и рванула на улицу.

Глава 4. Кактус — единственное домашнее растение, которое может противостоять вашему коту, но, это не точно…

— …Что за ерунда! — возразил доктор Грейстил. — Разве кошки способны сделать хоть что-нибудь полезное?

— Ну, например, они могут смотреть на человека высокомерно и надменно, — ответил Стрендж, — заставляя его смутиться и задуматься о собственном несовершенстве, — чем не моральная польза…

"Jonathan Strange Mr. Norrell"

— Ты где был! Нет, ты, где был, наглый пернатый кобель?

Я разъяренной фурией вылетела на крыльцо. За мной послышались шаги и два моих гостя рванули за мной и застыли у меня за спиной.

— Что «угу»? Что ты мне тут «угукаешь»! Я уже два раза попала в переделку! Два раза выбилась из сил! Ночевала на кладбище!

— Лика? Это большая белая сова. Ее клюв способен выклевать вам глаза, а лапы расцарапать

лицо и руки. Они опасны. И птица никак не может быть кобелем, — Маркграф тронул меня за плечо.

Но я скинула его руку и решительно направилась к птице.

— Что значит ты разведывал территорию? Ты должен меня охранять! А не летать одни праведники знают где! Ты знаешь, что тут убили ведьму? Тут убийца ходит, а я тут одна! Нет, они не в счет. Они вообще не обязаны меня защищать.

— Лика? Почему это мы не в счет? — снова послышалось за спиной.

Но я махнула им рукой, чтобы не вмешивались, когда я тут скандал устраиваю.

— А тебе не приходило в твою пернатую голову, что я волновалась? Тут орлы горные шляются, где не попадя! Мне и ястреб на голову чуть два раза не сел пока я спускалась. Что значит ты пропах ведьмой и тебя не тронут? Я тебе все перья повытаскиваю, петух ты выщипанный.

Я дошла до сидевшей на покосившемся остатке забора птице и радостно обняла пернатого нахала. Ру потерся мягкой головой об мое лицо. Он тоже был рад меня видеть. Оперенье у него очень пушистое и приятное на ощупь. А еще Ру очень большой для совы, просто огромный.

И я конечно преувеличила. Никакой орел или незнакомый ястреб не рискнет напасть на него. Снежные совы вообще птицы не маленькие, а Ру — гигант. Да и весил он прилично. А еще он был наглым, вредным, вечно всем недовольным моим лучшим другом.

Вдоволь на обнимавшись с Ру, я решила проявить строгость.

— Шлялся всю ночь непонятно где! Вся защита дома сегодня на тебе. У меня нет сил ставить ни ловушки, ни проклятья. Сегодня я сплю. А ты охраняешь. Я было уже собралась мальчика просить! Да не того мальчика, другого. Тот мальчик меня вчера охранял, не могу же я его постоянно просить. Да. Вот представь себе. В дом лети!

Я обернулась на стоящих столбом «мальчиков» и направилась в дом. Ру бесшумно полетел за мной. Ага. Летает он совершенно бесшумно и очень смертоносно. И да. Он и в самом деле может выклевать глаза, расцарапать лицо, и причинить много неприятностей не только человеку, но и оборотню. Так что, доверив ему свою защиту на сегодняшнюю ночь, я ничуть не преувеличила.

Маркграф посторонился, давая нам с Ру дорогу и открывая дверь. Ру залетел и по-хозяйски устроился на шкафу с посудой. Он пару раз угукнул и в

целом остался доволен своим местоположением. Все видно и слышно.

— Лика? Это кто? — спросил Маркграф заходя следом.

— Это крошка Ру. Моя сова.

— Крошка?

— Ну, когда я его так называла — он был крошкой. Я же не думала, что он такой вымахает. А теперь уже поздно переименовывать, — пожала я плечами.

— Фух. Я-то уж было подумал, что новый вид оборотня, о котором я и не слышал, — пояснил свой вопрос Маркграф.

— Лика? Я сегодня уже отдежурил, если нужно я могу и остаться? — вдруг влез Брендан.

— Где это ты можешь остаться? — нахмурился Маркграф.

— Ну, покараулить? — замялся Брендан.

— Я тебе покараулю. А ну марш в замок!

Брендан подскочил на месте и расстроено вышел за дверь.

— Лика, я…

— Вы совершенно спокойно можете возвращаться в замок. Меня больше не нужно опекать. Ру вернулся и дом полностью безопасен. Мало кто решится побеспокоить покой ведьмы в ее

собственном доме, — и я убедительно посмотрела ему в глаза.

— Ну вот тут бы не был бы так уверен. Старая Клара наверняка думала так же, — возразил Маркграф.

— Я моложе, сильнее, у меня другая специализация, я не полагаюсь только на ведьмовские способности. Так что я справлюсь.

— Это я уже понял. Лика, я…

Стоило ему только протянуть руку в попытке дотронуться до моего лица, как со шкафа раздался предупреждающий угук Ру. А я отступила на шаг.

— Вам лучше уйти, Маркграф, — и я снова отступила на шаг.

— Да, разумеется. Простите, Лика, — и он отступил к двери.

Глядя мне в глаза и делая шаг назад, он вышел за дверь, а я выдохнула. И только когда услышала, как захлопнулись все две двери, обратилась к Ру.

— Нет, ты видел? Больше не вмешивайся, я сама разберусь. Что значит, он мне нравится? Понятное дело он мне нравится, только вот у меня проблем выше, чем башня донжона в его замке. Так что нет. Все, спать. Завтра тяжелый день. Что? Да знаю я, что у меня каждый день

тяжелый. Тем более спать.

Я выбрала самую дальнюю спальню. Чтобы незваному гостю дойти сюда понадобится преодолеть целых четыре двери, и я определенно услышу, как их будут открывать. Так что со стратегической точки зрения она была самой выгодной. И самой большой, и кровать тут была самая большая. Люблю большие кровати, это у меня еще от папочкиного дома видать привычка осталась. Так! Не те мысли перед сном. Папочку вспоминать совершенно ни к чему, а то всю ночь будут кошмары сниться. Лучше вспомнить пронзительный взгляд кошачьих глаз Маркграфа, его волевой подбородок и мягкие губы. Хм. Будет хороший сон.

И я завалилась спать в одежде. Потому что ванну так и не приняла, но хоть поела и то хорошо.

Утром я поняла, что дом нужно мыть и ванна отменяется. Зачем мыться, если потом опять пачкаться? И я приступила к уборке. Где-то что-то делала магией, но в основном все же руками, тряпкой, веником и самой обыкновенной водой. Эх, видел бы меня сейчас мой папочка. Его бы хватил трясунчик. И я бы с удовольствием на это посмотрела. Эх. Мечтать не вредно, вредно не мечтать.

— Ру! Наглая ты птица. Не трогай! Это мой чугунок и моя похлебка! Кыш отсюда. Иди охотиться! И чтобы ни одной мыши или крысы в округе не осталось. Я не собираюсь на это магию тратить!

И я выгнала этого орла недоростка на улицу. Ру может охотиться и днем. Это большое заблуждение, что совы охотятся только ночью. Все зависит от совы.

Я доела похлебку и хлеб. Нда, на сегодня мне хватит, а что делать завтра? Не каждый же день меня так кормить будут. Нужно идти в лес. Есть вероятность, что Ру принесет зайца, и я сделаю рагу, но рассчитывать на это не стоит. Зайцы они на деревьях не растут.

В лесу необходимо найти хижину, про которую говорила старая Клара, выяснить, как тут дела обстоят с грибами и ягодами. Да и вообще осмотреться. Про травы все более или менее понятно, благодаря запасам ведьмы, а вот с остальным полная неясность.

Но сначала уборка. Глотать пыль не хочется, да и ванну все же вечером принять не помешает. Убираясь, я заодно разбиралась, что у меня есть, а чего нет в хозяйстве.

Как выяснилось, есть у меня все. И даже больше. Старая Клара была очень хозяйственной

ведьмой, правда меня по мере того как я обследовала шкафы, кладовки и прочие хозяйственные помещения не покидал все тот же вопрос. Зачем ей все это было нужно в таких количествах? Если она жила одна…

Ну, я это просто трогать не буду. Мне вполне сгодится одна миска и одна чашка. И котелок для похлебки один и маленький. Но в печке их нашлась дюжина, и самое мое большое недоумение вызвал огромный котел. А вот он-то был ей зачем? В хозяйстве все пригодится? Ну ладно. Я не спорю. Может и сгодится. Только вот я ничего варить в таком огромном котле не собираюсь. Нет, я конечно правильная ведьма и с котлами обращаться умею. Только вот еще ни разу вот таким огромным пользоваться не приходилось.

Печку я все-таки затопила. Теми дровами, что лежали возле нее. И мне хватило буквально двух огромных поленьев, чтобы не только вскипятить котелок с травками для ванны, но и подогреть воду. Как же я давно не испытывала этого блаженства. Горячая ванна не только подняла мне настроение, но и настроила на вполне миролюбивый лад. Поэтому когда со двора раздался крик Брендана, зовущий меня, я не расстроилась, а была настроена вполне мирно поболтать.

Брендан пришел не один, а с братом. Тильпин заметно хромал. Ближе к вечеру это было особенно заметно. Я позвала обоих мальчишек в дом. И хотя Брендан был не на много младше меня, а может быть даже и ровесником, серьезно я не могла его воспринимать. Уж не знаю почему, но оба они были для меня мальчишками.

Я налила нам всем по кружке горячего сбора из трав и вопросительно приподняла брови. Мол, зачем пожаловали?

— Да я вот попросить вас пришел, — смущенно сказал парень.

— Брендан, давай на «ты». У нас не такая уж и большая разница в возрасте.

— Да? Спасибо — парень расцвел, будто я ему мешок золота отдала, без процентов, просто так.

Агась. Чтобы ведьма и рассталась с золотом? Да никогда. А парень снова стал серьезным и продолжил.

— Тильпин упал тогда со скалы в горах, очень неудачно упал. Много чего себе переломал. Но все обошлось, вот только нога так и не срослась как надо. Я вам говорил, может быть…

— Про ногу помню, — кивнула я. — А старой Кларе показывали? Она что говорила?

— Она сказала, что ничем помочь не может, —

уныло протянул мальчик, а Брендан ободряюще положил руку ему на плечо.

— Не может? Клара? Ну, ну. Давай я гляну. Нет, ты сиди, только ногу на соседний стул положи.

И я осмотрела его ногу, пару раз надавила и прощупала те места, что вызывали сомнения.

— Так, когда ты ее сломал? — спросила я когда закончила осмотр.

— Маленький еще был. Еще мама была жива, — грустно сказал мальчик.

— А сейчас ты с кем живешь?

— В кожевенной лавке, у Стива. У него дома детей пятеро, и я им не особенно то нужен. Но я помогаю в мастерской и по дому. Вот если бы у меня еще и нога была бы здорова, то я бы смог стать полноценным помощником кожевника. А может меня и на охоту стали бы брать, — мечтательно протянул он.

Я поморщилась. Не люблю я сообщать плохие новости, тем более парни молодые такие, а Тильпин вообще мальчик. Но и попусту вздыхать тут, — тоже плохая идея.

— Значит так. Старая Клара не стала вам ничего говорить, потому что сложное лечение и связываться она не захотела. Нога срослась неправильно и ее нужно сломать, собрать заново

и дать ей срастись.

— Это больно? — это Тильпин.

— Это дорого? — это Брендан.

Я кивнула им обоим.

— Да. Это дорого, больно, для ведьмы очень хлопотно и нервно. Вот Клара и не взялась. Но это еще полбеды. Допустим, вы найдете необходимую сумму, чтобы заплатить ведьме, но только этого будет мало.

— А что еще?

— После того как мы все сломаем, он не сможет ходить примерно месяца три, а то и все четыре. И все это время ему необходимо хорошо питаться и ни в коем случае не наступать на ногу. Если он наступит или тем паче пойдет в свою кожевенную мастерскую — то все труды насмарку.

— Так долго? — схватился за голову Тильпин.

— Да, уж прости, но ты в отличие от брата не оборотень, и регенерация у тебя обычная, как у человека. Травками и настойками ведьма сможет помочь. Магия способна ускорить процесс. Но ведьма не всесильна, — объяснила я.

— Меня никто не будет кормить три месяца. Дармоеды никому не нужны, — глаза у мальчика подозрительно заблестели.

— Мне жаль. Зимние месяцы — идеальное вре-

мя, для того чтобы все сделать, только вот я так поняла, что у вас зимой и с охотой сложности? И мяса на всех не хватает? — я вопросительно посмотрела на мальчиков и, дождавшись их кивков, продолжила.

— В замок ты его взять и ухаживать за ним не можешь? Ты там живешь наверняка в казарме, и возиться тебе с братом, никто не позволит. Тем более, что и там не любят дармоедов.

— Его Сиятельство туда пускает жить только оборотней. Исключение не делает. Даже если семья смешанная и жена, например человек, они тогда живут в деревне, а оборотень приходит в замок только на время, — подтвердил мою догадку Брендан.

— У вас я вижу только один выход. Накопить большую сумму золотом, чтобы хватило и на еду, и на лечение, и на уход. И это будет не маленькая сумма, которой я так понимаю, ни у одного из вас нет.

Братья переглянулись и снова кивнули.

— Если бы Его Светлость еще в поход пошел. Там у меня был бы шанс заработать, но еще не факт, что по весне мы в этот самый поход пойдем. И не факт, что меня в него возьмут, — печально протянул Брендан.

— Мне жаль. Но даже если бы я и захотела вам помочь, то вряд ли бы смогла. У ведьм есть несколько непреложных правил, которым мы обязаны следовать. И самое главное правило — ни при каких обстоятельствах не работать бесплатно. Ведьмин труд должен быть оплачен и желательно дорого. Если ведьма будет работать даром — ее сила станет ослабевать.

— А исключения? — с надеждой посмотрели на меня братья.

— Да, есть. Если самой ведьме это очень выгодно, если это родственник или очень близкий человек. Еще возможен обмен услугами, шантаж и угрозы. Только вот шантаж и угрозы применять к ведьме не советую. Это может обернуться большими проблемами. А услуга в вашем случае должна быть просто огромной, — объяснила я.

— Но мы могли бы тебе помогать? По хозяйству, например? Или еще то? — оживились они.

— Простите, парни. Да, помощь мне не помешает, и возможно я буду вас иногда просить, но только вот это не сильно вам поможет. Да и ведьмы по своей сути одиночки. Мы редко заводим привязанности, плохо сходимся с людьми, с нами сложно дружить. Так что я бы на вашем месте копила деньги, — покачала я головой.

Парни приуныли. Но потом Брендан хлопнул брата по плечу и сказал.

— Не унывай, Тиль. Мы что-то обязательно придумаем. Может быть, поход все же будет? Или вот мы Лике жизнь спасем? Это же будет равнозначно?

Я подавилась травяным сбором и закашлялась.

— Это будет равнозначно, только вот не надо меня спасать. Я не собираюсь попадать в подобные переделки. Ладно, парни. Вам пора. Я завтра на целый день в лес ухожу. Брендан, забирай корзину, что ты вчера принес, и не забудь передать благодарность повару за похлебку.

— А ты в лес? Завтра? А с тобой можно? Я отпрошусь в замке, — оживился Брендан.

— Нет, со мной нельзя. Я одна иду, почти. С крошкой Ру.

— Жаль. Может быть в другой раз?

— Нет, прости. В лес ведьма ходит одна.

Я встала и, вручив парням корзинку, выпроводила их за дверь. Ру налетался и вернулся домой, взгромоздившись на шкаф. Он довольно жмурился. Значит сытый. Я потянулась и отправилась спать. Завтра меня лес ждет, а в него лучше входить отдохнувшей и всем довольной. Мне нужно столько всего понять и разведать, и для этого

необходимы все мои силы.

Утро встретило меня легким туманом, но это не могло меня остановить, тем более что было еще очень рано. Когда я входила в лес он и вовсе рассеялся.

Пройдя буквально пару шагов, я недоуменно остановилась. Я ожидала всякого, только не этого.

Грибов было немыслимое количество. И ладно бы были ядовитые. Так нет же. Почти все съедобные, и не просто съедобные, а наиболее ценные из них. Я наклонилась и, сорвав один из них, аккуратно отделила шляпку от ножки. И снова удивилась. Боровик был красивый, плотный, не червивый.

Нда. Старая Клара, что же ты не приняла меры?

Я уложила белый гриб в корзину, что прихватила с собой и двинулась дальше.

Нет, я ничего против грибов не имею. Наоборот. Собираюсь их активно собирать, сушить и запасать на зиму. А сегодня меня ждет знатная грибная похлебка с травами. Мне не нравится их количество.

Лес — сложный живой организм и все в нем должно быть в меру. В меру грибов, в меру ягод, в

меру животных и птиц. И если что-то произрастает в огромном количестве, значит что-то не так.

А уж грибы — это явный признак того, что ведьме стоит насторожиться. И узнать это не так уж и сложно. Достаточно встать, а еще лучше лечь в ведьмин круг. Грибы часто образовывают круги. Ведьме достаточно найти такой и отпустить силу. Грибы покажут место, которое им не нравится. Все просто. Сил много не нужно, потому что лес и грибы все сделают сами. И вот отсюда вопрос.

— Почему же ты этого не сделала, старая Клара? — спросила я вслух.

*

Я шла все дальше в лес, ступая очень аккуратно. Никогда не знаешь, что за корешок ты раздавил, и какую травку помял. Иная травка потом отряхнется и зацветет после ведьмы еще краше и гуще. А вот другой может и не поздоровиться. И самое главное — никогда не знаешь, какая травка сегодня может спасти чью-то жизнь.

Шла я уверенно. Мне не нужно было сверяться с направлением. Во-первых, ведьма в лесу никогда в жизни не заблудится, а во-вторых, меня вели. Лес показывал, куда мне в данный момент нужно попасть.

Грибов по-прежнему было очень много, и за

ними нужно будет идти более целенаправленно. Сегодня у меня только разведка и освоение территории. А вот на заготовки я пойду завтра. Время терять ни в коем случае нельзя. И так уже середина лета. Оглянуться не успею, как зарядят дожди, и придет осень. А за ней и зима. Вот тогда сушеные грибы будут очень кстати.

А еще ягоды. Брусники здесь было много. И за ней тоже необходимо собраться. Ее листья очень необходимы в моем деле, но их у меня на чердаке много. А вот ягоды на зиму мне пригодятся. А почему местные жители не ходят за всем этим? Чего уж проще? Собрать бруснику, залить ей водой с травками и запастись на зиму. Она в холодном погребе замечательно стоит очень долго. Я недоуменно пожала плечами. Странно все это. У меня складывалось впечатление, что в лес никто кроме охотников не ходит. Ни дети, ни женщины. Это в высшей степени странно.

И Брендан очень оживился, когда узнал, что я сюда иду и хотел со мной. А что ж один? Неужели страшно? Только вот я пока ничего враждебного или отталкивающего не чувствовала.

А вон и малинник. Ягоды малины очень полезны и при простуде, и при любой другой хвори. Малина подойдет и засушенная. Вот мочить ее,

к сожалению, не получится, только сушить. Но и сушеная она сохраняет много полезных свойств. Ох, сколько всего собрать-то нужно. Мальчишки помощь предлагали? Значит, будут помогать. Потому что я не собираюсь все это изобилие тут оставлять. И я не жадная. Если лес дает, нужно брать. Лес сам разберется, когда у вас все отнять.

— Ру! Перестань меня так пугать! — завопила я на бесшумно подлетевшую птицу. — Ты же знаешь, что я этого не люблю. И не надо ковырять лапами этот пень. Это хороший пень.

Ру угукнул и повел головой.

— Уже близко? Ты со мной? Тебе там понравилось? Хм. Странно. Ладно, сейчас разберемся. Там никого? Мыши? Объелся? Обжора!

И я уверенно пошла вперед. С Ру вообще все сразу заиграло другими красками. Он в случае чего и предупредит, и защитит, и задержит опасность.

Впереди показался просвет и я увидела то, что ожидала увидеть. Поляну, а на ней развалившийся старый дом. Крыши не было, только каменные стены. Но заброшенно было не так давно, потому что стены еще крепкие, а крыша не до конца сгнила.

А вот это плохо. Похоже, отменяются мои завтрашние заготовки. Нет, я туда не полезу. Эта

земля Маркграфа? Вот пускай он и лезет.

Я аккуратно обошла дом со всех сторон. А вот за домом было поле. Самое настоящее поле засеянное… картошкой.

Дамы у меня на родине активно использовали картофель исключительно в декоративных целях. Его цветы втыкали в прически, и они долго держатся и не вянут. А еще они красивые и разноцветные — от белого до фиолетового. Ведьмы используют ягоды, которые ядовиты и в сочетании с другими добавками дают подчас неплохой эффект. Но самое главное — это клубни. Если собрать урожай с этого поля, можно всю зиму кормить половину деревни. Ну, половину — это я перегнула, но мне-то уж точно хватит.

Картофель явно рос тут, как попало. За ним никто не следил, не удобрял и не окучивал. И уж точно не отгонял вредителей. С вредителями я быстро разберусь, потому как теперь это мое поле, а над всем остальным стоит подумать.

Я прошла дальше и обнаружила яблоню. Яблоки это замечательно. В любом виде. Дерево явно с поздними плодами, значит можно будет тоже замочить. Дальше я углубляться в лес не стала. Еще нашла небольшой огородик с травками, но вот сорняки уже основательно над ним потру-

дились.

Я все еще раз как следует осмотрела, и пошла обратно. Ру пролетал несколько раз у меня над головой. Потом увидел, что я развернулась в сторону дома и довольно угукнул. Ему тоже не нравилась идея идти в дом. Я смелая, но я же дура.

На обратном пути собрала грибы. Но только на сегодняшнюю похлебку. Мне хватит, а завтра все равно идти сюда. Насобираю.

Вернувшись домой, сварила себе еду, поела и только после этого выдвинулась к замку.

Пока поднималась в горку по направлению к центральным воротам, все думала, когда же меня пригласят внутрь? Осенью? Или все же ближе к зиме? Хотя нет. Судя по тому как серьезно они относятся к безопасности, можно даже и не рассчитывать когда-нибудь попасть туда. Я фыркнула. Ру, летящий рядом, вторил мне ответным пофыркиванием. Не очень то и хотелось.

Меня встречали. Палисад или частокол, сделанный из бревен, с подъемными воротами был гостеприимно открыт и дежурный оборотень, высунув голову, поинтересовался.

— Вам кого, госпожа ведьма? Брендана позвать?

— Нет, Его Сиятельство. Я тут подожду.

— Может, в барбакан пройдете?

— И не подумаю. Беги давай.

Оборотней, дежуривших на палисаде, оказалось двое, и они переглянулись, посовещались, а потом один из них побежал к замку. Ждала я недолго. Что лично меня очень порадовало. Чем бы ни был занят Маркграф, ради меня он это бросил и пришел. Да пришел не один. За его спиной маячили еще парочка оборотней. Меня боятся? Хотя нет, думаю, что это для солидности. Или им любопытно? Кошки, что с них взять. И мы с Ру снова фыркнули. Ру сидел на деревянном частоколе и презрительно оглядывал замок. Ну, да. Мы с ним видали и побольше, но этот тоже не плох.

— Что случилось? — не здороваясь, встревоженно спросили у меня.

Глава 5. У котят — агрессия, у кота — депрессия

— Ты кто по гороскопу?

— Кот, но я не верю в эту ерунду.

— А у меня сексуальная совместимость с котами.

— Луна в овне, Венера в деве, первый дом в стрельце.

Я выразительно оглянулась вокруг.

Маркграф сообразил быстро и, подхватив меня за руку, вывел на дорогу к деревне. Вот это правильно. Любопытные уши нам точно не нужны. А слух у оборотней хороший, так что я понизила на всякий случай голос.

— Я была в лесу, там разрушенный дом. В доме тело. Тело на первый взгляд оборотня. И его скорей всего убили. Я туда не полезу. Вы — Маркграф — вы и лезьте, — коротко чеканя каждое слово, ответила я.

Маркграф нахмурился.

— Место покажете?

— Да, только не сегодня. Лучше завтра с утра. Его убили не сегодня и не вчера, а примерно в

то же время, что и старую Клару. Так что один день ничего не решит. А на ночь глядя я туда не полезу.

— Вы все-таки полезете? Со мной?

— С вами полезу. И не смотрите так на меня. Мне это тоже выгодно. Мало ли что там может быть внутри. Хм. Полезного в том числе.

— Значит я завтра утром у вас?

— Да, приходите пораньше и Брендана прихватите.

— Брендана? А он нам зачем? Вы не слишком много времени проводите с этим мальчишкой? — нахмурился Маркграф.

Вот тебя забыла спросить, подумала я, но вслух сказала совершенно другое.

— Он единственный, кому я доверяю. Он абсолютно точно не убивал старую Клару.

— Да, это верно. Хорошо. Мы завтра с утра будем.

— Не вздумайте в дом заходить. Я сама выйду. Я уже защиту повесила на крыльцо и окна, — и, дождавшись его кивка, повернулась к сове: — Ру, полетели домой.

Развернувшись, отправилась спать в собственный зачарованный дом ведьмы.

Утром я сидела на крыльце и гладила Ру. Сов

жмурился от удовольствия и довольно угукал. Мы с ним засекли приближение Маркграфа и Брендана, как только они вошли в деревню. Я взяла с собой корзинку для грибов, но она была маленькая. Заготовки потом.

Я вошла в лес почти сразу, а вот мои спутники потоптались и вошли только когда я их окликнула. Да что не так с лесом? Странно. Ну, убили оборотня. Это же не повод, в самом деле, сюда не ходить? Или я чего-то еще не ведаю? Надо бы выяснить. Ладно, потом. Дел и так полная корзина. Но я все же поинтересовалась у Маркграфа, и получила туманный ответ, что оборотни предпочитают охотиться в горах, что за замком. Лес отдан на откуп людям из деревни.

Я кивнула и спросила у Брендона, почему деревенские не собирают грибы. Парень даже остановился в недоумении.

— Так они же ядовитые?

— Что, все? — пришла моя очередь удивляться.

— Все! — уверенно заявил парень.

— И кто так сказал?

— Да никто. Просто мы собирали несколько раз, но потом после серии отравлений решили, что больше не стоит.

— Ну, ну. Как говаривала одна из моих тетушек:

«Съедобными грибами, конечно, не отравишься, но с другой стороны с ними и по душам не поговоришь!» В каждой деревне свои заморочки, но чтобы совсем грибы не собирать, такое первый раз вижу, — пожала я плечами.

— Они ядовитые. Может быть, для ведьмы нет, но человек или оборотень умрет, — продолжал гнуть свое парень.

— Ладно. Знала я одного повара, тот утверждал, что все грибы съедобны, а я просто не умею их правильно готовить. Но чтобы все ядовиты? Да нет, я не спорю, мне больше достанется, — решила поставить точку в бессмысленном споре.

Маркграф в споре участие не принимал. Ему были глубоко безразличны грибы. Он пару раз пытался спросить про дом и труп, но я лишь пожимала плечами и говорила, что он скоро сам все увидит.

Я вела их немного дольше, чем шла сама, и делала обходные пути. Потому что эти два нехороших… хм… оборотня, шли как на параде. Громко и совершенно не глядя под ноги. Они же мне весь брусничник перетопчут. Так что нет. Пусть лучше через валежник, зато моя малина целей будет.

На поляну с домом в итоге мы вышли слегка потрепанными, но зато я была довольна. А когда

ведьма довольна, то все вокруг счастливы. Это же известная истина.

Дом на поляне ничуть не изменился. И я, принюхавшись и отпустив магию, поняла, что со вчерашнего дня тут никого не было. Отлично. Сообщив наблюдения спутникам, я первая двинулась вперед. Внутрь я не заходила и понятия не имела, есть ли там ловушки, так что лучше бы я пошла первой. Вот схватят они проклятье, а мне потом снимай. Обезвредить его гораздо проще.

Дом хоть и каменный, но при этом очень маленький. Внутри оказалась всего одна комната. Крыша рухнула, но вот балки, что ее поддерживали, все еще стояли, поэтому комната была не сильно повреждена. Прямо посередине лежало тело. Ну, то есть то, что от него осталось.

— А почему он так выглядит? — спросил Брендон.

— Как? — в свою очередь спросила я.

— Разве не должны были остаться только кости? — и Брендон сглотнул, парень явно не был готов увидеть мумию.

— Процесс разложения протекает по-разному. Слишком много факторов и явлений на это влияет. Влажность, доступ воздуха, да много чего. Здесь он лежит на проходе, и при этом снег и

дождь на него не попадали, потому что над ним есть остатки крыши. Вот он и высох, — объяснила я свою версию.

— Вполне возможно. А с чего вы взяли, Лика, что это оборотень? Вы вообще в дом не заходили и его не видели. Как узнали? — спросил меня Маркграф.

— Не знаю. Я почувствовала смерть. И то, что смерть все еще в доме, значит внутри тело. Не знаю, почему, но мне показалось, что это оборотень. А еще мне очень не хотелось иметь дело со старостой. Вы мне кажетесь более разумным, а человеческим трупом вы могли и не заинтересоваться, когда как убитого оборотня обязаны осмотреть как Маркграф, — честно ответила я.

Он кивнул и даже слегка улыбнулся, отдавая тем самым дань моей честности и находчивости. А я спросила.

— Я ошиблась?

— Нет. Это и в самом деле оборотень. Более того, я его помню. Он собирался с нами в последний поход, только неожиданно передумал почти перед самыми сборами. Он ушел, сказав, что у него появились важные личные дела, — ответил Маркграф.

Он наклонился и принялся ощупывать остатки

одежды. Ничего интересного не нашел. Тогда он перевернул тело, и мы увидели, что одежда на спине была порвана и в бурых кровавых пятнах. Труп все это время лежал на спине, поэтому пятна остались, а вот с пола их смыли снег и дождь.

— Лика, а его нельзя призвать как старую Клару? — с надеждой спросил Брендан.

Ему тут очень не нравилось, и он решил, что если мы призовем убитого, то он нам все расскажет, в том числе имя убийцы и мы вернемся обратно в замок. Это все читалось у него на лице. Но я его сильно разочаровала своим ответом.

— Старая Клара была ведьмой. И она оставила свое посмертие специально для ведьмы, что придет узнать о ее гибели. Здесь самый обычный оборотень. Возможно, сразу после его гибели опытный некромант и смог бы его призвать. Но я не некромант, да и два года прошло. Дух уже давно ушел на перерождение.

— Жалко. Мы не узнаем, как его убили? — разочарованно протянул Брендан.

— А что тут узнавать? И так же все понятно, — пожала я плечами.

— Вот как? Может быть, обменяемся мнениями и догадками? — спросил Маркграф.

Он продолжал осматривать остатки домика,

тело, и то немногое, что осталось от мебели.

— Ну, думаю, что его кто-то вызвал сюда, в глухой лес, и в заброшенный дом для секретной беседы. Скорей всего разговор шел о деньгах.

— О деньгах? Почему? — удивился Брендан.

— Потому что только деньги, большие деньги, могли заставить оборотня отказаться от участия в походе. Поход — это всегда выгодно. Добыча и приключение. А тут прямо накануне он от этого отказывается и уходит. Что же ему предложили настолько выгодное? Скорее всего, деньги за что-то, — продолжила я рассуждать.

— Да, соглашусь, — кивнул Маркграф.

— А дальше все просто. Он пришел и был очень неосторожен и расслаблен. Он повернулся к своему собеседнику спиной. Очень может быть, что тот ему стал на что-то указывать на улице за окном. Или как-то по-другому его отвлек. Но суть в том, что он стоял спиной к своему убийце. А тот его ударил, — завершила я.

— Я согласен, — кивнул Маркграф.

— Есть что добавить?

— Кое-что. Ударил он его не как старую Клару небольшим кинжалом. Это был короткий клинок для ближнего боя. Короткий, но широкий. Крови было много. И еще. Убитый оборотень был очень

силен. Я его помню. Могучее телосложение и физическая мощь. Скорей всего убийца менее развит, поэтому действовал со спины.

— Это мог быть человек? Может быть, поэтому повернулся спиной? Не верил, что он может представлять реальную угрозу? — спросила я.

— Возможно, хотя вряд ли. Не знаю, что могло объединить оборотня и человека. И при чем тут старая Клара?

— А может быть эти два убийства не связаны? — влез Брендан.

— Это вряд ли. Я что-то не верю в такие совпадения. А тут и время, и способ убийства. Везде удар в сердце, проверенный и надежный. Да, оружие разное, но вот удары похожи. Хотя трудно судить по тому, что я вижу и то, что вы мне описали, Лика. Но все же сходство есть, — ответил Маркграф.

— А как вообще можно об этом судить? Тут же скелет почти? — не унимался Брендан.

— Ну, посмотри по одежде? И по остаткам кожи на трупе. Отверстие достаточно широкое, но не глубокое. Да и не сумел бы он достать незаметно большой меч, а для кинжала слишком широкая рана. Отсюда вывод — это был короткий меч для ближнего боя, — спокойно пустился в объяснения Маркграф.

— Никогда бы не сообразил. Я и половину бы выводов не сделал, — почесал голову парень.

— Лика? А вас не смущает еще кое-что? — спросил меня Маркграф.

— Что? Меня так много всего тут смущает, что я даже не знаю, за что хвататься, — нахмурилась я.

— И все-таки? — упорствовал Маркграф.

— Например, почему не закопал труп? Я еще могу понять со старой Кларой. Дом ведьмы. Испугался и убежал. Да и как бы он закапывал тело на глазах у целой деревни? Кто-то что-то всегда может увидеть. Но тут то? Почему? — в недоумении пожала я плечами.

— Я знаю! — вдруг обрадовался Брендан.

— Ну?

— Ему стало лень. Идти в лес, копать, тащить, пачкаться. Сюда никто не ходит. Зачем столько всего, если труп все равно никто не найдет?

— Ну, вот я нашла, — возразила я.

— Он не мог знать, что у нас новая ведьма появится. Ваше появление — удивительное волшебство, — с придыханием глядя на меня ответил мне парень.

— Эй, парень. Ты полегче с такими мыслями. Мал ты еще, чтобы в ведьм влюбляться, — оса-

дила я его.

Вот в самом деле. Только влюбленного Брендана мне не хватало. Будет еще мне серенады петь. Я же умру со смеху. А у меня дел невпроворот: ягоды и грибы не собраны, убийца не найден, с лесом что не так не выяснено. Какая такая любовь? Не до нее.

Маркграф открыл рот, чтобы что-то сказать, но услышав мои слова, передумал и довольно улыбнулся.

— При всем при этом в словах Брендана есть резон. Есть и еще версии помимо лени. Он не успевал. На носу был поход, и он принял в нем участие, это наверняка. Сразу тело он не закопал, а потом не хватило времени. Дел перед отбытием много. Так что это тоже возможно, — Маркграф еще раз обвел комнату взглядом, как будто что-то искал.

— Ну, тогда не следует исключать то, что он мог испугаться, — предложил Брендон.

— Испугаться? Убийца? — не поверила я.

— Ну, вы же сказали, Лика, что у ведьмы он мог испугаться. А тут тело в заброшенном доме, в лесу. Мертвецы — они страшные, — выдал парень.

Я кивнула. Я не боялась мертвецов, но вполне понимала страх перед ними. Но все же образ

убийцы у меня не вязался со страхом. Скорее со злостью и ненавистью.

— Очень может быть, что все эти факторы повлияли. А что же смущает вас, Маркграф? — спросила я.

— Место. Меня больше всего смущает место убийства. Зачем было тащиться такую даль? Не проще ли было убить поближе к замку и прикопать под ближайшей елкой? Или засыпать снегом в горах на охоте? Или столкнуть со стен замка? Можно было устроить несчастный случай? Все это проще, чем заброшенный дом в лесу, — и он снова прошелся по комнате, перешагивая через обвалившиеся доски крыши.

— А мы все осмотрели? Тут подвала нет? — оживился Брендан.

И мы дружно принялись исследовать пол.

В итоге повезло Брендану. Откинув в сторону мусор, он обнаружил в углу люк.

— Погреб?

— Подвал?

— Тайный лаз?

Почти одновременно выдали мы.

— Лика? Что чувствуете? Проклятья? Ловушки?

— Нет. Там все чисто. Более того, туда давно ни-

кто не спускался. Лет пять точно. Если проклятья и были, то за это время рассеялись. С ловушками сложнее. Но я не ощущаю западню, — ответила я.

— Примерно в это же время чудак, что тут жил, его покинул, — кивнул, подтверждая мои слова Маркграф.

— А кто тут жил? — спросила я то, что следовало выяснить уже давно.

— Один чудак. Мы его звали сказочник Вилли. Он был очень нелюдим, постоянно что-то бурчал себе под нос. Жил здесь лет десять. А потом ушел. Никто не знает, куда он направился. Впрочем, откуда пришел тоже. У нас в деревне его все любили, а еще он сказки детям рассказывал, — ответил Брендан.

— Однажды он поклонился мне и сказал очень высокопарно «Виль Гауф приветствует вас». А потом так же неожиданно развернулся и ушел, — задумчиво протянул Маркграф.

— Знавала я в детстве одного Вильгельма Гауфа. Он был философом, алхимиком и очень умным человеком. Только вот вряд ли это он. Что бы ему делать десять лет в этой глуши? А еще был у него друг, а вот того звали Вильгельм Гофман. И вот он тоже был сказочником, — в свою очередь

подумала вслух я.

— А это точно два разных человека? — Брендан удивленно смотрел на меня.

— Точно. И сказки они разные рассказывали. Но с другой стороны… — задумалась я, но почти сразу одернула себя под взглядом Маркграфа.

На меня бросили весьма настороженный взгляд. Надо бы поаккуратнее с такими вот рассуждениями. А то не ровен час и заподозрят что.

— Мы вниз-то пойдем? — вывел нас из игры в гляделки Брендан.

— На этот раз я первым иду, — решительно сказал Маркграф и спустился на первую ступеньку.

Она под ним предательски скрипнула, но выдержала. Ну, если Маркграф не провалился, то мы и подавно спустимся.

— Ведьмин свет зажечь? — спросила я.

— Нет. Я предпочитаю обычный огонь. Тут есть факел, воткнут в стену у первой ступеньки. Брендон?

— Сейчас. У меня тут где-то был кремень, — и тот принялся шарить по карманам.

— Да не несите чепухи. Я и обычный могу зажечь. Давайте сюда ваш факел. Вы будете до вечера тут копаться, — и я решительно протянула руку.

Как это ни странно, но мне поверили, и я разожгла огонь. Ведьмам вообще редко верят, я привыкла. Факел зажечь оказалось просто, так как он до сих пор был пропитан горючей жидкостью. Видать старый Вилли и в самом деле был алхимиком.

Маркграф стал спускаться ниже, освещая себе путь зажженным мной факелом. Брендан неожиданно для меня устремился вперед, а я закатила глаза. Мужчины. Да, пожалуйста. Я не возражаю. Можно подумать, что я что-то пропущу. Но оказалось, что да, пропущу, потому что снизу вдруг раздался вскрик Брендана. То ли испуганный, то ли удивленный, а может и то и другое вместе, поэтому я не стала медлить, а быстро опустив ноги на первую ступеньку, устремилась вниз.

Слетев с лестницы, я сначала не поняла, что именно могло испугать или удивить. Подвал был пустой. Кое-где валялись остатки деревянных коробов, в которых раньше хранилась наверняка картошка, которую я собираюсь по осени собрать с поля за домиком. Но по большому счету это был обычный погреб.

— Вы же говорили, что тут нет ничего? А тут. Вот. Мертвец! — и Брендан указал рукой на стену, напротив которой они стояли.

*

— Ну и где ты его увидел? Мертвеца? Вот и в самом деле говорят, что у «страха глаза велики». Это не мертвец. Это грибы такие, — спокойно объяснила я.

— Грибы?

— Ну да. Вот смотри, — и я спокойно подошла к деревянной стене, из которой торчали причудливые отростки и в самом деле напоминающие пальцы мертвого человека, а сами кончики у них были светлее и походили на ногти.

Я оторвала один из грибов и даже понюхала его, вызвав у моих спутников непроизвольный вздох. Грибы и в самом деле выглядели отвратительно, но это были всего лишь грибы.

— Вот видите, — и я разломила гриб напополам. — Он так и называется, «пальцы мертвеца».

— А вон то?

— И это тоже гриб. Называется «Рука дьявола». Другое дело, что он растет на трухлявых пнях и старых досках, но все же не в подвалах. А тут как будто кто-то специально его выращивал и ухаживал за ним, подпитывал магией.

Я в задумчивости посмотрела на старые доски, которыми зачем-то была обшита одна часть стены.

— Брендан? Это нужно сломать, — постановила я.

— Сломать? — в священном ужасе парень уставился на стену, из которой активно торчали скрюченные пальцы-грибы.

— Да. У этих грибов есть рад полезных лечебных свойств, но я обойдусь. Или еще найду. Так что ломай.

Брендан перевел взгляд на Маркграфа и тот кивнул. Тогда парень подошел и неуверенно отодрал первую доску. Но увидев, что за ней и в самом деле нет горы трупов, дальше действовал уже уверенней. Брендан — парень не глупый и храбрый. Но вот все что связано с ведовством, колдовством, мертвецами и прочей жутью нагоняет на него вполне закономерную панику. И я его понимаю и нисколько не осуждаю. Все, что живое, он, я уверена, не боится, но вот что за гранью, тут уж, как говорится, что имеем.

Он избавился от трухлявых досок быстро. За ними оказался небольшой слой земли, который кое-где отваливался вместе с досками, но частично остался на каменной кладке. Я подошла и стала прямо рукой очищать стену, уж больно меня заинтересовали надписи на ней.

Когда стена нашими совместными с Бренданом

усилиями стала чистой, мы были перепачканные, но довольные. Брендан тем, что в процессе мы уничтожили все грибы, которые ему не нравились. Я же тем, что оказалась права. Стена из старых досок скрывала эти надписи. Хотя, на мой взгляд, зачем так стараться, если все равно ничего не понять.

— Я уже это видела.

— Я уже это видел.

Произнесли мы с Маркграфом одновременно.

— Вы где? — спросили меня.

— В подвале моего дома. Ну, то есть дома старой Клары. А вы?

— У меня в замке. Эта надпись сделана так же как и здесь, на стене. Только вот не в подвале, а в моем кабинете, рядом с оружейной.

— Она давно там?

— Сколько я себя помню. Только вот никто не обращает на нее внимания. Ну, черточки, кружочки и птички. У меня она покрыта золотой краской и все принимают ее за своеобразное украшение.

— Вот почему такие сложности, — кивнула я.

— Вы о чем, Лика? — спросил Маркграф.

— Когда я спускалась у себя в подвал и увидела там эти надписи, я тоже не сильно ими заинте-

ресовалась. Потому как есть дела и поважнее. Я и думать о них забыла. Точно такой же эффект производят они в вашем замке. Ну, написано там что-то. Да мало ли. Дел и так хватает. А тут их спрятали. Более того засадили редкими грибами. Все это сделано, чтобы привлечь внимание к этой надписи, — объяснила я.

— Вполне возможно. Только не понятно, что это такое? — согласился с моими выводами Маркграф.

— Для начало было бы неплохо сравнить все три надписи. Может быть они разные? А еще поискать в книгах. Может быть в замковой библиотеке что-то найдется про это? Дайте задание хранителю? Я посмотрю у Клары на полках.

— Я распоряжусь. Но вот на первый вопрос я могу уже сейчас ответить. Они разные. Может быть символы похожи, но их расположение отличается. А еще у меня в замке их больше.

— Согласна. Я не сильно тогда их рассматривала, но совершенно точно, что они отличаются. Тут шесть строк, а у меня примерно восемь, — припомнила я.

— Я все осмотрел, тут больше ничего нет — подал голос Брендан.

— Ладно, тогда выбираемся. Лика, вы придете

сюда еще раз зарисовать эти надписи? Я бы хотел иметь их. Может мой замковый библиотекарь и храмовый служитель в одном лице, что-то посоветует.

Я кивнула, мы стали подниматься по лестнице. Я остановилась над телом и спросила.

— А где его оружие и вещи? Он же ушел из замка? И деньги. При нем они должны были быть. Но вот из ценного на нем практически и нет ничего. Пряжка и сапоги не в счет.

— Скорей всего убийца его ограбил. И это определенный след к убийце. Я выясню про его оружие. Может быть, кто что вспомнит? — согласился Маркграф.

— И еще у кузнеца деревенского стоит расспросить. Может быть, ему кто-то продал или отдал на перековку, — подал идею Брендан.

— Вот ты этим займешься. Деревенский кузнец на тебе. Я разузнаю что смогу в замке. Лика, с вас перерисовка надписей у вас в подвале и тех, что здесь, — продолжил командовать Маркграф.

Я кивнула в знак того, что полностью с ним согласна и задала не менее важный для меня вопрос. Потому что соседство со старой мумией меня не прельщало.

— Что будем делать с телом?

— Предлагаю сжечь. У него не было близких друзей в замке. Он наемник и по нему никто из местных не скорбел. Ушел и ушел, — пожал плечами Маркграф.

Я выдохнула и тут же выпустила из рук ведьмин огонь. Он мгновенно распространился на все тело, сжигая его быстро и главное до конца. С останками старой Клары я возилась гораздо дольше. А тут все закончилось почти мгновенно.

Мне очень не нравилось тело в старом заброшенном домике, я почувствовала заметное облегчение. Ну, вот теперь можно и картошку окучить.

Глава 6. Кошки могут быть очень коварными, подлыми и мстительными, и это далеко не полный список их достоинств

— Милая, а чё кот опять орёт? Может видит вещи, которые не видим мы?

— Да ну нет, он дурачок просто. Или зайчика солнечного увидел. Или тополиный пух на люстре. Или — вон — июньскую жирную муху на столе.

Кот: помоги нам господи…

Сущности: какой именно господи?

Несказки Хель

В последующие дни я была занята. Каждое утро ходила в лес за заготовками запасов на зиму. Заходила проведать мое поле картошки, которое мы вдвоем с Брендоном окучили и пропололи. При этом парень не возражал, поворчал только, что это бесполезная трата времени. Мол, трава ядовитая и зачем мне столько яда? Трава, и ягоды, и цветы, и в самом деле содержат яд, но мне нужны корни. Так что я не обращала не него внимания и стойко игнорировала ворчание. Только

подгоняла его. Он пришел за переписанными знаками со стен, но как итог — пропалывал мне картошку. Потому как я не работаю бесплатно. Маркграф узнал об этом и пожал плечами.

Всю вторую половину дня я чистила и развешивала на втором этаже грибы на просушку, мочила собранные ягоды в бочки, и встречала посетителей. Их сначала было не много, но потом пошли большим потоком. За два года, что у них в деревне не было ведьмы, накопилось много всего. Стариков вообще в дерене было подозрительно мало. Я-то думала, что именно они ко мне потянутся, но ошиблась. Шли женщины, девушки и дети.

И вот однажды мне принесли курицу.

— Но у меня больше нечем заплатить, — чуть не плакала молодая женщина.

— Она еще и живая! Я не убиваю птицу! — возражала я.

— Она будет нести яйца. — продолжала настаивать девушка.

— Да не надо мне сказки рассказывать. Ты потому ее и принесла, что яйца она не несет.

— Ее можно съесть зимой.

— Я не ем птицу.

— Как это?

— Так это. Оленину ем, зайчатину ем, а птицу

не ем.

Да мне сестры все перья по выщипывают, если я начну ее есть. Яйца ем, но вот птицу нет. Потому как не всякий желудь вырастет в полноценный дуб.

— Но что же мне делать? Мне очень нужен совет.

— Ладно. Давай сюда свою курицу. Ру! Лети сюда! У нас пополнение.

Крошка Ру тоже был недоволен. Вот теперь ему следи, корми и защищай. Самое главное, что курятник у нас был. Он стоял рядом с дровником, но только он был пустой. Ну не жалую я птицу в качестве еды, и мне совершенно он не нужен.

Проблема у девушки была, как почти у всех кто ко мне приходил, в беременности. Все женщины были либо уже беременны, либо хотели забеременеть, либо не хотели. С другими проблемами приходили реже.

Избавится от ребенка никто не пытался. Это я поведала первой же пришедшей женщине. И та уже донесла мою позицию до всей деревни. Ведьмы не убивают младенцев. Это один из непреложных законов. Как и не работать бесплатно. Да, ведьма может это сделать, только вот и последствия за это будут страшные. И потеря

силы покажется цветочками. Предотвратить нежелательную беременность ведьма может помочь, но это все.

Про надписи и убийства я даже не вспоминала. Мне не до того. Мне перезимовать как-то нужно. В конце концов, есть Маркграф. Вот у него пускай голова болит.

Маркграф пришел ко мне, когда я меньше всего этого ждала. Я ловила курицу.

Вообще эта птица принесла своим присутствием кучу проблем. Более любопытной твари свет не видывал. Она совала свой клюв во все места, и если некоторые были вполне себе безобидны, то вот как она попала в подвал — у меня в голове не укладывалось. А потом она чуть не утонула в бочке, потом на нее упала лопата. При этом птица не пострадала, а вот горшки, что были рядом, разлетелись на кусочки. И как она попала в закрытый сарай?

И это при том что Ру за ней постоянно следил.

И я бы рада была, если бы это ходячее недоразумение ушло назад в деревню, скажем, вернулось домой в родной курятник, но она каким-то образом четко поняла границы моей земли и не пересекала их. Забор у меня был покосившийся. С огромными дырами, а местами он и вовсе от-

сутствовал. Вообще и забором его можно было назвать очень условно. Но эта курица щипаная и не думала за него выходить.

Ру был страшно недоволен, я была на нее очень зла, потому что она постоянно отвлекала меня. И вот это существо, недостойное носить перья, влезло непостижимым для меня образом на второй этаж моего дома. И застряла лапой в выступающей балке второго этажа. При этом она голосила, что тот петух по утрам. Наверное, в балке была щель, или она подгнила, одним словом лапа не доставалась и птица голосила. Ру смотрел на это безобразие с конька крыши и ухал.

И что мне было делать? Я приставила лестницу и полезла за ней, чтобы снять эту безмозглую скотинку. Лестница была старая и трухлявая. Ступеньки не надежные, а я сама злая до невозможности. Этот куриный концерт, прерываемый уханьем Ру, меня достал. И вот когда я почти дотянулась до этой птицы, позорящей свой славный род, в мою калитку и вошел Маркграф собственной персоной. И с удивлением поинтересовался.

— А что вы там делаете?

Хотела бы я знать ответ на этот вопрос. Но у меня его не было. Вот совсем.

И вот я злая начала поворачиваться к Марк-

графу, чтобы сказать ему, что я думаю по поводу наглых кур, как ступенька подо мной трескается, и я начинаю падать. И падаю я не одна. А вместе с лестницей и наглой курицей, которая каким-то образом освободилась. Просто день непередаваемых чудес.

Меня поймали. При этом лестница треснула Маркграфа по голове, но она у него крепкая. Он даже не поморщился.

Меня держали на руках, что оказалось приятным. Прижимали к себе как некое сокровище, что тоже было приятно. А еще смотрели со смесью восхищения, недоумения и тревоги. За меня тревожились, что было вдвойне приятно. Я, знаете ли, люблю, когда за меня тревожатся. А то все сама да сама. В общем, слезать с Маркграфа я не спешила. И орать «Поставьте меня на место» как и положено благовоспитанной дочери ко… ну не важно. В общем, не собиралась я совершать такую глупость. Путь носит, мне приятно.

Но, увы, Маркграф быстро пришел в себя, и поставил меня на ноги, потер шишку на красивой голове и возмущенно сказал.

— Что это такое было?

— Это курица. Давайте меняться? Я вам курицу, а вы мне девять серебрушек?

— Один золотой за курицу? Несушка столько не стоит, — безапелляционно заявил этот хозяйственный оборотень.

— Если бы еще и несушка. Ладно, вам отдам за две серебрушки, по рукам? — и я с надеждой посмотрела на него.

— Где вы учились торговле? Вы совершенно неправильно это делаете!

— Да я знаю. У меня никогда не получалось торговаться. Так что, заберете?

— И не подумаю. А почему вы ее попросту не съедите? Раз от нее одни хлопоты и убытки, — удивился он.

— Я не убиваю и не ем птицу, — сообщила я понуро.

— Вот как? Любопытно. Насколько я знаю, только один вид существ придерживается этого правила и вы…

— А вы, собственно, зачем пожаловали, Маркграф? — перебила я его.

— Мой библиотекарь и капеллан все это время тщательно изучает записи, что мы нашли, и он пришел к выводам, что текст явно не полный. И должны быть еще куски.

— И все это он выдал спустя столько дней? А он не торопится. Эти выводы я сделала, как только

узнала про вторую надпись. А потом услышала от вас про третью. Это же классика? — и я направилась к дому.

— Вы куда? — послышалось за моей спиной.

— Пойдемте, я вам травок дам для вашего библиотекаря. Память и внимание ему поправить не помешает, — и я вошла в дом.

Маркграф последовал за мной и, войдя в главную комнату, заметил.

— У вас стало уютнее. И запах гораздо приятнее.

— Вот. Читайте, — и я подала ему открытую книгу.

Он углубился в чтение, потом посмотрел на обложку.

— «Учебник общей магии за первый класс»?

— Ну, да. Что вас удивляет? У старой Клары лежала на одной из полок. Такая есть в каждой школе. И как видите, там ясно сказано, что все магические послания следует разделять на пять частей. Только в этом случае магия будет действовать дольше, и послание останется почти на века. Ему будут не страшны даже землетрясения.

— У нас в горах не бывает землетрясений, — недовольно буркнул Маркграф.

— Жаль, но вот если бы они у вас были, то ваш

замок рухнул бы, а вот стена, на которой надпись — осталась. Здорово, правда? — я улыбнулась, но он продолжал хмуриться, и тогда я сказала то, что его беспокоило.

— Только непонятно, почему ваш библиотекарь так долго тянул, чтобы рассказать вам то, что известно любому первокласснику?

— Не знаю, но собираюсь это выяснить. Это относится к любой записи?

— Да. Раньше так принято было защищать магические книги от повреждений. Считалось, что пять книг с зашифрованным внутри посланием не подвержены пожарам и времени. Только вот это работало до поры до времени, точнее пока книги подпитывались магией. А как только библиотекари переставали это делать, книга начинала, как и все остальные, разрушаться. И в итоге оставался только листок с самой зашифрованной надписью. И ваш библиотекарь это отлично знает, — добила я его.

— А вам это откуда известно?

— Я хорошо училась в школе. И потом мои учителя были выше всяких похвал.

— И где же вы получили это образование? — и он, откинувшись на спинку стула, пристально посмотрел на меня.

— Неважно. Давайте я лучше угадаю, зачем вы пришли?

— Попробуйте, — кивнул он.

— Вы собираетесь идти на поиски следующей надписи и хотите позвать меня с собой?

— Да, — не стал отпираться он, и спросил. — У вас есть предположения, где ее искать?

— А вы куда собираетесь?

— Хм. Да вот в том то и дело, что я подумал о местном кладбище. И чтобы пойти туда, мне нужна ваша помощь.

— Боитесь по незнанию дров наломать? — догадалась я.

— Да. Никогда не поймешь с этими могилами. На одной можно танец сплясать и никого не потревожить, а на другой нечаянно цветок помнешь и заработаешь проклятье.

— Сколько?

— Один золотой.

— Один золотой и курица.

— Какая курица? — не понял Маркграф.

— Мне нужна еще одна курица. Может, если их будет две, то эта перестанет меня так доставать?

— И где я, по-вашему, курицу найду?

— У старосты?

— Ладно, договорились. Я придумаю что-то.

Когда пойдем?

— Я стараюсь без особой нужды ближе к вечеру на кладбище не появляться. Так что предлагаю завтра с утра. Кладбище никуда не убежит.

— Договорились. Мы придем. Я прихвачу Брендона. Он доказал, что может быть полезен, — с этими словами он встал и направился к двери.

Уже на пороге он остановился и не поворачиваясь сказал.

— Эрнст служит у меня библиотекарем уже много лет. Я всегда доверял ему. Вы же несколькими фразами умудрились разрушить это доверие и зародить в моей голове много подозрений. Еще и убийства, расследование которых не движется с места. У меня складывается впечатление, что я не могу никому доверять.

— Мне можно. Я давала вам клятву на крови. Вам и вашей земле. И у меня нет причин вам вредить. К тому же два года назад меня тут не было.

— Мне очень хочется верить вам. Очень.

И он вышел за дверь.

Утром я была ужасно злая. Крошка Ру и наглая курица устроили скачки с препятствиями по моей крыше. Уж не знаю, как курица туда забралась и что они искали, но этот топот над головой полночи не давал мне спать. И только когда я вы-

скочила как разъяренная фурия и запустила в эту наглую парочку зеленым ведьминым огнем, они угомонились. Крошка Ру привык к моей магии, и не должен был ее испугаться. Но вот на курицу магия, я надеюсь, произвела впечатление.

Так что Маркграфа я встречала не в самом радостном настроении. Но эти два… хм… храбрых рыцаря, когда узнали причину моего плохого настроения, вместо того, чтобы грустно покачать головами и посочувствовать, гнусно заржали как лошади в конюшне.

Вот же. Мужчины. Что с них взять. Совершено ничего не понимают в нашей тонкой душевной организации.

Но как ни странно этот смех и постоянные улыбки пока мы шли к храму и кладбищу подняли мне настроение и добавили бодрости. Так что когда мы подошли к ограде, я уже полностью забыла все мелкие проблемы и неприятности, и полностью сосредоточилась на поставленной задаче.

— Я знаю это кладбище как свои пять пальцев. Мы мальчишками тут частенько лазили и проверяли друг друга на храбрость. Нет тут никакой надписи, — уверенно сообщил мне Брендон.

— А вы что скажите, Маркграф?

— Я его досконально не обшаривал как Брендон, но все же соглашусь, что ничего подобного я тут не видел. Но с другой стороны, где еще ее искать как не здесь?

— Согласна. Все пять надписей должны быть расположены на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Так что ваше предположение наиболее вероятно. Давайте попробуем еще раз все осмотреть, на этот раз более прицельным взглядом. Предлагаю разойтись, — а про себя я подумала, что ведьме одной на кладбище комфортнее и думается лучше.

Мы бродили среди старых могильных плит, и не понятно было, что же мы, собственно говоря, ищем?

И вот я стою перед древним надгробием и тупо на него пялюсь. Ничего примечательного, разве что камень мхом зарос и надписи плохо видно. Оно довольно старое и дело до него нет никому. Я присела и стала снимать мох пальцами. Он был прохладный, так и лип к пальцам. Я аккуратно снимала его со старого камня и укладывала тут же рядом с могилой, корнями вниз. Захочет, прорастет.

Надпись все больше обнажалась, хоть ее и раньше можно было рассмотреть. Зачем я это

делаю? Словно услышав эти мои мысли, подошел Брендон.

— Я все осмотрел как вы и говорили, но ничего не увидел. А что это вы делаете? И почему магией не воспользовались?

— Магию на кладбище нужно применять очень осторожно. Вообще все на кладбище нужно делать осторожно. Да и зачем? Я ей мох сожгу. А так он может прорасти. Да не знаю я. Вот ты что видишь?

— Старая плита. Охотник погиб совсем молодым, судя по датам жизни. Наверное, на охоте кабан задрал? У нас это бывает. Ну, имя обычное. У нас в деревне каждый второй Кларенс. Фокинсов вот в деревне не припомню. Но мало ли их поменялось то за столько лет? Может он вообще пришлый был? Вот и не следит никто за могилой?

— Согласна, по всем пунктам. Тогда почему мы тут стоим? — недоуменно спросила я.

— Может быть потому, что в узоре, что обрамляет имя — птичка? — раздался голос за нами.

Мы обернулись к Маркграфу, а потом снова повернулись к могильной плите.

— Точно! Это же птичка, как на стенах в шифре! — на все кладбище возвестил Брендон.

— Хм. Опять птичка? Лика, а вот почему вы…

— Не почему. Просто. Птичка. Давайте работать? — оборвала я задумчивого Маркграфа.

А вот не зачем тут сопоставлять и изысканиями заниматься моей скромной персоны. Мы сюда по другому поводу пришли.

— Вы правы, Лика, отвлекся. Может быть, попробовать магией на нее надавить?

— Нет, думаю, что надавить будет достаточно. Ведь не все, кто обладают магией, могли искать надпись? Пробую? — и я уже потянулась к птичке, когда мою руку перехватили.

— Нет, тогда давайте лучше я, — Маркграф обвел пальцами контуры рисунка на памятнике, а потом нажал на изображение птички.

Рисунок дрогнул и прямо под пальцами Маркграфа ушел внутрь как клавиша у королевского рояля.

— Значит так. Ищем надгробия с вензелями, скорее всего, точно такими же, как и на этом камне. Узор будет уже не птица, а один из символов на надписи. Там были человечки, черточки и непонятные загогулины. Я думаю, что их будет пять.

— Я почти уверена, что их будет пять. Одну нашли, осталось четыре. И памятники должны

быть старые, как этот. Необязательно неухоженные, но точно старые.

И мы пустились на поиски загогулин, как назвал их Маркграф.

— Нашел! — быстро закричал Брендон и прежде чем мы успели к нему подойти, послышался второй его крик: — Нажал!

Точно так же все повторилась, только вот в этот раз был нарисован человечек.

— Я его помнил, но сопоставил с надписями только сейчас, — виновато сказал Брендон.

На этот раз могильная плита хоть и была старой, но видно было, что за ней ухаживают и мхом она не заросла. Семейство до сих пор счастливо живет в деревне, поэтому памятник цел.

Брендон быстро отыскал на других памятниках еще два символа, а вот потом вышла застопорка и сколько мы не бродили, найти пятый символ не могли.

*

После долгих блужданий я спросила у Маркграфа.

— А где похоронены ваши предки?

— Так вон там есть склеп. Он стоит отдельно от основного кладбища, но в принципе входит в ограду. Идем?

— А почему мы его сразу не обследовали? — удивилась я.

— Там уже очень давно никого не хоронили. Он увит плющом и стоит в отдалении, его не сразу заметишь.

Домик, а точнее склеп был и в самом деле незаметен, до такой степени его увил плющ, рядом росли деревья, тоже заслоняя его своей кроной.

— А ключ у вас есть? Дверь то вон какая массивная, — спросила я.

— Есть. Только вот он в замке, хранится у меня в кабинете. Нужно искать. Может, пока осмотрим? До этого символы были снаружи. Может быть и сейчас повезет?

И мы принялись за осмотр, что было с одной стороны не сложно, так как домик был маленький, а с другой стороны плющ его словно поглотил. А я категорически отказалась его рубить. Вот так мы и перебирали руками это лиственное царство, пытаясь под ними разглядеть символы и надписи. На этот раз повезло Маркграфу.

— Я нашел. Смотрите.

Я приблизилась, и в самом деле это был символ, изображающий расческу с множеством зубьев. Ну, или очень на это похожее. Маркграф надавил на него, и символ вошел в кладку стены склепа.

И тут почти сразу мы услышали скрежет, донесшийся откуда-то сбоку. Переглянувшись, мы решительно устремились на звук.

Мы шли, полагаясь исключительно на звук. Как будто что-то терлось друг об дружку.

— Стоять! — вдруг резко крикнула я.

Маркграф остановился моментально, а вот Брендон не успел, поэтому налетел на его спину, и повис на ней. Но чтобы сбить с ног этого могучего оборотня нужно нечто большее, чем молодой парень, пусть и оборотень. Поэтому ничего страшного не произошло. А могло бы.

Я подошла и прямо у ног Маркграфа стала аккуратно убирать траву. Потом поняла, что не справлюсь и применила магию. Я сжигала траву, обнажая под ней тонкую металлическую решетку. Вес Маркграфа она бы не выдержала, а учитывая, что прямо за ним шел Брендон, то они бы провалились оба.

— Как вы поняли, Лика?

— Понятия не имею. Я ведьма, а ведьме каждая травинка на кладбище что-то шепчет.

— А там внизу что? — влез Брендон.

Он продолжал виснуть на плечах Маркграфа и теперь высунул свой любопытный нос.

— Лика, я уже могу его скинуть с себя? — почти

прорычал Маркграф.

Я фыркнула и рассмеялась, уж больно комично они оба выглядели. Один хмурый, а другой любопытный.

— Да, можете. Нужно убрать решетку и посмотреть, что под ней.

Но стоило Маркграфу попробовать за нее потянуть, как она плавно отъехала в сторону. Я зажгла ведьмино пламя и кинула его вниз. Оно осветило узкий участок, но стало понятно, что весь пол утыкан острыми кольями, как при охоте на медведя. Еще во рву перед замком такие колья ставили. Только вот тут они стояли близко и часто. Ран было бы много. Ловушка что надо. Словом, упав туда, Маркграф и Бредон даже если бы и выжили, то сильно пострадали. А еще совершенно непонятно как их оттуда доставать, учитывая глубину и узость прохода. Так что к ранам наверняка добавилась бы сильная кровопотеря.

— Похоже, вы только что спасли мне жизнь, — подвел итог осмотра узкого подземного погреба Маркграф.

— Не за что, — кивнула я.

— Хм. Один золотой и курица? — и он лукаво посмотрел на меня.

— Я не меняю условия оплаты. Ваше спасение

в него входит.

— Меня зовут Роланд. Я думаю, что теперь будет логично перейти к такому обращению. Мне ваш «Маркграф» надоел, что та валеная оленина в конце зимы.

— Оленина — это хорошо. Лика, меня гораздо больше подвывания в животе бесят. Как начнет живот подводить с утра, так и не кончается его песня до вечера, — и Брендон сокрушительно покачал головой.

Мы с Роландом переглянулись и снова рассмеялись. Это было совсем не весело, но они только что чуть не погибли, нас сейчас веселило буквально все.

— Как будем спускаться? — спросила я.

— Я видел лестницу у домика смотрителя кладбища. Я быстро, — Брендон побежал по дорожке кладбища, прежде чем мы успели его остановить.

Но когда он быстро вернулся, таща лестницу, мы поняли, что это была единственная разумная идея.

— Я еще фонарь прихватил, — похвастался парень.

— Я спускаюсь первая. Не спорьте. Я почую опасность сразу, а вы только когда упадете на ко-

лья, — и я первая поставила ногу на ступеньку.

Ведьмин огонь плыл рядом со мной, освещая мне путь, но я старалась сильно его не зажигать. Берегла силы, тем более Брендон фонарь принес.

Я спустилась и аккуратно поставила ноги между кольев и только потом огляделась. Практически сразу же я зажала себе рот рукой.

Мертвецов тут было много.

Я не чувствовала смерть, как это было в домике в лесу, потому что мы и так были на кладбище. Тут кругом смерть, но я никак не ожидала, что в таком относительно небольшом и узком помещении окажется столько трупов.

— Лика! Что там? Лика! — в голосе Роланда была не просто тревога, а самая настоящая паника.

— Роланд, я думаю, вам лучше спуститься. Только вот Брендона ни в коем случае сюда не пускайте. Ему это все видеть не к чему, — оторвав руки ото рта, с трудом сказала я.

— Я спускаюсь, — последовал ответ.

Глава 7. Если у вас есть кот и вы с ним не разговариваете, то это очень странный и подозрительный симптом, вы для чего вообще кота заводили?

— Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?

— Мурр!

— Бабушка, а почему у тебя такие большие уши?

— Мурр-мурр!

— Бабушка, а почему… А, пофиг, что ты бабушку съел! Ты такой ми-и-илый!.. — гладит.

© Владислав Скрипач

Он спустился.

Умудрился сделать это, сжимая в одной руке горящий фонарь. Пока спускался еще и оглядывался по сторонам, поэтому, оказавшись внизу, он первым делом прижал меня к себе. Я уткнулась лицом в его широкую грудь и меня затрясло.

— Лика. Я с тобой. Успокойся.

— Их так много. Так много. Эти надписи того стоят?

— Я не знаю. Знаю только, что тебе следует прийти в себя. Без тебя я не справлюсь, позвать кого-то еще очень опасно. Я никому не доверяю. Как выяснилось под подозрением все — даже самые близкие, — и он еще крепче прижал меня к себе.

— Ты нужна мне, Лика, очень нужна, — прошептал он куда-то мне в волосы.

Я подняла голову и утонула в его глазах. Он так сказал, что я нужна ему, как будто это не относилось к тайнам и загадкам, что нас окружали. Мы стояли посреди узкого погреба, заваленного трупами, и он обнимал меня. Все остальное как будто потерялось. Остались только мы двое. Только он и я важны, а со всем остальным мы справимся.

Я встряхнула головой. Так. Что это вот сейчас было? Я вообще-то на работе! Соберись, Лика! Ты трупов никогда не видела? Видела! Правда не в таком количестве, но хватит уже слезы пускать. И я отстранилась, коря себя за эту слабость.

Высвободившись из его объятий, я еще раз обвела глазами узкий подвал. Хотя вернее будет называть его склепом.

— Какие мысли, Лика? — спросил Роланд, видя, что я пришла в себя.

— Эти люди мертвы уже давно. Кроме вот того

тела, — и я указала рукой на то, что было ближе всего к лестнице, по которой мы спустились.

— Судя по одежде и состоянию тела, это произошло около двух лет назад. Вот у меня под самым носом творилось, одни праведники знают что. А я так был занят предстоящим походом, что совершись убийство у меня в спальне и то, наверное, не заметил бы!

— Не злитесь. Этого уже не исправить. Теперь важно предотвратить возможные злодейства. И ликвидировать эту ловушку. Потому что в данном случае вы не правы. Это не убийство. Он, так же как и остальные упал сюда и напоролся на колья. И кто-то другой не стал его спасать, а оставил здесь.

— Уверены?

— Абсолютно. Посмотрите на раны. Именно такие и можно получить, напоровшись на эти колья.

Я подошла к телу и даже перевернула его, чтобы убедиться, что спереди оставлены такие же отверстия, что и со спины.

— Это же Питер! Он вечно тут болтался по кладбищу. Когда он пропал, его и не искал никто. Все удивлялись, как он зимует. Ведь его никто не кормил и в дом не пускал. Зачем он сюда полез?

— Думаю, что он не один сюда полез. Его пустили вперед. Как приманку. Ну, или он был тут, когда некто пришел на кладбище и начал нажимать на символы. А потом припустился первым к месту открытия входа и как итог — упал. Думал, что первым увидит сокровища, а попал в ловушку и спас тем самым того, кто это затеял. Мне кажется, дело было так.

— Я согласен. А что-то по остальным сказать сможете? — и Маркграф подошел к груде тел, сваленных как попало в двух углах склепа.

— Мне кажется, что существует некий механизм, который запускает эту ловушку. Тела лежат на кольях, но с первым нажатым символом, или с момента как мы выходим отсюда, пока не могу сказать точнее, ловушка снова приходит в движение.

— А тела сваливаются в кучу?

— Да. Как-то так.

— Сложный механизм и довольно древний.

— Сложный? Нет, не думаю. Парочка рычагов и шестеренок и вот вам вращающаяся смертельная ловушка.

— Смотрите, совсем старые скелеты почти. Тронь и они в прах рассеются. А вот эти относительно свежие. Выходит регулярно, у меня под

самым носом, на моей земле, кто-то пытается расшифровать тайные надписи?

— Да. И уже не один десяток лет. Если вас это утешит, то это происходило и у ваших предков под самым носом. Вы не одиноки в своей близорукости.

— Нет, не утешит. Так. Давайте выбираться отсюда. И я не буду уничтожать ловушку. Вот нечего соваться в чужие секреты. Тем более на моем кладбище! — Роланд явно злился и в первую очередь на самого себя.

— Вы Маркграф. Вы закон на своей земле. Только перед тем как выбираться, может быть, надписи перечертим? И с трупами что делать будем?

— Трупы так оставим. Это кладбище. Будем считать, что они сами себя похоронили. Живым меньше хлопот.

— Их кто-то мог искать.

— Не думаю. Если бы искали, обратились бы в первую очередь к владельцу земли. Ко мне! — рявкнул, недовольный всем Роланд.

— Надписи?

— Да. Их нужно перечертить. Второй раз сюда лезть не хочется!

Я достала из кармана кусок бумаги и огрызок

карандаша специально припасенные на этот случай. Я перерисовывала, старательно вырисовывая каждую палочку. А в это время руки Роланда легли мне на талию. Он прижался ко мне со спины и, наклонившись, смотрел мне через плечо.

Я вырисовывала птичку и наслаждалась его дыханием, теплом его тела и чувством защищенности, что дарили мне его руки. Только рисунки закончились, и я с сожалением подняла голову, оторвав глаза от бумаги.

Его губы были рядом с моими губами, и мне показалось, что меня сейчас поцелуют. Только вот Роланд отстранился и сказал.

— Выбираемся отсюда. Кладбище, трупы и старые склепы не место для…

— Для чего?

— Ни для чего! Давай на лестницу, Лика.

И чем ему кладбище не угодило? Прекрасное место. Тихое, спокойное. Никто ничего не видит, все соседи мертвы. Дивное место для первого поцелуя. Ведьме так сами праведники повелели целоваться исключительно на кладбищах. Ну, это я преувеличила чуть. Но, по сути… Так нет же. Сады с розами этим Маркграфам подавай. Ворчала я про себя, пока ползла вверх по лестнице.

На верху нас ждал хмурый и недовольный Брендан. Да что ж такое! Все кругом недовольные! Но вот на Брендона с его обидками у меня точно сил уже нет.

— Брендан, проводите Лику до дома. Мне нужно навестить старосту деревни. Сообщить ему о смерти Петера. И заказать на это место каменную плиту. Вы правы, Лика. Вовсе ни к чему, чтобы кто-то еще туда проваливался. Это я погорячился, — сказал выбравшийся на поверхность Роланд.

— Я рада, что вы это поняли. Я и в самом деле устала, Роланд. Да и сушку грибов никто не отменял, — и я, развернувшись, поплелась с кладбища, потому что и в самом деле выдохлась.

При выходе с кладбища мы разделились, потому что мой дом и дом старосты были в разных концах деревни. Пока шли, Брендан сопел и пыхтел как крошка Ру, когда спать укладывается на верхушке шкафа. В конце концов, я не выдержала и спросила.

— Что? И давай уже с тобой на ты перейдем? Что ты мне все выкаешь? У нас и разница в возрасте маленькая. Вот насколько я тебя старше?

— Мне двадцать четыре, — хмуро ответил он.

— Э…

— Что? Ты младше? Я так и думал. Мне не нравится, что ты принимаешь меня за какого-то мальчишку. А я воин между прочем, взрослый уже. Вот зря ты меня в погреб на кладбище не пустила. Я многое понимаю и тайны хранить умею, — выдал он мне после того как пропыхтелся.

— Да что ты? — я даже глаза закатила.

— Вот ты смеешься, а я серьезно. Я вот, например, тоже понял, что ты не только ведьма.

— Что значит «не только ведьма»? И что значит «тоже»? — я даже остановилась рядом с моим покосившимся забором.

— Ну…

— Давай уже говори! Я слушаю.

— Сама посуди. Разве простая ведьма будет так вольно и свободно разговаривать с Его Светлостью? И это твое «Маркграф»? Такое мог ему сказать только тот, у кого головы на плечах нету или ему совсем не жалко ее потерять. Или…

— Договаривай!

— Или тот, кто ему равен.

Я глотала воздух ртом не в силах и слова вымолвить.

— Ты не наглая ведьма, как могло показаться. Я не увидел в тебе этого. Да и никто не увидел.

Все восприняли это как должное. Просто ты так привыкла. Это у тебя выходит естественно. А такое получается только у тех, кто это использует с рождения. Ты кто?

Я продолжала ловить ртом воздух, но понимала, как же сильно я прокололась. Вот же. Мне казалось, что я все предусмотрела и учла. Только вот заложенное отсутствие почтения к титулам и в самом деле привитое с рождения сложно вытравить. И что теперь делать?

— Маркграф тоже понял?

— А сама как думаешь? Что бы Его Сиятельство разрешил кому-то называть себя по имени? Пусть даже ему и жизнь спасли? Ну-ну. Вот в том походе Сиг ему спину прикрыл и тоже жизнь спас. Так Сигу выдали мешочек с золотом и все. И никакого тебе панибратства. А тебе вдруг разрешили называть его по имени?

— Ну, я… — но слов не было.

— И то с какой легкостью ты к этому отнеслась. И почти сразу же назвала его так. Да любой бы трясся еще год, а так и не решился бы. А ты взяла и сразу же перешла, как ни в чем не бывало. Серьезно? Простая ведьма?

Я уселась на траву и подперла рукой щеку. Вот это я влипла.

— И знаешь, ты чересчур много знаешь для юной ведьмы. Старая Клара прожила дольше тебя, но не обладала такими обширными знаниями во многих областях. Ты ведь не просто школу окончила? Пусть даже в городе и магическую?

— Брендан…

— Я не собираюсь тебя предавать или чего-то требовать. Я тебе все это рассказал, чтобы ты поняла, что я не дурак и не маленький мальчик. И мне можно доверять.

— Я доверяю. Но вспомни, как ты реагировал на тот труп в разрушенном доме? Ты до сих пор косишься на него, когда мы туда ходим картошку пропалывать. А теперь представь, что таких трупов там много? И зачем тебе было туда лезть?

— Ну, да. В целом…

— Вот видишь. У меня в мыслях не было тебя обидеть. Я в самом деле относилась к тебе не серьезно, но обижать тебя не думала. Прости, если это так выглядело, — и я протянула парню руку.

А когда он пожал ее, утянула сесть рядом с собой.

— Ты кто? — спросил он после недолгого молчанья.

— Я попала в крупные неприятности, Брендан. И мне пришлось срочно собираться и, прихватив

самое необходимое, убегать из дома. Мне в прямом смысле грозила смерть.

— А почему ты выбрала наши земли?

— Я их не выбирала. Просто мы открыли максимально удаленный портал. Нам показалось, что чем дальше, тем лучше. Понимаешь, это очень сложное дело — настройка портала. Кропотливое и опасное. Поэтому мы с координатами даже не заморачивались. Действовали интуитивно.

— Мы?

— Да, я и мои сестры.

— Их у тебя что, много?

— Вообще то да. Очень много. Но прости, я не могу тебе этого рассказать. И не потому что не доверяю. Просто тебе этого знать не следует. Я уйду весной, и унесу свои тайны.

— Как бы я хотел пойти с тобой. С тобой весело и столько всего происходит. У меня в жизни столько событий не было, как с тобой за этот месяц. Но я не могу. У меня брат тут. А у него нога. Куда я его потащу хромоногого, — и он понурил голову.

— Брендон, прости. Но я не могу взять тебя с собой. Там, куда я отправлюсь весной, очень опасно. И меня скорее всего убьют. Я не могу утащить в это болото еще и тебя за собой. Прости, но это не обсуждается.

И я встала. И вот только я собралась уйти в дом, как заметила фигуру Роланда на дорожке, ведущей к моему дому.

И как себя теперь с ним вести? А, ну. И я даже рукой махнула. Буду, как привыкла. Все равно уже ничего не исправишь. Мы с сестрами, когда обсуждали мой побег, предполагали, что все может пойти не так. Что меня могут узнать, разоблачить и даже выдать «любимому папочке». Так что план отступления у меня был. Но я не видела смысла его задействовать. Роланду совершенно точно не до моих проблем. У него своих хватает. И потом одно дело догадываться о чем-то, а совсем другое знать наверняка. Так что пока действуем по старому плану. Зимуем, а потом решаем, что дальше.

По мере того, как Роланд приближался, я понимала, что он что-то держит под мышкой. Ой, мама ведьма. Это же моя новая курица!

— Лика? А вы уверены, что она вам нужна? Староста сказал, что это хорошая курица, только вот я что-то сильно сомневаюсь, — приблизившись, сказал Маркграф.

Вообще смотрелся он весьма комично. Огромный оборотень в легкой кольчуге с мечом у пояса, в дорогих кожаных сапогах. И с курицей под

мышкой. Чтобы не расхохотаться, я закусила губу, но, по всей видимости, что-то такое все же отразилось на моем лице, потому что Роланд скептически посмотрел на меня и вдруг расхохотался. Следом покатился со смеху так и не вставший с травы Брендон. И только потом не выдержала и я.

Курица высунула голову из под руки Роланда посмотрела на нашу веселящуюся компанию и завозившись выскользнула из рук Маркграфа. Только вот валялись мы уже на моей земле, поэтому она гордой немного царственной походкой направилась к дому.

— Роланд, а она яиц не несет. И толку от нее никакого, — выдала я.

— Я почему-то так и подумал. Уж больно староста ее нахваливал, — кивнул он.

— Ладно. Ближе к зиме разберемся, что делать с этим летающим гаремом моего Ру. Но я надеюсь, что станет тише и спокойнее.

— Вот ваш золотой. Мы в расчете? Курица и золотой, — он приподнял брови.

— Да. Только я не думала, что вы ее сами притащите, — и я фыркнула.

— Это я понял. У меня к вам предложение. Не хотите прийти в гости?

— Вы приглашаете в замок Ронсеваль ведьму? Не самое удачное решение, — я покачала головой, от такого в высшей степени неразумного поступка.

— Я приглашаю друга. Но если тебе больше нравится деловой подход, то да, ведьму. Мне необходимо, чтобы ты взглянула на надпись на стене у меня в кабинете и вообще прошлась по замку.

— Зачем?

— В последнее время рядом с этими надписями очень много неучтенных трупов, о которых никто не подозревает. Хочу, чтобы ты проверила, нет ли их у меня в замке.

— Хорошо. Мне нужна телега и сопровождающий в город. Вы подойдете, Роланд. Тем более, что вы туда в самое ближайшее время поедете, — озвучила я условия.

— А что, золотой и курица больше не работают?

— Хватит с меня куриц. Мне нужна телега. Некоторые продукты не заготовить самой. А я без них зимой не смогу. Так что?

— По рукам. Только вот с чего вы взяли, что я собираюсь в город?

— Собираетесь. Я в этом почти уверена. На следующий день после посещения Ронсеваля и

поедем. Брендона берем с собой. Мешки с мукой будет таскать.

— Я жду вас завтра утром в барбакане. Брендон, у тебя ведь еще дежурство вечером? Нечего тут рассиживаться. Идем, — и он утянул с собой поднявшегося парня, который все время оглядывался на меня и явно хотел поговорить.

В эту ночь я хорошо спала, как давно уже не делала. Тишина и покой стояли в округ замечательные. Когда одна куриц… в смысле девушка нападает на другую, то можно просто дать ей другую цель. И вот она уже делит территорию с другой курицей, а меня не трогает. Крошка Ру за ними приглядывает. Наверняка они потом и его делить начнут. Лишь бы меня не трогали, и еще не приведи праведники, не объединились против маленькой меня. А то ведь я и сжечь могу. Случайно. А сестрам потом объясню, что я защищалась. Точно. Их же двое теперь? А я одна. На их стороне численный перевес, так что бой был жаркий. Да. В случае чего так и объясню.

Отлично выспавшаяся и довольная жизнью я подходила ранним утром к замку. Ронсеваль нависал громадой и подавлял своей главной башней. Нда. Донжон высокий, толстый и массивный. Все, как и полагается в хорошем замке.

На этот раз меня ждали еще у частокола, и беспрепятственно проводили в барбакан. К моему огромному удивлению Роланд меня уже ждал. Но помимо него тут столпилось еще много оборотней, порядка десяти. И чего им не спится в такую рань? Это они все на меня пришли посмотреть? Ну, ну. Я за просмотр денег не беру, хотя надо бы.

Из барбакана мы вышли всей толпой. Я шла рядом с Роландом, а вот оборотни шли за нами.

И внимательно следили за каждым моим взглядом, жестом и, по-моему, даже за выражением лица. Ну, да. Ведьма. В замке. Мало кто так рискует. Я же могу… Да много чего я могу. Только вот не нужно мне все это.

Предмостные сооружения, так же как и все в замке, были надежны и массивны. И хорошо простреливались из бойниц и амбразур. Врагу, пожелавшему захватить замок, очень не поздоровится. Даже с небольшим гарнизоном, имея такие укрепленные стены, можно продержаться очень долго. Да и обороняться всегда легче, чем нападать.

Когда я спускалась с гор, я поразилась количеству башен в замке. Помимо высоченного и выглядевшего как толстый повар донжона, в замке присутствовали, казалось все возможные

виды башен. И Дозорная — она была довольно узкой и, как и полагается высокой. И Сторожевая, располагавшаяся непосредственно рядом с подъемным мостом. И Фланкирующая башня, здесь ее построили, чтобы избежать возникновения мертвой зоны, которую нельзя обстрелять ни из какой точки замка. Были здесь и жилые корпуса, невысокие строения в два этажа. Скорей всего внутри это были казармы.

Помимо этого я успела рассмотреть множество мелких зданий. Наверняка была и кузня, и еще много подсобных помещений. Это было похоже на небольшой город.

Но мы шли к донжону — главной башне во всех замках. Он, как и полагается, находился в самом защищенном месте замка, и был что-то типа крепости в крепости. Наверняка именно здесь находился колодец, тут же располагался склад с оружием и припасами. Да и тайный ход из замка наверняка шел отсюда. Даже если противник смог бы сюда прорваться, ему пришлось очень сильно постараться, чтобы взять штурмом эти толстые стены и огромные окованные железом двери. Особенно, если тебя в это время поливают огнем из стрел, кипятка и нечистот. Бойницы и амбразуры донжона были скрыты арками и

защищены деревянными ставнями. Арки были узкими, и похожими на зрачок оборотня.

Едва мы вошли в тяжелые двери, как я резко остановилась.

В каждом замке бывает много смертей. Оборотни и люди за много лет погибали, защищая его. Были и несчастные случаи, и просто смерть от старости. Замок старый и, разумеется, он видел многое за столько лет. Но ведьма чувствует не это. Ведьма ощущает насильственную смерть, которая до сих пор была здесь. Мало того, что убийство не отмщено, так и тело до сих пор тут. Это интересно как? Кладбище у нынешних оборотней не популярно?

Видя, что я стою на пороге, вся наша процессия застопорилась.

— Лика? Что-то не так? — и Роланд не только вернулся к застывшей как изваяние мне, но и взял меня за руку.

— А почему вы не похоронили тело?

— Тело? Какое тело, Лика?

— В башне мертвое тело. Почему вы его не похоронили?

— Лика? Вот давайте вы поподробнее объясните? Что значит тело? Где?

Я помрачнела и крепче вцепилась в руку Ролан-

да. Нет, я храбрая и независимая ведьма, только вот убийств вокруг меня за последнее время стало слишком много. Все это наваливается как ком и в итоге сметает мою храбрость подчистую. Мне сейчас совсем не хочется ходить по башне в поисках трупа. Но, по всей видимости, придется. Только нужно уточнить.

— Роланд, тело, когда разлагается, издает непередаваемый запах. Помимо этого, пропажа человека или оборотня из хорошо охраняемого замка само по себе событие значимое. У оборотней отличный нюх. Вот и скажи мне, как вы это пропустили? Мне совсем не хочется обыскивать башню. Поэтому, скажи мне, где тело могли не почуять?

По мере того как я говорила Роланд становился все мрачнее. Ну, еще бы. Он злился, когда мы находили трупы на его земле. А тут в его доме. Не просто у него под носом, а буквально у него перед глазами.

— Ганелон! — гаркнул он на одного из оборотней.

Да, помню. Это один из тех, кто встретился мне тогда в горах. Сильный оборотень.

— У нас пропал помощник кастеляна около двух лет назад. Это была единственная пропажа

за последние десять лет. И то мы тогда подумали, что он упал со стены или вышел через потайную калитку, хотя ему о ней знать по чину было не положено. Но может сам нашел ее? Мы тогда этим не сильно озаботились. Тем более он деньги, кажется, украл? — ответил оборотень.

— Кажется? Упал? Нашел? Что за бред? Почему не расследовали кражу? — продолжал бушевать Роланд.

— Мы тогда в поход ушли, а когда вернулись, я не спрашивал. Нас год же не было. Подумал, что без нас уже выяснили и всех наказали. Нужно у кастеляна спросить или у Карла. Он оставался за начальника стражи пока мы были в походе.

— Да, все сходится. Опять перед самым походом, — кивнула я.

— Карла сюда! Живо! — и ухватив меня покрепче за руку, повел внутрь донжона.

На первом этаже располагался Большой зал. Огромное помещение, со сдвинутыми к стенам столами и стульями. Только в дальнем его конце на возвышении стоял стол со множеством стульев и от него вели ступени к возвышению на котором и стоял трон Маркграфов этих земель.

Но Роланд скорей всего сидел на нем не часто. Потому что он уселся в торце стола на стул с вы-

сокой спинкой и усадил рядом с собой меня. Мы принялись ждать главного кастеляна ответственного за все хозяйственные нужды замка.

Глава 8. После смущенного вопроса соседки: "А котятки у вашей не родились еще?", я поняла, что кота действительно пора сажать на диету

— Да куда же вы в блогеры без котиков прётеся?! — возмутился демон, — Отпусти хвост, щаз всё будет.

Он обернулся маленьким толстым котиком, растопырил розовые пальчики на лапках и сказал:

— Чё смотришь, фотай давай! У меня копыта сводит. Будет тебе тыща лайков.

© Зоя Арефьева

В других замках я всегда встречала кастелянов старых, сгорбленных и ужасно вредных. У них зимой было снега не допроситься. И вот сейчас я ждала чего-то подобного. Долгого и утомительного брюзжания, причитания что, мол, в конец я его бедного разорила, что быть этого не может и он тут совершенно точно не причем. Вот рядом он со всей этой историей не стоял, и мимо не про-

ходил. Что свет еще не видывал такого образца честности и финансовой грамотности, как он. Что во всем я виновата, ну и еще все мои предки по женской линии, разумеется. И что от ведьмы сроду ничего хорошего ждать не приходится. И верить ведьме последнее дело и…

Ага. У Роланда даже кастелян был оборотнем с военной выправкой и солдатской прямолинейностью. Он сразу же признал свою вину. Мол, прошляпил и недоглядел. Что помощник был странный и вынюхивал постоянно что-то. Но наняли его буквально перед самыми сборами в поход, и тогда было некогда с ним разбираться. А потом он пропал. Деньги пропали, но не большая сумма. Ему поручили докупить провианта, там было не много. Вот с ней-то он и пропал. А еще, что странно, припомнил кастелян, пропал он, а его вещи в замке остались.

Расследование? Да. Они его поискали, но следов никаких не нашли, не сильно его и искали. Человек был новый, друзей завести не успел, за него никто не переживал и не расспрашивал. Да и общался он всего с одним оборотнем. Да тот ушел потом, отказавшись участвовать в походе.

Я посмотрела на Роланда и получила едва заметный кивок. Это тот, которого мы нашли в

домике.

— А откуда он появился в замке? Кто его рекомендовал? Или мы теперь в замок кого попало на работу берем?

— Его староста привел. Сказал, что это его родственник приехал из города. У него рука была скрючена, на ней не хватало нескольких пальцев. Такому работу найти тяжело. Вот он его и привел. А я взял. Старосте не доверять у меня причин не было. Я потом к нему приходил, расспрашивал. Но тот родственника не видел, и к нему он не заходил. Его вещи, что в замке остались, я старосте передал. Там ничего интересного не было. Одежда, и так по мелочи, — ответил кастелян.

Роланд помрачнел еще больше, хотя мне казалось, что дальше просто не куда. Он молнии начнет метать? Но тот треснул кулаком по столу. И тот, к его чести, даже не пошатнулся. Хорошее дерево, крепкое и надежное. Впрочем, оборотни, что были в Большом зале, никак на это не отреагировали. Наверное, это у Маркграфа привычное дело — мебель крушить.

— И где нам теперь его искать?! — он обвел всех собравшихся суровым взглядом.

Все молчали. Ну ладно. Я это заварила мне и расхлебывать.

— В подвале. Больше негде. Только там запах мог быть не учуян. Подземелье же есть?

— Есть, только вот не под этой башней. Под донжоном располагается кухня, комната с колодцем и зимняя кладовая. Подземелье и тюрьма в башне Ворона, — ответил мне Карл.

— Башня Ворона? — удивилась я.

— Ну да, та, что с контрфорсом. Он выглядит как клюв, ее так и прозвали, — пояснил мне Брендон, стоящий вместе со всеми.

На него все так странно посмотрели, как будто он что-то не то сделал. Он что молчит тут всегда в присутствии старших? Очень похоже на это.

— Контрфорс, это… — начал было Ганелон с презрительной усмешкой, но я его перебила.

— Выступающая часть стены, вертикальное ребро, опора, предназначена, для усиления несущей стены. Я знаю, — и я улыбнулась ему фирменной улыбкой, от которой все трясутся.

Ганелон не стал исключением и, вздрогнув, сжал губы. А вот не надо лезть ко мне. Будет нужно, я сама спрошу.

— Лика? Может быть, сходим в подвал? — совершенно другим тоном спросил Роланд.

С кастеляном он разговаривал резко и решительно. А тут меня явно просили, а не приказыва-

ли. Вот когда со мной по-хорошему, то и ведьма сразу добреет. Меня совершенно не тянет ни в какой подвал, но я встала и кивнула.

В углу располагалась неприметная дверь, ведущая на лестницу. Лестница вела вверх и вниз в подвальные помещения.

— Карл, Ган, вы с нами. Остальным делать нечего?! — рыкнули на оборотней, которые мгновенно рассредоточились кто куда.

Их просто ветром с гор сдуло.

— Лика? Может сначала наверх? Там личные покои, спальни, оружейная, библиотека и мой кабинет с пресловутой надписью.

— Нет. Нужно найти тело. Это важнее. Правда ни то ни другое от нас все равно уже не убежит, но все же самое неприятное лучше сделать в начале. Спускайтесь, а я за вами. Роланд, а вы обратили внимание, что рядом с надписью всегда трупы?

— Обратил. И мне уже не кажется это простым совпадением.

— Меня это пугает. Будем надеяться, что это последняя смерть на нашем пути.

Спустились мы не глубоко, буквально два пролета. И вот уже перед нами дверь, ведущая в хозяйственные помещения.

— А разве не опасно иметь два подвальных

помещения? Устойчивость не пострадает? — спросила, проходя на кухню.

— На самом деле вы не заметили, госпожа ведьма, но это Большой зал расположен на втором ярусе башни, а кухня и хозяйственные помещения — это как раз и будет первый этаж. Поэтому колодец и погреб находятся в подвале, — объяснил мне Карл.

— Да, мы поднимались по небольшим ступеням, прежде чем открыли дверь в донжон, — кивнула я.

— Эти ступени затрудняют таран дверей.

— Представляю, сколько крови они видели.

— Нет, на самом деле немного. Замок почти неприступен и враг почти никогда не доходил до донжона, — сказал Роланд.

В кухне вовсю кипела работа, но при нашем появлении все замерли и даже попытались выстроиться в ряд, чтобы поприветствовать, но Роланд махнул рукой и сказал.

— Продолжайте работать. Жофруа, иди сюда, — он поманил к себе старшего из мужчин, как я поняла главного тут над всеми.

И вот опять. Повар же должен быть толстым, дородным, с пухлыми щеками и иметь три подбородка. Ну, на крайний случай два. А передо мной

опять стоял оборотень с солдатской выправкой, который мало чем отличался от кастеляна Карла. Ну, может быть ростом. Этот был чуть пониже.

— Нам нужно осмотреть кухню и все хозяйственные помещения.

— Нет — вмешалась я.

— Нет? — удивился Роланд.

— Нам нужен только подвал. И в кухне, и во всех примыкающих помещениях, труп бы заметили. Единственное место, где он мог остаться незамеченным — это подвал.

— Труп? Незамеченным у меня? Да что вы такое говорите, госпожа ведьма? — возмутился вполне себе натурально этот повар-оборотень.

Я пожала плечами, а Роланд двинулся в глубину кухни.

Это была самая обычная замковая кухня, на которой вовсю кипела работа. Здесь стояло несколько столов, шкафы с утварью, огромная печь-очаг со стоящими на ней кастрюлями и сковородками. Готовили, как я успела заметить, в основном мясо. Ну а что еще едят оборотни? Мясо. Но еще и готовили впрок. На зиму.

Мы прошли через всю кухню, и вышли к двери, ведущей в подвал. И я отчетливо уловила смерть. Я поежилась и посмотрела на Роланда. Он

поймал мой взгляд и вопросительно приподнял брови. Я едва заметно кивнула. Он нахмурился и взял меня за руку. Страх отступил. Рядом с этим огромным и сильным оборотнем мне явно не стоит бояться. Да и с каких это пор ведьма стала страшиться трупов? Что за чушь в конце концов!

Спустившись вниз мы обнаружили несколько дверей.

— Вот эта дверь в колодец. Будете смотреть? — прокомментировал повар, гремя ключами.

Я кивнула и вошла первой. Первая комната была не заперта и в ней стояли бочки. В них хранилась вода, для нужд кухни. Еще один колодец был на улице, во дворе замка. Из него брали воду, чтобы не бегать в подвал. Этот колодец носил еще и защитную функцию на случай осады.

— Вода в бочках меняется. Но колодец все равно заперт на случай отравления или еще какой беды. Открыть?

Я стояла и смотрела на эти бочки. Они мне не нравились. Вот не нравились и все тут. Хотя, казалось бы, что с ними не так? Я не отреагировала на вопрос повара. Роланд кивнул за меня, и они прошли в колодезную. А я все продолжала смотреть на бочки.

— Лика? Я осмотрел колодезную. Там пусто.

Будешь смотреть?

— А? Нет. Пошли дальше, — и я направилась на выход.

Дальше шла кладовая с мясом. Мясо было подвешено на крюках и его было много, очень много. Оно было разное уже закопченное и высушенное и тут же стояли эти бочки. Я снова подошла к ним, не понимая, что не так.

— В них куски мяса, пересыпанные солью. Прикажете открыть? — спросил повар.

Но я снова покачала головой. Нет. Открывать не нужно. Это не то.

Мяса было много. Но с другой стороны и кормить всю эту ораву необходимо всю долгую зиму. У меня в подвале столько запасов нет. Я прям чуть от зависти не лопнула. Это отвлекло меня от мрачных мыслей. Вот когда я жадничаю и скупердяйничаю, то мне уже не страшно, даже как-то веселее стало.

— Дальше, — велела я.

— Я очень сильно извиняюсь, но животные… Может быть, госпожа ведьма чувствует их смерть? — и снова на меня смотрят презрительно и насмешливо.

— Вы ведь повар? Так? Вот вы мне и ответьте, вы можете отличить мясо оленя от медвежатины?

Или мясо кабана от мяса зайца? — и я снова улыбнулась своей фирменной ласковой улыбкой.

В этот момент на моем лице отражается вся моя ведьминская суть. И повар ожидаемо вздрогнул и попятился.

— Я жду ответа, — и я сделала шаг в его сторону.

— Да, разумеется госпожа ведьма. Я могу отличить и по волокнам и по жирности и по… — и он снова попятился.

А я сделала еще один шаг.

— Отлично. Так почему вы думаете, что я могу спутать? А мясо человека или оборотня? Вы способны отличить его от мяса животного? — и я снова ему улыбнулась, на сей раз, еще и магию выпуская.

И тут повара затрясло. Он прижался спиной к стене и дрожал как осиновый лист. А меня сзади обняли руки Маркграфа и прижали к сильному и горячему телу.

— Лика. Отпусти его. Он все понял, — прошептал мне Роланд на ухо.

Я тряхнула головой и отвела взгляд от повара, который к его чести устоял на ногах, и не сполз по стеночке, у которой стоял.

— Простите. Не люблю, когда сомневаются в

очевидных вещах.

— Пойдем. У нас последняя ледяная кладовая. Там лед, свежее мясо и не переработанные продукты.

— Идем, — кивнула я.

Последняя кладовая была самой холодной. Здесь лежали и не таяли огромные куски льда, а еще был снег, им засыпали туши принесенных с охоты животных. Я поежилась, мне на плечи тут же накинули плащ. Роланд снял его с плеч и укутал им меня. Мне он был велик, но сразу стало тепло. К тому же он был пропитан Роландом, его энергией и жизнью. Меня перестала бить мелкая дрожь, и снова стало гораздо спокойнее. Поэтому я уверенней прошла дальше в глубину холодной кладовки.

И здесь тоже прямо во льду стояли бочки. И не во всех было соленое мясо. Некоторые из них были с моченными яблоками, в некоторых был уже готовый яблочный сидр. Я вот тоже собиралась мочить яблоки. Но только это нужно делать с осенним урожаем. Летние яблоки категорически для этого не годятся. И это у меня впереди. Кстати мне тоже пригодится такая бочка. Те, что у меня есть, меньше по размеру.

Я останавливалась и снова шла дальше. Ни-

кто не задавал вопросов. Все поняли, что лучше помалкивать. Целее будут. Я дошла до конца кладовой и остановилась возле горы бочек. Они были пыльные и старые, стояли друг на дружке и было видно, что их давно не трогали.

— Это запасные. Ими не пользуются. Стоят на случай небывалой охотничьей удачи. Но ее уже давно не было, — пояснил мне кастелян, потому как повар хоть и шел с нами, но был сильно бледен.

Нда, переборщила я. Но это все нервы. Трупы, надписи. Столько всего навалилось и сразу. Перезимовала, называется, в тихой деревушке.

Я подошла к бочкам и поняла, что мы нашли.

— Поднимайте все бочки и ставьте их в противоположный угол. Как найдете тяжелую, откройте.

Я развернулась и уткнулась Роланду в широкую грудь. Не хочу я на это смотреть. А вот так вот стоять гораздо теплее и спокойнее, а меня еще и обняли. Вообще прекрасно. Это не потому что мне хочется прижиматься к нему. Нет. Просто холодно тут, а я так греюсь, уговаривала я сама себя.

За моей спиной слышались характерные звуки поднимаемых и передвигаемых бочек, пока я не услышала удивленных возглас.

— Бочка тяжелая!

— Она запечатана. Крышка вся залита воском. Дно тоже.

— Вот почему не было запаха. Холод и воск, — сказала я, по-прежнему не отрываясь от груди Роланда.

— Она же небольшая? Как он туда мог впихнуть тело?

У меня закружилась голова, и я вцепилась в рубашку Маркграфа.

— Он его что? Расчле…

— Роланд! Я хочу наверх!

— Да, прости. Вы дальше сами. Карл, мне подробный отчет, — и Роланд, подхватив меня на руки, понесся прочь из кладовки.

Не то чтобы я не могла дойти сама. Нет, я бы справилась. Но мне очень нравится, когда меня на руках носят. Вообще самый замечательный способ успокоить ведьму — это взять ее на ручки, прижать к сильному телу и прошептать, что все непременно будет хорошо. Потом усадить в кресло, дать горячий напиток и укутать в плед. А вот сапоги то с меня зачем стаскивать? А ноги размять? Ну, тоже не плохо. Что это за гадость варит ваш повар? Как это называется? Пуаре? Фу, мерзость. Бодрит? Ну, ну. Листья шиповника,

боярышника и земляники подошли бы лучше. Но пусть будет пуаре. Это грушевый сидр? Нет, не пробовала.

И вот уже комната уютная до невозможности и Роланд, усевшийся рядом с креслом на большую шкуру медведя, кажется милым и домашним котиком. И камин так здорово трещит поленьями. И кажется, что я дома.

А потом мне принялись рассказывать смешную историю про способ изобретения сидра. Якобы один король, обладатель огромной задницы, случайно уселся на мешок с яблоками. И попа у этого славного короля была такой большой, что все яблоки в мешке раздавились просто всмятку.

Я расхохоталась и заявила, что быть этого не может.

— Да я серьезно тебе говорю. Его и прозвали Великим, исключительно из-за ширины его ну этой. Как бы ее поприличнее в твоем присутствии?

Я опять рассмеялась, так смешно он это рассказывал.

— Но ты сейчас пьешь горячий сидр с пряностями. А его именуют скорее восэйл.

И я уж было собиралась рассказать, что пряности туда нужно добавлять совсем другие, и я с удовольствием ему даже расскажу какие, но тут

в комнату вошел хмурый Карл. За ним следом протиснулся Ганелон, который тут был скорей всего начальником военного гарнизона. Оба были мрачнее тучи перед дождем. Я спустила ноги с кресла и села ровно. Роланд тут же старательно укутал их в длинный плед, встал и только тогда обернулся к своим подчиненным.

— Ваше сиятельство, мы нашли. Тело. В той бочке.

Они нашли? Я фыркнула. Ага, вот прям взяли и нашли, а я мимо проходила. Просто так совпало, мой приход и их поиски. Они поняли, что сморозили глупость, и Карл почти сразу стал оправдываться.

— Эти бочки уже давно никто не трогал. Они и не нужны были никому. В голову не могло прийти их осматривать. Судя по всему, это случилось год, или даже два назад. Но понять ничего невозможно там просто… хм… ну тело, оно… хм.

— Я поняла. Тело расчленили, и, несмотря на то, что находилось оно все это время на холоде, все равно процессы гниения и разложения шли. В результате что-то четко понять сложно. Дальше, — подбодрила я их.

— Да. Вот я и говорю. Каша там, Ваша милость. Ничего не разобрать. Ну, то есть понятно, что

тело человеческое, но вот…

— Ясно! — гаркнул на них Роланд, но обернувшись, поймал мою невозмутимую улыбку и сказал.

— Что с расследованием? Что говорит повар?

— Жофруа клянется и божится, что ничего не знает. И вообще к этим бочкам никто не подходит за ненадобностью. И что эта кладовая единственная, что не запирается, так как сюда и продукты постоянно новые приносят и помощники его приходят, чтобы их забрать и начать готовить или перерабатывать впрок. И что если ее постоянно запирать, то он не набегается ее открывать. Вот соседняя кладовая с заготовками и колодец — это у нас заперто.

— То есть зайти мог кто угодно, — подытожила я.

— Да. Почти все.

— И погибший запросто мог сам туда зайти. А уж вышел или нет — никто теперь уже и не вспомнит, — согласился Роланд.

— Да. Заманили и там же убили. Кровь там есть и от убитых животных? Наверняка там же иногда туши рубят. Идеальное место, — протянула я в задумчивости. — Следов тоже никаких?

— Нет. Даже если и были, то либо их уничтожи-

ли, либо они сами стерлись за это время, сейчас уже не найти.

— Но может быть одежда? Он не мог не испачкаться? Кровь? Кто-то же это стирал, — продолжала я упорствовать.

— Это легко списать на охоту. Кабан или олень.

— Но ведь почти все в замке оборотни? Почему не почуяли?

— Оборотни и те, кто с ними долго живет, прекрасно знают, как можно перебить, а то и вовсе уничтожить запаховый след, — мрачно объяснил мне Роланд.

— Я не знала.

— Ганелон? Твои соображения?

— Нельзя ничего сказать точно. По уровню физической силы в том числе. На черепе вмятина сзади. Думаю, удар был нанесен в голову, и поэтому сказать о том был ли это оборотень или человек сложно. Я займусь розыском, опрошу всех. Может быть, кто-то что-то и вспомнит.

— Возьми с собой кого-то из помощников. Я хочу, чтобы розыски ввелись сразу несколькими оборотнями. У тебя два помощника? Вот пусть тоже примут участие в расследовании. Я хочу, чтобы вы подняли на уши весь замок. Но мне

нужны результаты. И если у кого-то появятся соображения, путь не трусят, приходят лично. Я всех выслушаю, — дал Роланд указания.

Карл и Ганелон покивали и вышли. А Роланд повернулся ко мне.

— Согрелась?

— Да. Это твоя гостиная? А там спальня?

— Да, я тут редко кого принимаю, но для тебя сделал исключение. Лика, я хотел поговорить с тобой. Вся эта сложная история с надписями, и убитыми оборотнями, и людьми, очень странная и опасная. Я хотел предложить тебе переехать жить в замок. Скажем, до весны? А потом посмотрим.

— Нет, — я зашевелилась в уютном кресле и принялась из него выбираться.

— Почему?

— Так сразу и не ответишь. Но поверь, причин много, — я встала из кресла на мягкую шкуру медведя.

— Назови хотя бы парочку? — мне показалось, что в его голосе прозвучала обида.

Ну да. Ведьме предлагают зимовку в замке на всем готовом, под надежной защитой стен. Можно не думать о защите, не беспокоиться о продуктах и запасах на зиму, а я тут отказываюсь

от такого сказочного предложения.

— Я ведьма, этой причины не достаточно?

— И не просто ведьма. Ты ведь принадлежишь к роду…

— Замолчи, — и я прикрыла ладонью его губы.

Он не ожидал подобного, но вдруг накрыл мою ладонь своей рукою. А потом меня лизнули, как дети лижут сосульки зимой, пока мама не видит. Стало щекотно. Это было так неожиданно и по детски, что я не выдержала и улыбнулась. А потом подняла свободную руку и, проведя по его волосам, сказала.

— Поверь. Я правда не могу.

Он отнял мою руку от лица и кивнул. А потом поднес ее к лицу и поцеловал. Как же давно мне рук не целовали. Так ведь и отвыкнуть можно. Хватит. Пора это прекращать. Так и влюбиться можно. А влюбленная ведьма — это считай, что пропащая ведьма. Или я уже? Так! Хватит. У нас ведь дело есть? Вот и будем действовать согласно ранее намеченному плану

— Роланд? Надпись где? И я бы хотела познакомиться с твоим библиотекарем. Это такой же сильный воин как кастелян и повар?

Роланд тряхнул головой, прогоняя наваждение момента, и сказал.

— Что? Нет, то есть да. Пойдем, я тебе все покажу и познакомлю. Только вот сапоги нужно надеть. Я сейчас, — он отошел к камину, где они все это время грелись.

Вернулся он с моими сапогами и, опустившись на шкуру, взял мою ножку и стал аккуратно меня обувать.

Мне нянька в детстве рассказывала сказку про бедную сиротку, что попала на бал к местному принцу. Он как раз устраивал смотрины невест. Так у нее туфли на меху были и ножка маленькая. Так вот он ее в той сказке по этим меховым тапочкам искал. Я еще тогда так смеялась. Ну, это ж надо в меховых тапочках и на бал. Но вот себя сейчас ощущала той самой дурочкой, которой примеряли заветный меховой тапок.

После того как на меня надели сапоги, заботливо вложили в голенище мои ножи. Вот же! Все на свете прошляпила. Я даже и не заметила, когда он их нашел и вынул. Совсем голову потеряла. Ой, быть мне той самой пропащей ведьмой.

Он встал, подал мне руку.

— Кабинет рядом, идем?

Я кивнула. Горло сдавило, и я вообще сомневалась, умею ли я говорить.

Глава 9. Когда берёте котёнка, учтите, что хорошенький маленький пушистый комочек — это, максимум, на полгода, а дальше наглая зажратая морда

— Я не опоздал.

Я просто испытал хтонический ужас перед священным долгом исполнять свои рабочие обязанности, мой мозг забился в агонии, а члены — отказались повиноваться.

— Всё?

— Еще кот был голодный, и второй носок не нашелся.

Кабинет и в самом деле был за соседней дверью и был больше и массивнее по площади, нежели гостиная. Я не видела спальню, но судя по всему, она тоже небольшая. Я прикинула примерную окружность донжона и площадь, отведенную под жилую часть и.... А собственно, чего это меня в спальню то потянуло? Вот на тебе, Лика. Только этого и не хватала. Давай еще кровать представим. Ага. Ты тут по делу! Выбрасываем эти мысли из головы.

Кабинет был огромный и вмещал в себя библиотеку. Нет, он был огорожен. Но перегородкой служил огромный шкаф с книгами, так что можно сказать, что они все же были единым целым. Я рассматривала корешки книг и сами полки, и проникалась уважением. Не в каждом провинциальном замке встретишь такую библиотеку. Зачастую владельцы замков вообще читать не умеют. А зачем? Есть же библиотекарь и управляющий. Вон они пусть и читают.

И да, меня почти сразу же представили уважаемому библиотекарю, который почему-то скрывал от своего Маркграфа вещи, известные любому первокласснику магической школы.

И вот опять не сложилось. Я совсем не умею угадывать. Библиотекарь должен быть старым сгорбленным старичком, который с трудом достанет до верхней полки. А уж дотащить толстенный фолиант, который зачем-то понадобился молодой ведьме, он вообще не в состоянии.

Библиотекарь у Роланда и в самом деле был старый. Только вот на этом все заканчивалось. Потому что, несмотря на старость, этот оборотень был в отличной физической форме и мог дать фору молодому Брендану. Седая голова почти такого же цвета, как и мои космы. Вот и не знала,

что бывают такие старые оборотни. Обычно они ведут столь драчливый образ жизни, что редко доживают до того, чтобы их волосы посеребрило.

Я не стала расспрашивать библиотекаря. Мне вполне хватило простого знакомства. Маркграф понял, что вопросов я задавать не буду, хлопнул его по плечу, назвал «Стариной Эрнстом» и сказал, что дальше все покажет сам.

Надпись была на каменной стене, как и все предыдущие, что мы видели. Только вот у этой было существенное отличие. Буквы были окрашены золотом, светились и выглядели как дорогое украшение библиотеки. Я понимаю, почему Роланд к ней так привык, что не обращал на нее должного внимания. На ней преобладали не текст. Глаза, птички, человечки. И все это напоминало рисунок — занятный, непонятный, но не более. И только в сочетании с другими надписями, а еще и с загадочными смертями, делало эту надпись такой важной.

Но даже не это заставило меня замереть перед ней, а потом с ужасом прислониться к холодному камню стены. Я поняла, где я ее уже видела. Поняла, почему это не давало мне покоя. Я поняла, почему так отчаянно трусила все последнее время. И почему меня — ведьму — вдруг стали

пугать трупы и смерть.

— Лика? Что с тобой? Тебе плохо? — Роланд подхватил меня на руки и вместе со мной уселся в огромное кресло, что стояло за письменным столом кабинета.

— Вот почему портал открылся именно сюда. А мы с сестрами гадали. Почему это нам так быстро удалось? Ведь и координаты мы не выбирали, и делали все на удачу. И опыта построения всей стаей у нас не было. А вот он — ответ на стене в библиотеке старинного замка. Все это было у меня под носом, — уткнувшись ему в грудь, начала я причитать.

— Лика? Я по-прежнему ничего не понимаю. Что не так с надписью? И какая, праведники все забери, стая? — аккуратно спросил он.

— Моя стая, моя. Я боялась подвергнуть ее опасности, поэтому там не осталась. Ушла зимовать в тихую спокойную деревеньку, подальше от проблем и неприятностей. Я прям угадала насчет неприятностей.

— Ты видела ее раньше? Эту надпись? — сообразил он, наконец.

— Да. Я начала подозревать еще давно, но упорно гнала эту мысль прочь. Но вот сейчас увидела во всей красе и осознала, что дальше прятать

правду от самой себя бесполезно. Вот ведь человеческая натура. Пока золотом все не покроешь, мы и не видим, — и я горько усмехнулась.

— Расскажешь? Я не смогу помочь пока не пойму, что именно тебя так расстроило.

— Это ужасно запутано, я не могу открыть всего, и чтобы понять, мне необходимо прочесть тебе целую лекцию. Но впрочем… Что ты знаешь об артефактах, Роланд?

— Артефакты — это предметы, обладающие историческими и магическими свойствами. Они бывают более ценные или самые простые, — стоило догадаться, что Маркграф не может этого не знать.

— Отлично. Лекция отменяется. Так вот если кратко, то надпись указывает на место где находится один из таких артефактов.

— Пока не вижу ничего, что бы показалось мне ужасным. Артефакт. Хорошо. А где ты видела эту надпись раньше? Ведь у меня в замке ты не была? — продолжал задавать он правильные вопросы.

— Да. Но, видишь ли, артефакты бывают парными. Вот за твоей спиной как раз находится надпись, посвященная одному из предметов этого парного артефакта.

— И ты знаешь что это?

— Знаю? Я видела второй артефакт. Более того, я его держала в руках и даже пыталась стащить, уничтожить, повторно спрятать и даже продать. Чего я только не испробовала, — в моем голосе прозвучала обида и горечь и я ничего не могла с этим поделать.

— Ты поэтому сбежала? Тебя за это судили?

— Почти.

Нет, не судили, но ему об этом знать не надо.

— Воровство как минимум карается тюремным заключением и отрубанием руки.

— Я догадываюсь. Но прости, этого я тебе рассказать не могу. Могу только подтвердить наличие у тебя огромных неприятностей, просто сказочного характера. И да. Если ты еще сомневался в чем-то, то теперь можешь все сомнения смело отринуть. Все смерти связаны с артефактом, и их количество будет увеличиваться.

— И что ты предлагаешь? — Роланд помрачнел.

Его, как я поняла, сам артефакт и надпись на стене не сильно его заинтересовали, а вот убийства волновали сильно. И я ответила так, как думала на самом деле, ничего не скрывая из того, что касалось не меня лично.

— Пытаться выжить. Не доверять никому. Все, кого я сегодня у тебя встретила, могут предать в любую минуту. Артефакт, который мы будем искать, очень мощная штука. Любой за него может быть способен убить и предать.

— Все, кого ты сегодня видела, могут быть причастны?

— Да. Посуди сам. Твой повар, который на собственной кухне не заметил убийства? Твой библиотекарь, который до сих пор не понял значение надписи в собственной библиотеке? Твой начальник гарнизона, у которого под носом убили человека, и чей подчиненный внезапно сорвался с места и пропал? Твой кастелян, который обязан знать про все, что творится в замке? Любой из тех, кого я сегодня видела, может быть замешан. И наверняка причастен к убийствам. Просто мы пока не знаем кто именно.

— Убийца мог быть и из деревни? Или кто-то посторонний?

— Мог. Согласна. Староста тоже с этими его родственными связями в этой истории выглядит странно. Но, тем не менее, оборотни сильнее, умнее и решительней деревенских жителей. Так что если староста замешан, то только как помощник, а не глава и убийца.

— Я знаю этих оборотней много лет, я доверяю им, — задумчиво протянул Роланд.

— Если хочешь жить, не верь даже самым близким людям или оборотням. Это ужасно, я согласна, но по-другому не выжить.

— А ты?

— А что я?

— Тебе мне тоже не верить?

— А ты хочешь?

— Да. Тебе я хочу верить.

— Тогда верь. А я буду верить тебе. Хотя я разучилась это делать. Но я постараюсь. Честно, — и я потянулась и поцеловала его.

Ведьмы не ждут приглашения. Ведьмы берут свое. И я сейчас брала и отдавала. Отдавала веру, отдавала страсть, отдавала нежность и отдавала зарождающуюся теплоту души. Брала взамен ураган страсти, испепеляющий все на своем пути. Роланд ответил на поцелуй с пылом и жаром. Он пил мое дыхание как изнывающий от жары путник в пустыне. Мы целовались и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не покашливание библиотекаря, который все же решился нас прервать.

— Что? — гаркнул на него Роланд, но тот устоял и ровным голосом ответил.

— Ваша милость, там всадники на дороге. Они уже миновали деревню и направляются в сторону замка. Прикажете впустить их к барбакану?

— Кто это?

— Пока неизвестно, но там карета и приличная охрана, значит, кто-то важный пожаловал.

— Я спущусь.

Библиотекарь сдержанно кивнул и вышел. Я попыталась встать с колен Роланда, но меня не пустили. Он снова прижал меня к себе и сказал

— Я хочу, чтобы ты переехала в замок. Подумай еще раз. Сейчас, когда ты поняла, что все серьезно. Я смогу защитить и уберечь тебя. Поверь, так будет лучше, — но видя мои упрямо сжатые губы, он добавил: — Обещай, что хотя бы подумаешь?

— Я подумаю. Если все станет совсем плохо и другого выхода у меня не будет, я перееду. Но пока этого не произошло, я не могу. И потом, у тебя в замке мы только что нашли убитого человека, и оборотень, тот, что в лесном доме, тоже жил у тебя.

— Это ты к чему?

— К тому, что скорее всего убийца живет в твоем замке и переезжать сейчас под бок к убийце мне совсем не хочется. Так что ты сначала найди его, а потом гостей приглашай. Кстати, о гостях. К

тебе приехали? Ты собирался встречать.

— Да. Кого там праведники принесли? Ты дождешься меня? Весь этаж в твоем распоряжении, — и он позволили мне встать с его колен.

— Нет. Возможно позже. И не забудь, что ты мне должен телегу. Мне необходимо в город.

— Ты мне так и не объяснила, почему это я тоже должен туда ехать? — он поднялся с кресла и направился к выходу из библиотеки.

— Да так. Мне показалось. Я ошиблась. Ведьмы тоже иногда ошибаются. Согласна, не часто это бывает. Но бывает же? Отправь со мной Брендана, а сам занимайся гостями. Кто бы там ни приехал.

Нет, я не ошиблась и в самом деле думала, что ему необходимо ехать со мной, но я передумала. Надпись на стене убедила меня, что ни к чему ему соваться туда. Пока возможно, буду держать его подальше от всего этого. Согласна, что он Маркграф, а значит закон в здешних местах. А еще это его замок, его надпись и его ответственность. Но я знаю, сколько несчастий может принести эта штука, и постараюсь справиться сама. Не получится, тогда позову его. Но попробовать стоит.

*

— Я схожу на кухню? Пока ты там с гостями

возишься? Поем и заодно поговорю с поваром и его помощниками? — спросила, пока мы спускались по лестнице из жилых покоев в Большую залу донжона.

Он мгновенно обернулся ко мне и остановился на ступеньке. Теперь мы были с ним одного роста, и я с удовольствием запустила руки в его волосы и потянулась к губам. Все-таки это ужасно удобно целоваться на лестнице. Но он отстранился и произнес озабоченно.

— Ты голодная? Давай я приду, и мы вместе пообедаем?

— У тебя же гости? Давай иди, встречай. А мы лучше вместе поужинаем, — и я многообещающе улыбнувшись, снова потянулась за поцелуем.

Ужин открывал огромные перспективы, и я уже мысленно потирала довольно крылья… В смысле руки. Роланд тоже оценил возможности совместного ужина и, отстранившись, решительно сказал.

— Нужно побыстрее спровадить гостей, кто бы там не приехал. Ужинать ведь можно начать и пораньше? — и отпустив меня, он стал снова спускаться вниз.

Он обернулся у двери, ведущей в Большой зал, и меня снова поцеловали и обняли. Это входит у

нас в приятную привычку. Пожалуй, к такому я согласна привыкать.

Он ушел через Большой зал к выходу из замка, а я стала спускаться вниз на кухню.

Поесть? Да, разумеется, я всегда готова поесть, если меня покормят и ничего за это не попросят, но моя цель была не в этом. Я сидела за столом, и мило улыбаясь повару, поглощала рагу из оленины. Ела я быстро и усиленно хвалила повара, уверяя, что рагу просто отменное. И ведь не лгала. И в самом деле было вкусно. Только вот мои похвалы мало помогали. И улыбки тоже.

Ну, это мне так казалось, что улыбаюсь я мило. А вот повар и его помощники так, к сожалению, не думали. И никто разговаривать со мной не собирался. Более того на меня осторожно посматривали и явно опасались. Мне не привыкать к таким взглядам. Ведьм всегда боятся, и это правильно. Я на самом деле не рассчитывала узнать что-то стоящее. Мне могло повести, но не повезло, поэтому, наевшись до отвала, я с «милой» улыбкой поинтересовалась.

— А тело уже забрали из кладовой?

— Да, госпожа ведьма, они все еще раз осмотрят. Ну… Содержимое бочки и похоронят останки на местном кладбище. Староста уже оповещен и со-

бирается заняться похоронами, — ответил один из помощников, я так поняла, самый отважный.

— Чудесно. Они нашли что-то новое? Может быть, какие-то вещи покойного, — я постаралась сделать скорбную мину.

Но учитывая, что убитого я не знала и сожалеть о нем не могла, получалось из рук вон плохо.

— Нет, госпожа ведьма, ничего нового не нашли, — храбро ответил все тот же поваренок.

Вот я бы его прям похвалила, но боюсь, что это мне снова выйдет боком, поэтому я встала и самым лилейным голоском попросила.

— Вы же не будете возражать, если я спущусь в подвал и сама все осмотрю? Провожать меня не нужно, я прекрасно справлюсь сама.

— Разумеется, госпожа ведьма. Вы можете все осмотреть еще раз. Там открыта холодная кладовая и ключи вам и не нужны.

— Да, да. Продолжайте работать. Не отвлекайтесь на меня, — и я быстро прошла через всю кухню к двери, ведущей на лестницу.

Фух. Получилось. А ведь могли позвать кастеляна или начальника стражи, чтобы меня сопроводили сюда. Но обошлось. Они были так рады от меня избавиться, что даже и не подумали об этом. Так. За дело. И я устремилась вниз в

холодный подвал.

И колодец, и закрытая кладовая мне были без надобности. Моя цель находилась именно в холодной кладовой, в самом удаленном от входа месте. Это логично. Именно там находилась дверь, ведущая в потайной лаз. А он, в свою очередь, должен вести за пределы замка. В случае осады семья владельца замка и самые преданные слуги должны были покинуть его и остаться в живых.

Я не собиралась через него выбираться, мне он нужен был вовсе не для этого.

Я сняла со стены факел и подошла к нужной стене. Подняв повыше факел, я обнаружила место, куда его следует воткнуть.

После этого принялась ощупывать стену. Я опиралась на знание расположений таких вот ходов, а еще на то, что однажды мне уже довелось открывать такой же проход. Я тогда опоздала. Но сейчас обязана успеть.

Я подсветила магией каменную кладку. Большинство касаний пальцев приходилось вот на этот блок. Тщательно его изучив, я принялась вытаскивать тяжелый камень. Да, именно вытаскивать. Он был расположен почти у самого пола. На нем было много мусора и пыли, что делало

совершенно не заметным отсутствие раствора, сцепляющего его со стеной. В принципе все как следует простучав, это можно было бы обнаружить и так, но с магией было быстрее.

Вынув камень, я осторожно просунула внутрь руку. Да, как я и ожидала — рычаг. А с помощью рычага можно весь мир перевернуть. Я потянула его на себя.

Часть стены отъехала в сторону, освобождая для меня проход. Сняв со стены факел, задвинув камень на место, я решительно шагнула вперед.

Проход был пыльным, им очень давно не пользовались. Вот совершенно зря. Эти проходы необходимо иногда открывать и проверять стены и потолок на предмет обрушения. А еще обновлять необходимые вещи на случай непредвиденного побега. Именно это я и делала в свое время. И это спасло мне жизнь. Но к счастью проход был крепким, поэтому я смело вошла в него и двинулась вперед.

*

Внутрь прохода я поискала такой же рычаг и закрыла за собой дверь. Все. Теперь если я пропаду тут, никто и не поймет, как. Решат, что это ведьмовские штучки. А кто-то наверняка скажет, что я выходила и прошмыгнула мимо по кухне.

Роланд, правда догадается, но вот найдет ли меня если вдруг что-то случится?

Я прошла где-то половину от всего прохода, когда почувствовала именно то, что искала. Заветное ответвление в стене. Если не знать, что именно ты ищешь, то никогда его не заметишь. Я вообще не уверена, что Роланд знал о нем. О существовании тайного хода из донжона он, разумеется, знал, но вот наличие этого скрытого туннеля я уверена было для него тайной. И я с удовлетворением убедилась, что его уже очень давно никто не трогал. Значит, убийцы два года назад не дошли сюда. Это радовало.

Я принялась тщательно ощупывать стену возле пола, ища камень. Пыли и грязи за много лет на нем накопилось столько, что я не сразу его нашла, а потом еще с большим трудом его вытащила. Рычаг был на месте, и я, затаив дыхание, на него нажала. Дверь стала медленно открываться. Гораздо более медленнее, чем предыдущая дверь из кладовой. Ее никто не открывал и не трогал много лет. Если вообще кто-то открывал ее после постройки.

Я факелом осветила открывшийся проход. Он был узким. В него мог пройти только один человек. Все-таки, когда экстренно покидаешь замок,

с тобой могут быть раненые, которых необходимо поддерживать. И центральный проход был шире. А вот сюда мог пройти только один человек, да и то, пригнувшись, а кое-где протиснувшись боком. Но это Маркграфу пришлось бы потрудиться чтобы пролезть. Я же проходила без труда. А еще я закрыла за собой дверь. Нда. Если я тут погибну, ни к чему меня находить и открывать тайну прохода.

Я уверенно шла вперед, пока не вышла в потайную залу. Я уже видела такую. Эта была похожа. Я повыше подняла факел и осмотрелась. А вот и заботливо оставленные для меня факелы, позволяющие осветить и рассмотреть все хорошенько.

Комната была круглой. Прямо напротив входа располагались знакомые символы. Они представляли собой большие глыбы, вытесанные в стене и если не знать комбинацию, то и не подвинешь всю эту махину. Магия, грубая физическая сила — были совершенно бесполезны. Мой дражайший папочка опробовал все известные на сегодняшний день способы, чтобы это открыть. И только после того как были найдены все пять надписей, расшифрована последовательность, дверь ему открылась.

Но лучше бы он ее никогда не открывал, потому

что последствия нахождения артефакта оказались страшнее поиска.

Я подошла ближе и принялась нажимать символы в выученной на всю жизнь последовательности. И…!

Ничего не произошло.

Я прислонилась к стене лбом. Этого следовало ожидать. Артефактов два. Я не помню надписи, но наверняка они разные. И, следовательно, последовательность будет другой. Я почти была уверена, что так и будет, только глупо надеялась на везение, хотя давно пора перестать верить в чудеса.

Это появление в жизни Роланда так на меня повлияло. Стала верить в невозможное. Расслабилась. Почувствовала себя в безопасности, что этот сильный мужчина поможет, не предаст, вовремя спасет и подставит свое плечо. Наверное, нельзя так полагаться на этого рыцаря, но глупое сердце не хочет верить в плохое.

Я оттолкнулась от прохладной стены и еще раз все осмотрела. Значит нужно искать пятую надпись, расшифровывать, составлять последовательность и доставать артефакт. Нельзя так это оставлять, а то, не приведи праведники, папочка про него прознает, и тогда последствия станут

еще хуже. Хотя, казалось бы, куда хуже? Но я уверена, когда он соберет его целиком, то количество невинных жертв удвоится, если не утроится.

Я потушила факелы и отправилась на выход. Тщательно закрыла проход к тайнику и даже подправила свои следы и закидала пылью и мусором камень с рычагом. Все выглядело так, как будто никто не открывал эту дверь. Подумав, я решила вернуться через кухню. Вовсе ни к чему вызывать лишние вопросы. Их и так слишком много.

Обратно я выбралась легко и пройдя через кухню поймала несколько вопросительных взглядов, но никто не осмелился ни о чем меня спросить. И это правильно.

Я поднималась по лестнице и по гулу голосов поняла, что народу в Большом зале собралось много. Кто же там такой приехал?

Аккуратно приоткрыв дверь, я в щелочку выглянула в Большую залу. Только вот народу было много и за спинами понять, что же там происходит, было невозможно. Поэтому я натянула на голову капюшон от плаща, делая себя маленькой и незаметной. Я могу и со стеной силиться, когда нужно. Но сейчас все увлечены гостями и вряд ли меня кто заметит. Поэтому я не стала предпринимать дополнительных мер и мышкой

прошмыгнула в Большую залу.

Оборотни стояли вдоль двух стен, но там еще было достаточно места, чтобы я прошмыгнула за их широкими спинами.

Я двигалась ближе к выходу, просто потому что так всегда было безопаснее. Чтобы не случилось, дверь — наружу это способ спасения. Так что я продвигалась к ней и все время посматривала, не появится ли между широченными спинами оборотней малюсенькое окошко, что бы я смогла подсмотреть. Что же там происходит то?

И тут почти у самой двери я заметила Брендана. Он тоже внимательно смотрел на происходящее в центре, но все же рядом с ним я бы тоже могла выглянуть одним глазком, не привлекая к себе внимания. Так и получилось.

В центре Большой залы стоял Маркграф Роланд Бретонский, а рядом с ним стройная высокая девушка с длинными черными волосами. Она положила руку на грудь Роланда и что-то тихо ему говорила.

— Брендан? Это кто? — тихо прошептала я парню.

Ответом мне были недоуменно приподнятые брови. А потом парень наклонился к самому моему уху и прошептал.

— Как кто? Ты разве не знаешь? Это ее милость Аманда Бретонская, жена Маркграфа.

Жена?

Глава 10. Я читаю так много сказок, что если бы со мной заговорил кот, я бы просто воскликнула: «Ну, наконец-то, почему так долго?»

— Это водка? — слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

— Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

После ошеломляющих слов Брендона, я некоторое время продолжала тупо смотреть на пару, стоящую в центре Большого зала.

Девушка была потрясающе красива. Высокая, не то что я. Ее милость Аманда Бретонская была брюнеткой с редким цветом глаз — они у нее были почти фиолетовые. Одежда так же ярко-красная. Драгоценности своим блеском способны затмить свет солнца. Она вся была соткана из цвета и радости. Не то что я, моль бледная: серые волосы, маленький рост, невзрачная одеждой и глаза, похожие на дым от костра.

Пара продолжала о чем-то беседовать, в зале стоял гул голосов оборотней. Рыцари Маркграфа стояли с одной стороны, а прямо напротив них выстроились вновь прибывшие с Амандой Бретонской. Их сразу можно было различить по ярко красной одежде. Дорогая она. И покраска, и сама одежда. Но видно денег у нее много, раз может себе позволить одеть в яркие цвета даже охрану.

Я поняла, что дальше рассматривать и оценивать мне тут нечего и аккуратно стала протискиваться к двери. Она была распахнута настежь, но для меня это было спасением. Мой маневр, слава праведникам, оказался незамеченным, и я выбралась сначала к двери, а потом и на ступени донжона.

Я зашла за дверь, так, чтобы меня было невидно со стороны Большой залы, и села прямо на каменные ступени. Это ж надо так опростоволоситься. Я чуть было не влюбилась! И чуть было не поставила свою жизнь на кон! Я чуть было не доверилась мужчине! Вот какая же я… Ведьма!

Я обхватила голову руками и дернула себя за волосы. Приводя тем самым в чувство. И тут рядом со мной послышалось знакомое уханье.

— Ру! Что ты тут делаешь, белый разбойник! Я где велела сидеть!? Ты зачем в замок залетел?! —

принялась я его шепотом ругать, а сама между тем засунула нос в его пушистые и мягкие перья.

— Хороший мой. Ты как всегда вовремя. Знаешь, я чуть было не поверила. А ведь уже давала себе зарок, что мужчинам я больше не верю. И снова чуть не попалась. Но не попалась же? Пошли домой? — мне в ответ ласково ухнули, и я встала со ступенек и направилась к барбакану.

На обеих сторожевых башнях было всего по одному дежурному. Все поспешили на встречу жены Маркграфа. Все, больше никакого Роланда. Маркграф и точка.

Я вышла на дорогу, ведущую к деревне совершенно беспрепятственно. В конце концов, это попасть внутрь сложно. А уж выпустить ведьму стражники были только рады.

Первым делом я отправилась к старосте деревни. Нечего сидеть и поливать свою умную голову помоями. Нужно работать, готовиться к зиме, делать запасы и следовать намеченному плану. Некогда мне переживаниями на пустом месте заниматься.

Старосте я прямо на крыльце, дальше меня понятное дело никто пускать не собирался, заявила, что маркграф распорядился выделить мне с утра телегу и двух крепких парней в подмогу. Староста

почесал голову, но маркграфу возражать он не посмел и ответил, что будет у меня утром телега и два его сына в придачу. В город на ярмарку я планировала приехать ранним утром.

Весь оставшийся день у меня был сильно занят. Я разбирала травы, сушила и перерабатывала грибы, мочила ягоды. А потом потянулись жители. Наконец-то пошли не только дети и женщины, но и мужчины. Многие, как я и предполагала, нахватались проклятий старой Клары при попытках проникнуть в ее дом. И теперь шли с этими последствиями. Я объясняла, говорила, как снять, и что это будет не быстро, учитывая, что проклятие уже укоренилось и приросло. Что нужно было сразу идти к ведьме в город, а не тянуть.

Вечером я уже падала с ног от усталости, и мне было физически не до переживаний и утешений своей умной головушки. Крошка Ру, понимая мое состояние, остался на страже, а не полетел ночью на охоту. Курицы вели себя тихо, спать мне никто не мешал. Я не знаю, чем Ру их кормил, и как воспитывал, мне было совершенно все равно. Лишь бы меня не будили.

Утром, поеживаясь, встала рано и наказав Ру со мной не летать, я мол и сама справлюсь, от-

правилась к дому старосты. Я была уверена, что мне еще ждать придется. И какого же было мое удивление, когда я обнаружила и телегу, и двух здоровенных парней уже полностью готовых к поездке. Скептически оглядев мою скромную и худосочную фигуру, один из парней почтительно сказал.

— Госпожа ведьма, цены в городе высокие. У вас точно денег хватит? А может зря телегу с лошадью прогоняем?

Вот вроде бы и усомнился во мне, но сказано это было с почтением и с присущим всем деревенским хозяйственным подходом к проблеме. Ему было по-доброму жалко время и лошадь. Поэтому я ответила с ухмылкой даже где-то радостно.

— Не переживайте, парни. Потаскать мешки вам сегодня придется.

Те покивали и больше вопросов не задавали.

Город встретил меня шумной ярмаркой. Я и оглянуться не успела, как наступила осень. За всеми этими переживаниями, сборами запасов и подготовке к зиме время пролетело катастрофически быстро.

Мы разделились. Договорились, что встретимся позже у торговцев мукой. Именно ее я собиралась покупать в мешках. При этом я заработала

неодобрительный взгляд от парней. Ну да, зерно закупать намного выгоднее, но у меня были деньги, а вот время на то, чтобы его молоть как раз не было. И потом руки у меня не созданы, чтобы крутить тяжелые жернова ручной мельницы. А мужчины у меня не предвидится.

Я гуляла по ярмарке и прикидывала, что еще необходимо закупить. Деньги, помимо тех, что я заработала в деревне, и дал за работу Маркграф, у меня были. Я взяла с собой из дома сколько смогла. А смогла я много. Так что голодать я точно не собиралась и в чем-то себе отказывать тоже. Другое дело, что я ведьма, а у нас в натуре прижимистость. Поэтому, если можно обойтись одной рубашкой, то у нас одна и будет. Так что я ходила, смотрела, но покупать не спешила.

Но в итоге вдоволь насмотревшись на все и прикинув в уме список необходимого, я все же приступила к покупкам. Со мной не осмеливались торговаться, стоило только чуть откинуть капюшон и продемонстрировать серебристые пряди волос. Многие существа и без этого чувствовали перед собой ведьму. Поэтому если я говорила один золотой, многие кивали и только уточняли, куда нести покупки. Вскоре телега наполнилась доверху, и пора было бы возвращаться,

но я поинтересовалась у парней и выяснила, что им тоже еще бы хотелось погулять. А то когда теперь выберешься?

Телегу я обезопасила от кражи. Рискнувшего что-то украсть ждет проклятье и довольно сильное. Потом еще больше денег потратишь, чтобы его снять. Да и не каждая ведьма согласится такое снимать. У телеги оставался караульный, но на ярмарке уже все знали, что эта телега принадлежит ведьме, это распространяется быстрее весеннего ветерка, и никто не должен был решиться на воровство.

Поэтому я отправилась в ту часть ярмарки, где были представлены развлечения и балаганные кибитки. Не то чтобы мне хотелось увидеть там что-то особенное. Просто было любопытно.

Я проходила между тележек с акробатами, фокусниками, жонглерами пока не вышла к ведьмам. Вот и не знала, что они тоже тут будут. Хотя, нет. Не нужно лгать самой себе. Знала, и даже хотела этого. Только отдаю ли я себе отчет о последствиях или мной движет простое безрассудство и желание узнать новости? А стоят ли те вести из родной страны возможных неприятностей? И я остановилась. Нет. Не нужно так рисковать.

Я развернулась в противоположную сторону, но было поздно.

— Ангелика? — послышался скрипучий голос, не узнать который было невозможно.

Убегать было бесполезно. Так же как и делать вид, что это не я. Мне оставалось только одно. Попробовать поторговаться.

— Ирменгарда? Ты ли это? — и я изобразила на лице свою лучшую улыбку, ну или оскал, кому что нравится.

— Дитя мое, как же я рада тебя видеть. Не поверила своим глазам, когда увидела твою магическую сущность на ярмарке. Как ты тут оказалась, Ангелика?

Старая карга одарила меня ответной улыбкой и будь я чуть более хлипкая, точно бы попятилась. А так я сделала шаг вперед и ухватила ее за руку.

— Ты не могла бы не кричать на всю ярмарку? И у деревьев, знаешь ли, уши есть

— Знаю, как не знать. Не войдешь ли в мой шатер? Гостьей станешь, — и она откинула полотнище прикрывающее вход в расписной шатер.

Я ухмыльнулась. Гостьей? Ну, ладно, коль не шутишь. Гость для ведьмы священен. И если она вот так приглашает, это значит, в доме тебе ничего не грозит. Только вот редко кого вот так

открыто величают гостем. Поэтому я смело шагнула в шатер.

Тут все было устроено на потеху публике, при этом публика должна быть глупой, испуганной и не просвещенной. Бутафорские чучела хищников с раскрытыми зубастыми мордами, трупики огромных летучих мышей, свисающие с перекладин, поддерживающих шатер и на самом деле сделанные из черной шерсти. Камни и прочая ерунда, не имеющая никакого отношения к магии настоящей ведьмы. Но все это наводило на простых горожан ужас и панику, а значит щекотало их нервы и они готовы были раскошелиться на «настоящее пророчество» или «реальное предсказание».

— Садись. Расскажешь, как ты тут оказалась. Так далеко от дома. Накануне зимы?

Вот старая Гарда и в самом деле походила в отличие от деревенской жительницы Клары на ведьму. У нее был крючковатый нос, длинные седые волосы, острые глаза, хитро смотрящие на собеседника из-под кустистых бровей. Еще на лице присутствовали бородавки всех мастей, и цвет лица был землистый. Правда, я не уверена, что все это было настоящим. Бородавки можно прилепить, лицо намазать травой. Брови лег-

ко делаются из меха. В целом я бы себе такую внешность изобразила бы при наличии самых легкодоступных материалов очень быстро и качественно. Другое дело, что мне это не нравилось. А вот Гарда наоборот наслаждалась своим отталкивающим видом.

А еще она сказала, что увидела мою магическую сущность еще на ярмарке среди торговых рядов. Так что даже если бы я не зашла к ней, она все равно знала, что я тут. Так что торгуемся и выпытываем. И нужно постараться извлечь из этой встречи всю возможную выгоду.

Стульев или другой похожей на это мебели в шатре не было. Были две огромные подушки, больше похожие на матрас. Но садиться на это я категорически не собиралась. Скинув подушки, уселась на твердую поверхность сундука. И дождавшись, когда старая Ирменгарда усядется на подозрительное мягкое месиво, улыбнулась.

Ну, да. Что может быть в ворохе подушек и матрасов? Да все что угодно. Начиная от галлюциногенных трав, закачивая ядовитой иголкой, которая сама вопьется куда следует. Гость гостем, а элементарные приличия стоило соблюдать. Гарда на все мои действия одобрительно кивала и даже отвар мне не предложила в знак уважения.

Ну да. Я бы все равно не стала пить бурду, сваренную другой ведьмой. Так что это знак уважения — ничего мне не предлагать.

Я сидела на сундуке и рассказывала то, что можно было рассказать. О небольшой деревеньке в окрестностях этого города, где я временно нашла пристанище. О том, что дорога сюда была трудной, и я собираюсь тихо перезимовать. Я не называла ни название деревеньки, ни упоминала направление и уж тем более не собиралась давать других подсказок как меня найти. Гарде это все было не нужно. Все что захочет она узнает и так, но мои слова она оценила и одобрительно кивнула. Я вообще за столь короткое время уже удостоилась нескольких одобрительных кивков старой ведьмы. Я бы возгордилась, но была на стороже.

— Что ж. Что-то похожее я и предполагала. Спрашивай.

— Насколько все плохо?

— В королевстве ведьм не осталось. Но сведения все же доходят. Король сходит с ума. Поговаривают о кровавых обрядах и о жертвоприношениях младенцев. Но пока это только разговоры.

— Уверена?

— Да. До весны все это терпит. Но весной ты

обязана вмешаться. Это твоя ответственность и твоя ноша.

— Слухи?

— По ним королевская дочь уехала к жениху. И вернется как раз к весне.

— Я бы объявила меня умершей. Так надежнее.

— Нет. Они на это не пойдут. Твоих сторонников еще слишком много и они попросят предъявить тело и удостовериться. Мужа нашла?

— Нет. Сложно с этим.

— Понимаю. Только вот время убегает как песок сквозь пальцы. Поторопись. Без мужа взойти на престол ты не сможешь.

— У меня есть запасной план.

— Всего один? Не разочаровывая меня, девочка. У ведьмы планов должно быть много, — фраза прозвучала двояко.

Нда. В ближайших планах у меня грибы досушить, снять с деревенских парочку навешанных старой ведьмой проклятий и перезимовать. А потом уже спасать родное королевство, выходить замуж и становиться королевой. Ну, или сгореть на костре. Тут уж как пойдет.

Я слезла с сундука. Ничего нового мне не рассказали. Я все это знала. А вот мое местопребывание старая карга раскрыла. И теперь совершенно

неизвестно, как она этим знанием распорядится. Я вопросительно приподняла брови. Гарда ухмыльнулась, показав черные зубы. И вот опять не уверена я, что это не самый обычный древесный уголь.

— Я не собираюсь соваться в твое королевство до весны. У тебя есть время, чтобы все уладить. Но потом ничего обещать не могу.

— Этого достаточно. Весной я отсюда уйду. Мне нужна зима.

Ирменгарда кивнула и поднялась. И вновь я заметила, что сделала она это легко и непринужденно. Вот так подняться с мягких подушек, это нужно иметь крепкую спину, сильные руки и здоровые ноги. У нее даже не хрустнуло ничего. И покряхтеть она забыла. Расслабилась, получив надо мной видимость власти. Только это все видимость, не более.

Меня приводили до выхода из шатра и похлопали покровительственно по плечу. И тут я окончательно поняла, что весть о моем нахождении достигнет моего королевства к весне. Нужно будет уходить, не мешкая, как только сойдет снег и дороги подсохнут. Папочка пришлет кого-то за мной, и если хочу остаться жива, медлить не стоит.

Это все не шло в разрез с моими планами. Я пожала плечами. Ладно. Справлюсь, мне не привыкать. И я, кивнув старой Гарде, пошла прочь из ярмарочного балагана.

Я пробиралась к телеге с припасами, когда увидела продавца петушков на палочке. Все бы ничего, только вот все его петушки подозрительно светились ведьминым огнем, предупреждая об опасности. Я подошла ближе и присмотрелась.

— Болван! Ты что использовал в качестве краски?

— Вы о чем госпожа? Не хотите — не покупайте!

— Стража! — я сняла с головы капюшон и громко позвала.

На мой зов рядом почти мгновенно появился солдат в форме а я, кивнув на продавца леденцов, сказала.

— Все его леденцы, такие красивые и разноцветные, окрашены ядовитыми металлами. Он использовал киноварь, белый свинец, ртуть и мышьяк. Последнее особенно умиляет, — и я покачала головой.

— Да что вы такое говорите, госпожа ведьма? — заголосил продавец.

Но стражник его не слушал а, схватив за локоть,

потащил сквозь толпу. Я пошла за ними. Раз уж засветилась у Ирменгарды, то терять мне уже все равно нечего. А этот гад скармливал леденцы детям.

Вокруг нас расступалась толпа и новость о продавце и его сластях разлеталась по всей ярмарке быстро. Что, безусловно, радовало. Стражник завел продавца в отделение городской стражи, и я зашла следом.

Ярмарка проходила на одной из центральных площадей, так что далеко идти не пришлось. Толпа на улице продолжала гудеть, и почти сразу же в караульное помещение влетел важный человечек небольшого роста, но очень представительной наружности. Он был богато одет и на лацкане его был приколот знак в виде каменной башни. Должно быть символ города, а человечек его глава? Я пожала плечами и стала подробно описывать начальнику стражи и всем желающим ядовитые свойства красок. Меня слушали. Я дошла до мышьяка.

— Заприте его в камере и заставьте съесть всех зеленых петушков. Мышьяк дает именно такой насыщенный изумрудный цвет. К утру найдете его труп. От одного петушка, возможно, он и не умрет, но если скормите ему весь его товар, то

умрет точно, — закончила я.

Продавец, услышав мои последние слова, затрясся. Мне стало скучно уже на середине его горькой судьбы, что толкнула его травить городских жителей. И что краски то он украл у местного художника, и что он совсем не ожидал, что их нельзя есть. Ага.

Я подперла рукой подбородок и заскучала. Видя это, начальник стражи подскочил ко мне и принялся клятвенно уверять меня в почтении и искренней благодарности и еще много чего. Я поняла, что денег не будет. Ну, я, в общем-то, и не рассчитывала. Ведьмы не работают бесплатно, и я бы может быть и прошла мимо, но вот не захотела. Трави он взрослых, может быть, и прошла, но тут речь шла о детях. Я кивнула и встала.

Меня проводили до дверей и, выйдя на улицу, я тут же оказалась окруженная толпой, которая так же выражала мне всяческую благодарность. Ну вот. Теперь меня знает в лицо весь город. Скрытность? Нет, не слышала.

Я добралась до своей телеги, где меня уже давно ждали парни и, плюхнувшись на нее, велела отправляться. Съездила, называется, за припасами. Молодец просто. Напоролось на знакомую ведьму, раскрыла свое местопребывание и зимовку.

Засветилась перед всем городом, еще и местной властью. Красавица и умница, а не ведьма. Я вздохнула. Ладно. Слухи расходятся быстро. Я слишком приметна. Меня бы все равно рано или поздно раскрыли. Будем надеяться, что мои враги сюда не доберутся. Уже осень. Просто не успеют.

За подобными мыслями я и не заметила, как мы выехали из города. Дорога была каменистая и я все время подскакивала на ухабах. Да, приходилось признать, что телега это не карета с хорошими рессорами. Но с телеги можно спрыгнуть и пойти рядом пешком, а вот из кареты выпрыгнуть мне ни разу не удавалось.

Мы выехали очень рано, и я всю дорогу до города проспала, поэтому сейчас я смотрела по сторонам, наслаждалась видами и с удивлением отмечала, что по мере приближения к замку растет и мое чувство тревоги. А я привыкла доверять своим ощущениям.

— Что это, — и я указала рукой на скалы, виднеющиеся впереди.

— Как, госпожа ведьма, Вы не узнали знаменитых крылатых дев? Это же Ронсевальское ущелье. С двух сторон его окружают скалы. Они издалека напоминают девушек с крыльями, застывших в разных позах. Вот ту называют «Плачущей» или

«Оплакивающей».

— Да? И почему же? — удивилась я.

— Так, похоже, что девушка склонила голову, сложила крылья и плачет?

— Ну и воображение же нужно иметь, чтобы это увидеть. Хорошо, а вот эта скала?

— Госпожа ведьма, ну смотрите. Эта девушка называется «Мстящей» или «Разящей». Вот у нее те два выступа — это расправленные крылья, а это меч в руке. Она, правда, его еще не подняла, но обязательно это сделает.

— Хм. Да неужели? Вот так возьмет и поднимет?

— Да! Так все говорят.

— Должна вас разочаровать. Девы с крыльями не воюют с помощью мечей. У них есть другое оружие, не такое романтичное. И летать и при этом размахивать тяжеленой металлической штукой гарпии не умеют.

— Гарпии? Какие еще гарпии? — и на меня уставились четыре вопрошающих взгляда.

— Ну, так девы? Что летают? Разве это не гарпии?

Братья переглянулись и недоуменно на меня уставились.

— Понятно. Давайте забудем. Я ошиблась. Это

явно не они.

И я отвернулась от них и снова принялась разглядывать скалы. И где они тут увидели девушку с крыльями? Я вот скорее монашку вижу в клобуке. Хотя если быть до конца честной я вообще никого тут не вижу. Скала она и есть скала.

Мы благополучно миновали Ронсевальское ущелье, которое было широким. Ничего примечательного вблизи я в скалах не увидела, а вот стоило нам выехать из ущелья, как я резко приказала.

— Стоять!

И парни послушались. Тот, что шел впереди и держал под уздцы лошадь, остановился и обернулся ко мне. А тот, что ехал на телеге, спрыгнул и подошел ко мне ближе.

— Госпожа ведьма? Что случилось?

Вот это непонятное чувство тревоги, что меня накрывало, теперь нашло выход.

— Впереди засада. Человек десять. Все вооружены. Если поедем дальше, нас обстреляют. Вооружены луками и топорами.

Парни переглянулись и побелели.

— Это разбойники. Шайка Беньки Рваного. Нам конец, — помертвевшими губами прошептал один из них. — Они в живых не оставляют.

Глава 11. Женщина не может выжить в обществе одних только книг, ей нужен еще и кот

Гномы и злая королева уже три часа наблюдают, как Белоснежка, распушив хвост, гоняет по комнате яблоко.

Королева, вытирая слезу умиления:

— Можно, я заберу ее во дворец?

Гномы (сердито):

— Заведи себе своего котика!

© Владислав Скрипач

— Узнали, что в телеге много добра и всего двое мужиков, вот и решили, что мы легкая добыча. И вот до деревни всего ничего осталось. Нужно было рыцарей вам брать и оборотней из замка, госпожа ведьма. Мы плохая защита, — это сказал тот, что посмелее.

— Понятно. Значит так. Вы оба залезаете под телегу, и ни при каких условиях, если хотите остаться в живых, оттуда не вылезаете. Понятно?

Парни переглянулись и дружно закивали.

— Отлично, полезайте. Поводья с собой захватите. Лошадь и телега должны с места не

сдвинуться.

Я выдохнула и пошла вперед.

Да что ж за день такой? Вот как с утра не заладился, так все и тянется одно за другим. Вот сейчас еще на дороге будут валяться десять трупов. А мне потом объясняйся и рассказывай, что да как. А я разгрузиться должна успеть. Так. Надо оставить это все на одного из парней. Их же двое? Один будет мне мешки разгружать, а второй трупы покараулит, потом Маркграфу все расскажет, объяснит все, что произо…

Додумать я не успела. Сгусток зеленого ведьминого пламени полетел прямо в натянувшего тетиву разбойника. Ни минуты немедля, перекатившись, отправила второй в следующего. Двоих нет. Дальше в ход пошли кинжалы из рук. Два сделанных специально под мою руку кинжала вошли четко в грудные клетки пока не опомнившихся разбойников.

А вот дальше пошло веселье. Прямо на меня летел огромный человек с топором наперевес. Это он зря. Я увернулась от толстой туши и отправила его ударом по затылку в глубокий обморок. На меня попытались навалиться скопом, надеясь взять числом.

Я достала длинные ножи из голенища сапог и

рубила, и перепрыгивала, развивая немыслимую для человека скорость. Только вот я человеком не была. А среди них не было ни одного оборотня, так что задача передо мной стояла несложная.

В разгар боя еще и крошка Ру прилетел. Он наверняка меня встречать отправился, а тут такое веселье. Надо сказать, что его помощь была кстати, так как я просчиталась, и разбойников было больше. В кустах еще остались два, но Ру спикировал к ним, его когти и мощный клюв не дали ни одному из них прицелиться. Но разбойники сидели так кучно, как бы я их там пересчитывала?

Схватка долго не продлилась. Когда последний разбойник решил убежать — я кинула ему в спину кинжал. Все.

Не все из них были мертвы. Кое-кто был оглушен, некоторые ранены. Только оказывать им помощь я не собиралась. Это разбойники и убийцы. Вот пусть Маркграф с ним возится. Это его работа, которую я почему-то выполняю. Я сердито пнула ногой камень на дороге. И ведь опять не заплатят!

— Парни?! Вы как там? Вылезайте. Все закончилось.

— Госпожа ведьма?

— Так. Один из вас берет мою телегу и едет с

ней к моему дому. Там аккуратно все начинает разгружать. Дальше первой комнаты ходить не советую. Можно там и остаться, только в мертвом виде.

Парни сглотнули.

— А второй бежит со всех ног в замок. Докладывает Маркграфу о разбойниках на его земле. Пусть берет отряд, приходит и сам с ними разбирается. Вопросы?

Вопросов у парней не было. Они двинулись, ведя лошадь вперед. Они косились на мертвецов, было видно, что видеть такое прежде им не приходилось.

Я собрала свое оружие. Магией очистила и убрала. А потом присела на край у дороги, прямо на траву. Ру уселся рядом, подсунув голову мне под руку. Я принялась перебирать его перья, стараясь ни о чем не думать.

Потом откинулась на локти и стала разглядывать травку, облака, лениво ползущие по небу. Все вокруг было спокойным или мертвым.

Несколько раз раненые принимались ползти в сторону леса. Еще один раз пришел в себя здоровяк с топором. Успокаивала магией, так как вставать было ужасно лениво, как тем облакам в небе. Двигаться совсем не хотелось.

Я думала, что ждать придется дольше, но Ру встрепенулся, собираясь взлететь, но я его остановила. Я жевала травинку и мы продолжали валяться на травке следя как в нашу сторону быстро движется небольшая группа оборотней. Отрядом это было сложно назвать, слишком их было мало. Бежали они в кошачьем виде. Спешили ужасно. Не прятались и еле поспевали за своим лидером. А Маркграф большой. Нет не так. Большоооооой. Мощные лапы, огромная голова. А шкура вообще загляденье. Так бы и сняла ее и над камином повесила, чтобы неповадно было ведьм соблазнять.

Не доходя до нас с Ру, он перекинулся прямо в прыжке. Нда. Красиво и эффектно. Позер.

А все-таки он красивый, жалко, что не мой. И никогда моим не был. Нафантазировала себе глупая ведьма невесть чего.

Ру распушил перья, раскрыл крылья и грозно заухал на приближающегося Маркграфа. Роланд остановился и ближе подходить не рискнул. И правильно.

— Лика? Ты в порядке?

— В полном. Займись разбойниками. Некоторые еще живы. Суд да дело или как там это называется. А мне домой пора, — и я стала подни-

маться с травы.

Он решил было попробовать рискнуть и подойти, но Ру снова предостерегающе заухал.

— Лика? Что происходит?

— На ваших землях, Маркграф, хозяйничают разбойники. Потрудитесь заняться своими непосредственными обязанностями и убрать это все с дороги. Если будут вопросы, пришлите ко мне Брендана. Я устала и иду домой. Все, — и я, развернувшись, направилась в лес.

Очень захотелось пройтись по лесу. Дорога меня сейчас не привлекала.

Позади раздавались изумленные возгласы оборотней из числа прибывших с Роландом. По всей видимости, место сражения произвело на них впечатление. Хотя чему там впечатляться? Это были люди, а против ведьмы это не та сила, что способна со мной справиться. Я бы не выстояла против, скажем, трех хорошо обученных оборотней. И Маркграф меня бы знатно потрепал и один. Но самоуверенные, нападавшие нагло и нахраписто разбойники не были достойными противниками.

Роланд остался стоять, где стоял, и за мной в лес не погнался. Умный. В лесу, так же как и на кладбище за ведьмой гоняться бессмысленно. Я шла

и постепенно приходила в себя. И после драки и после первой встречи с Роландом. Первая была самая сложная, но я ее преодолела. Дальше будет легче. Я, во всяком случае, очень на это надеюсь.

Я шла и продолжала краем сознания отмечать, что грибов меньше не стало. Как так? Труп оборотня мы убрали из домика, что же лес беспокоит? И почему я это до сих пор не выяснила? Вот же. Ладно. Сейчас и в самом деле сил не было, но я это обязательно выясню. Завтра.

Я подходила к своему дому уже абсолютно спокойная и всем довольная. И на переминающегося с ноги на ногу Брендона, отреагировала с улыбкой. Я даже дружески хлопнула его по плечу.

— Напоить тебя сбором? У меня еще у меня мед есть. Будешь?

— Ты нашла в лесу колоду?

— Ага. Там было много. Им на зиму хватит. Я взяла только излишки. Так будешь?

— Нет. Лучше на зиму оставь. Зимой мед нужнее. Я спросить хотел.

Я зашла в дом, с удовлетворением оглядывая мои покупки. Они были аккуратно сложены рядом с печью и крышкой в подвал.

— Я помог разгрузиться и Луиджи уехал. Вдвоем было быстро. Так я хотел спросить, почему

меня не взяла? Мы же вроде договаривались? А ты уехала с сыновьями старосты. Луиджи, кстати, молчал, пока мы разгружались и пришибленный был какой-то. Случилось что?

— Садись сбор пить. А потом поможешь мне мешки в погреб перетащить. Случилось? Да ничего не случилось. Разбойники какие-то по дороге были. Но в целом хорошо съездили.

Бредон плюхнулся на скамью и так и остался сидеть с открытым ртом.

— Что?

— Какие разбойники?

— Я не запомнила. Рваный или драный? Мужик такой большой с топором. У него носа не было. Я к ним не приглядывалась особо.

— Ты всю банду уничтожила? Одна?

— Нет. Ру помог. Я лучников не заметила, они вповалку в кустах лежали. Я думала, что это один, а они по двое там засели. Вот он их и… ну, в целом мы справились. А что?

— То есть ты съездила в город, побывала на ярмарке и на обратном пути уничтожила банду разбойников, что терроризировала земли Маркграфа уже второй год и все это без меня?

— Я еще поймала местного отравителя, чем заслужила благодарность половины города и

начальника городской стражи. Но в целом да. Это все на сегодня. А что?

— Почему ты не взяла меня? Мы же друзья? А я все пропустил! — у Брендана был такой удрученный вид, что мне показалось, что он сейчас расплачется.

— Э… Понимаешь, это нужно было встречаться с Маркграфом. А мне не хотелось, — пояснила я.

— А почему? Мы с ним вдвоем с утра пришли. Думали, что ты нас ждешь. И для него и для меня было полной неожиданностью, что ты уехала. Почему?

— Брендан, я…

— Это из-за его жены? Ты как узнала о ней, так и пропала.

— Так. Хватит рассиживаться, вставай давай. И мешки с мукой нужно перетащить. Хватит тут прохлаждаться. Тебя в замке ждут.

— Подождут. Маркграф злой, как медведь, которого зимой разбудили. Он теперь опять в казарме ночует и всю ночь ругался, ходил и спать никому не давал, — и парень, взвалив на плечо мешок, потащил его в кладовку.

— В казарме? Опять? — с самым невинным видом переспросила я.

— Он как жена приезжает — в казарме спит. И

злится жутко. Только вот она на два дня обычно прибывает. Аккурат, после первого снегопада, когда дорога чуть подмерзнет. И до снега уезжает. А тут почему-то сейчас приехала. Все шушукаются, понять ничего не могут. Не укрепленная крепость, а проходной двор у нас теперь.

— Тащи давай второй мешок, сплетник мелкий. А когда она уедет? — снова спросила я.

— Так вот все об этом спрашивают. Она же на два-три дня приезжает? А тут в середине осени? Почему? А ты не знаешь? — кряхтя спросил Брендан.

— А я то откуда? Я ее вообще вчера первый раз увидела и узнала о ее существовании. А они давно женаты?

— Лет десять уже.

— Десять? Это как? Ей же не больше двадцати?

— Нет. Ты чего то путаешь. Она ровесница Его милости. А ему тридцать будет этой зимой. У них договорной брак.

— Понятно. А давно они не живут вместе?

— Так они и не жили никогда. Ну, так в казарме болтают. Ой. Его сиятельство сюда идет. Мне влетит. И злой он. Он когда вот так губы сжимает, значит, бить кого-то будет. Все деревянные мечи на площадке обычно сломаны после такого

настроения.

— У меня деревянных мечей нет. И ристалища тоже, — и я тоже приникла к окошку.

— Ну, значит, нас просто так прибьют. Без меча.

— Делать то что?

— А я знаю? Это ты у нас ведьма, что в одиночку порубила всю разбойничью банду Рваного. А кстати с ним самим ты что сделала?

— А я знаю? Без понятия кто там из них был этот рваный. А Маркграф часто такой злой бывает?

— Я почти десять лет живу в замке и таким злым видел его всего два раза. Умеешь же ты людей и оборотней расшевелить.

Дверь распахнулась с жутким треском. Так он мне ее сломать может. А кто потом чинить будет? И останется бедная ведьма холодная, голодная и без двери. Хм. Ну, вот точно не голодная и точно не холодная, но трагичное выражение лица это мне придать помогло. Вот только моя скорбная мордашка не произвела на разгневанного Маркграфа ни малейшего впечатления и прямо с порога он зло скомандовал.

— Брендан! В замок! Живо!

Брендан передвигался по дому исключительно боком и делая малюсенькие шажки. Это помог-

ло. Маркграф на него и в самом деле больше внимания не обращал. Его злобный взгляд предназначался исключительно моей персоне. И чего кипятится как чайник на королевской кухне, что сбежал от главного повара?

Очень вредно вот так кричать в доме у ведьмы. Кровь приливает к… ну, в общем, приливает, и ведьма возбуждается и может натворить всякого Якова. Не знаю, кто уж такой Яков, но учительница так всегда объясняла неудачное ведьмино варево. Это мол Яков вмешался и все тут. Вот встречу, прибью этого Якова.

— Что ты творишь? Во имя всех праведников, зачем ты полезла на всю шайку в одиночку? У тебя где мозги были в этот момент?

— Мне хотелось повоевать. Поколотить кого-нибудь. А тут как раз разбойники так удачно подвернулись.

— Подвернулись? Я за ними два года гоняюсь, никак выманить не могу. А ты в первый же раз поехала по дороге в город и они тут как тут?

— Ну, мне везет. И в целом…

— Я запрещаю тебе так рисковать! Один выстрел! Чуть меньше везения и ты сегодня погибла бы!

Вот нельзя мне запрещать. Я злюсь. А когда я

злюсь, Яковы всякие приходят.

— Не ори на меня! Кто ты такой, чтобы что-то мне запрещать?! Я свободная ведьма! Если не нравится, ты волен выгнать меня со своей земли! Но закон я не нарушила!

— Я Маркграф!

— А я ведьма!

— Тебя могли убить!

— Кто? Кучка разбойников? Не смеши мои седины!

— Зачем ты одна поехала? Я собирался отправиться с тобой, — уже спокойнее спросил Роланд.

— Нет.

— Что нет? Мы бы могли…

— Нет. Мы больше ничего не могли бы.

— Так я и думал, — и он прошел и, отодвинув стул, уселся на него верхом.

Я пожала плечами. Выгнать его у меня все равно не получится. Убить еще может быть и получится. Но вот проблемы с трупом, а потом с насиженного места сниматься? Нет. Просто послушаем и поговорим. Вот так. Дышим глубже. И я, взяв стул, уселась напротив него.

— Я женат. И с каких это пор это может быть проблемой? Ты, кажется, только что утверждала,

что ты свободная ведьма?

— Ты должен был мне сказать об этом, — прозвучало устало, а хотелось, чтобы тон был безразличным, но как уж выходит.

— Я Маркграф, а ты ведьма. Я владелец замка, а ты беглянка. И эти сравнения можно еще долго продолжать. Так что я по-прежнему не понимаю, почему моя супруга может быть помехой? Моей законной женой тебе все равно бы никогда не стать. Так какая разница есть она у меня или нет?

— Большая. Просто огромная. Ты принадлежишь другой женщине, ты не свободен. Я никогда не смогу быть с тобой. Все закончилось, не успев начаться, — и я потерла лоб.

Вот как мне донести это до него? Ведь, по сути, он прав. И любой другой ведьме на моем месте такое предложение от владельца замка праздником покажется. Любой. Но не мне.

— У тебя есть кому переживать о тебе? Ты одна, без защиты и поддержки. А впереди зима. Где твои родные и близкие, которые готовы защитить и поддержать тебя? Я что-то их не вижу. Я же все это тебе предлагаю. И мне казалось, что ты готова была это принять.

— Так и было. Но теперь я этого сделать не могу.

Просто не могу и все.

Он снова прав. Да, никто не узнает. Да, моим близким все равно. А сестры так вообще только одобрят. Но я буду знать. Он принадлежит другой женщине. Я ведьма, я не могу по-другому. И я сама себя перестану уважать за это. А это может привести к любым последствиям. Сила, которую я пытаюсь вернуть и восстановить, пропадет. Мне это не нужно. У меня на плечах и так столько всего лежит. Я не могу взвалить еще и это.

А еще был риск, что мне понравится. Понравится быть с ним. Понравится быть под его опекой и защитой. Понравится переложить все тяготы и всю ответственность на его широкие плечи. Понравится быть в его объятьях и просыпаться утром в его постели. Понравиться настолько, что я не смогу от этого отказаться. И что тогда будет?

Как это все ему объяснить я не знала, но видно он что-то прочел на моем лице. Потому что встал и припечатал.

— Я Маркграф. Я не привык уговаривать женщину быть со мной и принять мою помощь и защиту. Об этом обычно меня умоляют. Я сделал ради тебя исключение, но ведьмы этого ценить не умеют.

Он бросил на стол мешочек с монетами, что

отцепил от пояса.

— Это плата за уничтожение разбойников. На этом все.

И он вышел за порог. И даже дверью не хлопал.

Я обхватила голову руками. Это к лучшему. Я все правильно сделала. Только вот почему мне так тяжело это принять?

Дальше дни потекли с ужасной скоростью. Я целыми днями пропадала в лесу. Стараясь собрать все, что он так щедро мне предлагал, тем более что только в лесу я чувствовала спокойствие и умиротворение. Как только я возвращалась — проблемы наваливались на меня, я в них тонула.

Деревенские жители шли и с зубами, и с нарывами, и с порчей, и с травмами, и… Список был огромен. Часто забегал Брендан. Он был мрачным. Рассказывал, что все в замке злятся, а пуще всех Маркграф. Тот лютует. Его красавица жена из своих покоев выходит редко и постоянно жалуется буквально на все, гоняет повара, слуг и даже охрану. Почему только не уезжает, если ей тут так не нравится непонятно. Ведь скоро уже начало зимы. Близится праздник окончания сбора урожая и после него она, как правило, всегда уезжала в город. Ведь после него снег может

пойти в любой момент и дороги станут трудно проходимыми. Но никаких распоряжений по поводу отъезда от нее не поступало. Уж не собирается ли она и в самом деле здесь зимовать?

Я пожимала плечами. Мне был безразличен приезд или отъезд жены Маркграфа. Меня это не касалось. Больше не касалось. Поэтому я стала останавливать Брендана, когда он принимался мне рассказывать что-то про замок Ронсеваль и его обитателей.

Мы вместе с Бренданом и Тильпином выкопали всю мою драгоценную картошку. Братья были ужасно недовольны, но работали и не спорили. Они считали это очередной моей непонятной причудой и поверить не могли, что это можно есть. Но на лошади мы все же перевезли и сложили в погреб все мешки с картошкой. Зачем мне столько?

Я спросила, как с запасами на зиму в деревне. Парни помрачнели и сказали коротко, что с охотой все плохо. Дальше спрашивать я не стала. Это не мое дело. В деревне есть староста. Именно он должен решать такие вопросы. И еще есть Маркграф. Это не совсем его вопрос, но он обязан вмешаться, если все будет совсем плохо. К тому же, в деревне было принято делиться и отдавать

еду соседям. Это меня никто кормить не собирался. И все хлопоты по подготовке к зиме были только на мне.

Так, во всяком случае, я это себе представляла.

На праздник посвященный окончанию сбора урожая я шла с ощущением неправильности события. Никто в деревне собирательством не занимался. Одна сплошная охота и заготовка мяса впрок. А еще они охотились постоянно, и этот праздник не будет означать, что в лес отныне за дичью никто не пойдет. Это скорее относилось к окончанию ярмарки в городе. Зерном и припасами больше не торговали, балаганщики так же свернули свои шатры и разъехались.

Я побывала еще раз в городе уже без телеги. То есть телега была, но на ней ехал староста за покупками для всей деревни. Я одна закупила зерна больше, чем он на всю деревню. Понять этого я не смогла, потому что деньги у старосты явно были. Кошель был полон и почему он все не израсходовал, я понимать отказывалась.

Я же скорее просто развлекалась, а не покупала. Продуктов у меня и так было много. И вот тут я тоже не совсем понимала. А зачем мне одной столько? Погреб и кладовая были забиты под завязку, хватило бы накормить еще нескольких

ведьм. Да целый конвент ведьм можно было кормить месяц, а то и два. Но если я чувствовала, что так нужно — то как правило делала.

В прошлый раз я так прославилась с поимкой отравителя, что в городе меня теперь узнавала каждая бродячая собака. Сюда уже тоже долетел слух, что я уничтожила в одиночку банду разбойников, что не давала спокойно жить уже два года. Маркграф обошелся со всеми очень сурово. Всех выживших разбойников и отравителя отправили на королевские рудники. А продолжительность жизни там небольшая. Поэтому прячь голову под капюшон или не прячь, все равно каждый прохожий с тобой здоровался.

Я подходила к жилищу городской ведьмы просто чтобы удовлетворить свое любопытство. Мне в прошлый мой приезд на ярмарку в город сказали, что ведьма уехала из города еще весной. А новая пока не прибыла. Поэтому теперь у них в городе только аптекарь и два лекаря, что очень усложняет борьбу с порчей, проклятьями, сглазом и прочими неприятностями. Но конвент ведьм обещал прислать новую ведьму, только вот все не шлет.

Жилище ведьмы должно было перейти в собственность к новой ведьме, что решит тут

поселиться. И если в деревне можно было занять любой дом, и это не возбранялось, то тут с этим было строже.

Я открыла дверь и вошла.

И сразу стало понятно, что ведьма уехала в страшной спешке. Ее явно что-то или кто-то спугнул. Вещи не были разбросаны, но были видны следы лихорадочных сборов. Она оставила много ценных вещей, в том числе и книги. Что считалось недопустимым для ведьмы. Но видно отправлялась налегке, прихватив только деньги и наиболее ценные вещи.

Взять я отсюда ничего не имела права. Все это принадлежит ведьме, что приедет и поселится здесь, будет работать, приносить пользу людям и городу. Так что я прошлась по той части жилья, что была мне доступна и тяжко вздохнула.

Я все же надеялась получить информацию об убийце старой Клары. Возможно, он наведывался сюда, чтобы уменьшить действие проклятья наложенного на него. В любом случае узнать ничего не удалось. Было бы проще, если бы я смогла увидеть проклятье, но с посмертными проклятьями, наложенными на убийцу, все было очень не просто.

А еще я дошла до городского храма. Я постояла

рядом с ним, но так и не вошла. Ни к чему. Пусть все остается так как есть.

Я планировала посетить деревенский праздник, потому что было бы слишком странно мое отсутствие. Но сильно задерживаться там я не собиралась. Надвинув пониже капюшон я вышла к центральной площади деревни, где должны были стоять столы с угощением и проходить само празднование.

И первое что я увидела, выйдя на площадь, был Маркграф Роланд Бретонский, обнимающий свою прекрасную супругу.

Глава 12. В далеком параллельном мире работать в офис едет кот, а человек ест, спит играет, обои радостно дерет

Запомните! С кошачьей точки зрения животный мир делится на:

1) тех, кто ест кота;

2) тех, кого ест кот;

3) тех, кого кот может съесть, но тут же об этом пожалеет;

и, наконец,

4) других котов.

Терри Пратчетт

Они прекрасно смотрелись вместе. Оба высокие, красивые, статные. Я бы залюбовалась, если бы не сжатые кулаки и жуткое желание разнести тут все к святым праведникам в пекло. Парочка стояла ко мне боком, но стоило мне появиться, как Маркграф повернул голову в мою сторону. Вот как так? Тут вся деревня собралась. Все ярко, празднично одеты. И только я серой мышкой стремлюсь прошмыгнуть и спрятаться в толпе. И все же он поймал мой взгляд. Я почти тут же

отвела его и спряталась за широкие спины жителей деревни. Вот вовсе ни к чему нам общаться. Да и встречаться по большому счету тоже нет необходимости.

Только я все время чувствовала на себе его взгляд, как будто он ни на минуту не собирался оставлять мою скромную персону без внимания. Но я всегда говорила, что за просмотр денег не беру. Хочет смотреть? Да, пожалуйста. А я буду есть мясо. Тем более что его тут было в избытке. Как меня же просветили — его принесли из замка. Почти все, что на столах обеспечил для праздника Маркграф. Я пожала плечами. Мясо мне удавалось поесть не часто, сейчас я собиралась им наесться на всю зиму.

Огромная бочка с сидром тоже стояла на отдельном столе, но не вызывала у меня никаких симпатий. Мне совершенно не хотелось к ней подходить. Но большинство жителей деревни угощались из нее с завидным постоянством.

Я же больше налегала на мясо. Сначала я бросала жадные взгляды на парочку, что сидела на почетных местах. Но каждый раз натыкалась на Маркграфа, мило щебечущего что-то на ушко своей жене. Убедившись, что там все замечательно, я перестала смотреть в ту сторону. Только

этот постоянно преследующий меня взгляд. Меня явно медом намазали с ног до головы. Окунули просто таки в ту колоду, что я нашла в лесу.

Меда на столе, кстати, не было. Вообще стол был крайне скудный. Это же праздник? Но кроме мяса и хлеба на столе почти ничего не было. Что опять-таки показалось мне очень странным. Лес же рядом? Богатый на грибы и ягоды. Да и плодовые деревья там есть. Я лично нашла дикую грушу и яблоню. Последнюю я оборола до последнего яблока, которое снимала магией, так высоко оно висело.

Ну ладно они не едят грибы? Но остальное? Не понятно. Я узнавала. Запрета от Маркграфа как хозяина земли на походы в лес нет.

Вскоре бесплатный сидр сделал свое дело, и вся деревня пустилась в пляс. Причем в самом прямом смысле этого слова. Заиграли на лютне, рожке и даже виеле. У папочки во дворце не было этого струнного инструмента. Но тут незнакомый мне оборотень из замка легко водил палочкой по струнам, извлекая весьма задорные звуки. Приглядевшись, я поняла, что на виеле и лютне играли оборотни, которые наверняка привезли инструменты из какого-нибудь похода. Деревенские жители все больше дудели в рожки всех

форм и расцветок. Но получалось у них слаженно. Мне даже потанцевать захотелось, только вот я оборвала эту идею. Делать мне в такой толпе нечего.

Тем более что танец представлял собой по большей части скачки. Пары прыгали и скакали в такт музыке, натыкаясь друг на дружку, а иногда и сваливая при этом с ног. Все это вызывало очередной приступ веселья и хохота. Праздник был в самом разгаре.

Я поднялась из-за стола. Почти вся деревня скакала в шумном танце. В нем же принимали участие почти все оборотни из замка, что прибыли сегодня с Маркграфом на праздник.

Я поняла, что делать мне тут больше нечего. Я наелась мяса, насмотрелась на оборотней, мне пора. Тем более что пригласить меня на танец все равно бы никто не осмелился. Я тяжко вздохнула. Вот в такие минуты я жалела, что меня все побаиваются. И это еще мягко сказано. Нет, оборотни, пришедшие с Маркграфом, меня вряд ли боялись, только вот на танец от них приглашения я все равно не дождусь.

Я ушла в тень одного из домов на площади и уже собиралась отправится домой когда услышала окрик Брендана.

— Лика!

Я обернулась и увидела спешащего ко мне парня.

— Я хотел с тобой поговорить. Только вот из замка последнее время все никак не удается к тебе выбраться.

— Что-то случилось?

— Его сиятельство все время не в духе, а вместе с ним и весь замок.

— Да? А я что-то не заметила.

— Это потому что ты тут. Он весь праздник смотрел только на тебя. Вот и подобрел. Чуть-чуть. Я не понимаю, когда он спит. Днем ходит по замку, на всех ругается и ищет убийцу, а по ночам ходит по казарме, спать мешает. Любой будет злой, если столько не спать, — принялся жаловаться парень.

— Он все еще ночует в казарме?

— Так как она приехала, он оттуда и не уходил ни разу. Ее Сиятельство оккупировала весь донжон. Мы и едим теперь почти всегда в казарме, а не в Большом зале как раньше. Скорей бы она уехала, — и он совсем пригорюнился.

— О чем ты хотел попросить?

— Лика. Ты не подумай. У меня деньги есть. Я не бесплатно. Я знаю, тебе нельзя. Я накопил.

— На что это ты накопил! — вдруг раздался яростный рык над нами.

Мы с Бренданом оглянулись. Роланд был и в самом деле немного рассержен. Ну… Ладно он был зол и сильно. Вот что опять не так?

— Ваше сия…

— Что?! — продолжал рычать Маркграф.

— Я только… — парень не то что не успевал что-то сказать, ему это просто не давали.

— Роланд, хватит! — гаркнула я.

— Лика, да я ничего. Я же подумал, что он что-то постыдное тебе предлагает. Денег он, видите ли, накопил. Я их ему сам же и выдал, — совершенно другим со слегка просящими нотками вдруг сказал Роланд.

И тут со стороны деревенской площади послышался крик. Сначала кричала одна женщина, но вот уже крик перешел в громкий пронзительный вопль множества голосов.

Мы переглянулись, и Роланд коротко бросил.

— За мной, — и пошел обратно на деревенскую площадь.

На площади все также было много народу, только вот теперь они не танцевали, а громко переговаривались. Музыканты не играли, а встали на стулья, на которых сидели, в попытках

рассмотреть что же там случилось.

Перед Маркграфом толпа расступалась в разные стороны. Я шла за ним, Брендан шел рядом. Он разом позабыл про гнев Роланда на него и с любопытством вытягивал шею. Я же не спешила. Я и так знала, что меня ждет впереди. Там была смерть. Кого-то только что убили и убили прямо на площади в центре толпы.

В центре лежало тело. Роланд вышел в центр круга и все голоса мгновенно стихли. Я вышла из-за его спины и присела над трупом. Осторожно дотронулась до него и перевернула. В этом не было большой необходимости, так как по сильной фигуре и седым волосам я уже знала кто передо мной. «Стариной Эрнстом» так в свое время в библиотеке замка Роланд представил мне этого седого оборотня.

— Ганелон? — раздался надо мной голос Роланда.

Начальник замковой стражи появился как из под земли и принялся рассказывать.

— Ваше сиятельство, все танцевали. И тут вдруг он стал заваливаться. Все сначала решили, что его сшибли, но он не встал. Тут такая толпа. Может он от старости? Лет ему уже много?

— Лика?

— Его убили. Сзади в танце воткнули тонкий кинжал. Я думаю, что это возможно даже мизерикорд.

— Мизерикорд?

— Да. Так называемый кинжал милосердия. Его воткнули ему в сердце. Он узкий, трехгранный, создан для проникновения между сочленением рыцарских доспехов. Особенность конкретно этого кинжала — очень маленькая рукоять. Хороший профессиональный удар. Сильный. Он после этого еще возможно по инерции двигался какое-то время, и только потом стал падать.

— Да все она врет. Не может этого быть! — вдруг визгливо кто-то закричал из толпы, а я поморщилась.

— Достать? — и я подняла глаза над возвышающимся надо мной Роландом.

Роланд кивнул. Я осторожно нащупала рукоятку кинжала и потянула ее. Кинжал и в самом деле оказался очень узким, и рукоятка как будто была сделана под маленькую ручку. Возможно даже женскую?

Я протянула кинжал Роланду, по-прежнему не поднимаясь, я держала руку на теле, уже догадываясь, что последует за этим. Роланд, увидев кинжал нахмурился и повернувшись к толпе и

спросил.

— Кто-то что может добавить? Может, видели что?

Но толпа молчала. Тогда Маркграф обвел всех тяжелым взглядом, а потом громко объявил.

— Праздник закончен. Все расходимся по домам. Ганелон, проводи мою жену в замок.

Стоящий рядом оборотень кивнул, а толпа стала расходиться. Вскоре на площади рядом с телом остались только Маркграф, я, Брендан и несколько оборотней из замка.

— Лика, а ты почему не встаешь? — и Брандан присел рядом со мной.

— Я жду, — я пожала плечами.

— Чего? — не понял парень.

— Лика? А ты можешь позвать его дух? Он ведь только что погиб? — раздался над нами голос Маркграфа.

— Вот этого я и жду, — кивнула я Брендону.

— Лика? Так ты можешь? — настойчиво спросил Маркграф.

— Да, могу. Только ты уверен, что нужно? Он и в самом деле только что погиб. Когда вот такая внезапная гибель — душа, как правило, какое-то время еще рядом. Она не была готова так внезапно уходить. И есть вероятность, что у меня

получится. Только вот надо ли?

— А почему нет?

— Он мало что скажет. Своего убийцу точно не назовет, не сможет. Да и не видел он его, кстати-то говоря. Что ты хочешь услышать? — и я подняла голову, заглядывая ему в глаза.

— Я знал его с детства. Он учил меня читать. Я хочу знать…

— Понятно. Не предал ли он тебя. Может быть он просто жертва. Хорошо. Я сделаю. Прогони всех. Расставь охрану по периметру, тут не должно быть никого. Брендан, ты тоже, — распорядилась я.

— Но я…

— Брендан. Ты единственный кто точно его не убивал. Ты в этот момент был рядом со мной, поэтому тебе я доверяю, — начала я.

— А если бы не был? — надулся парень.

Вот же дитя малое и неразумное, но я продолжила.

— Я тебе доверяю сразу по многим причинам. Так что ты отойдешь на безопасное расстояние и будешь меня охранять. Я буду уязвима, поэтому это важно, — пояснила я ему.

Вот теперь парень был доволен. Он встал и отправился вместе со всеми.

А я опустилась рядом с телом на колени и принялась магией рисовать нужную мне пентаграмму.

— Когда все получится, то возможно времени у нас будет немного. К тому же я не некромант, а перед нами не мертвая ведьма. Так что спрашивайте быстро и четко.

— В прошлый раз ты разговаривала сама.

— В тот раз была ведьма. И было ее посмертие, специально оставленное для ведьмы. А теперь перед нами труп убитого только что оборотня. Я вообще не уверена, что получится. Но в любом случае говорить будете вы. Со мной он беседовать не станет, а вот вам возможно и ответит.

— И от чего это будет зависеть?

— От количества его незавершенных дел. Но все дело в том, что то, что нам кажется важным здесь — там теряет всякий смысл, — продолжила я объяснять, пока чертила.

— Это как? — Роланд продолжал стоять рядом, только переступал ногами, когда я чертила линии.

— Ну, вот например, был вам кто-то денег должен? И вам был важен этот долг. А там вам глубоко безразличны эти деньги. Или бытовые вещи. Не забрал он белье у прачки и мучился

этим весь праздник. А вот теперь это белье ему и не нужно. Многое, что не успели сказать или сделать там теряет всякий смысл. Но есть вещи важные.

— И что же может быть важным для него? Учитывая, что убийцу он не сможет назвать?

— Важным может оказаться степень его вины, если он все же виноват, а не жертва. А еще желание что-то изменить. Не знаю. Но предлагаю это узнать.

Я закончила и поднялась с колен во весь свой небольшой рост. Пентаграмма закончена, и удерживать сущность оборотня больше нужды не было.

— Иди сюда, вставай в круг, он нарисован для двоих и клади мне руки на талию. Выше.

— Я уже это слышал раньше. Там, на кладбище, — он положил руки мне на талию и крепко прижал к себе.

— Отлично. В этот раз ты даже долго ее и не искал. Это большая победа — сарацины в испуге бежали, услышав о ней, — съязвила я.

— Злюка, — беззлобно ответил он.

— Уж какая есть. Я начинаю. Сосредоточься, пожалуйста.

— Это очень сложно сделать, когда я прижимаю

тебя к себе. Но я постараюсь.

— Позови его. Мысленно зови его дух. Когда ответит, я его постараюсь зацепить. И помни, у тебя очень мало времени, — с этими словами я выпустила магию, замыкая и окончательно напитывая ей пентаграмму.

Сначала не получалось и я было подумала, что уже и не получится, когда прямо перед нами заклубилась знакомая призрачная фигура оборотня-библиотекаря.

Когда призрак поднял голову, Роланд резко и коротко бросил.

— Почему ты предал меня?

Вот так сразу? Ни тебе наводящих вопросов, ни тебе утешительных фраз. Я бы вот обиделась и ничего не сказала. Но оборотень как раз наоборот оценил такой подход, и мы услышали слабый шепот.

— А как мне было отказаться от такого соблазна и избежать грехопадения? Это же почти невозможно.

— Ты столько лет преданно служил мне!

— И все это время огромная сила и власть была прямо перед моими глазами. Как, по-твоему, я мог устоять?

— Кто еще?

— Многие, очень многие пытались ее найти. Я не первый, не последний и даже в этом промежутке времени не единственный.

— Кто еще? — голос Роланда походил на рычание, только вот я же предупреждала, что призрак не ответит на такой вопрос.

Так и вышло.

— Все рядом с тобой, перед твоими глазами. Мне жаль, но с появлением этой ведьмы все стало в несколько раз сложнее. Но в то же время выросли твои шансы выжить. Только не упусти их.

— Я не упущу.

— Постарайся простить меня, и найди книгу у меня в столе, она должна помочь.

— Помочь простить предательство? Нет, это вряд ли, — Роланд снова рычал.

— Нет, она поможет тебе выжить.

Роланд в ответ снова зарычал. Как у него плохо с прощением. И потом, он же кот? Откуда тогда это рык?

— Плод был слишком сладок. Отпусти меня, ведьма. Мне пора.

Я убрала магию из пентаграммы, и призрак стал стремительно таять. Я расслабилась. Как не странно сил я потратила не очень много, но только вот Роланд то об этом не знает. А почему,

кстати, так мало ушло на этот, в общем-то, затратный ритуал? Потом не забыть бы подумать на эту тему. Потом. Как только перестану наслаждаться крепкими руками надежно прижимающими меня к себе.

Я откинула головку на плечо Роланда и закрыла глаза.

— Устала? — прошептали мне на ушко.

— Немного.

— Давай я тебя отнесу домой? Могу и сапоги снять, и шерстяным одеялом укрыть совсем как тогда, в кладбищенском домике. Ты была такая беззащитная и трогательная, когда спала там, на узкой кровати смотрителя кладбища, — продолжал он шептать.

— Скажешь тоже. Ведьма и вдруг беззащитная, и трогательная в центре кладбища?

Я улыбнулась, не открывая глаз, и чуть повернула голову, давая ему доступ к моим губам. Чем Роланд тут же воспользовался. Я разорвала поцелуй, повернулась в его руках и, закинув руки ему на плечи, сама потянулась к его губам. Поцелуй был нежным. Ролан не торопился, будто у нас впереди вечность. Как будто мы одни, а не в окружении оборотней из его замка. Как будто мы в спальне с уютным камином, а не в центре

площади с трупом его библиотекаря под боком. И это подкупало. Эта щемящая душу нежность трогала меня сейчас сильнее его огненной страсти. Оторвавшись от моих губ но, продолжая крепко прижимать меня к себе, он тихо прошептал

— Как же я по тебе соскучился, звездочка моя. Я устал ходить по Ронсевалю неприкаянным зверем. Давай ты переедешь ко мне, колокольчик мой серебряный?

Ответить я не успела. Позади меня раздался голос, который прекрасно ответил за меня.

— Дорогой? Вы закончили? Что сказал покойник? Ой. Призрак.

Я резко высвободилась из объятий Маркграфа и сделала шаг в сторону. Он не пытался меня удержать, только кулаки его резко сжались, а зубы заскрипели.

— Я велел тебе идти в замок!

— Дорогой, именно это я и сделала, но потом мне стало очень любопытно, что же сказал покойник.

Я сделала еще один шаг назад, отступая. Мне совершенно точно ни к чему сейчас быть видимой. Сами пускай разбираются.

Я еще раз посмотрела на Аманду Бретонскую. Какая же она прекрасная. Это же просто неземная

красота. И что Роланду не хватает? Разве может такая красота вызывать какое-то другое чувство кроме восхищения? А этот в казарме ночует. Почему-то я была уверена, что это он ушел, а не его выгнали. Уж слишком призывные взгляды кидала на него Аманда. И при любой возможности она стремилась дотронуться до него. Она брала его за руку, перебирала пальчиками его слегка вьющиеся на концах волосы, клала ручку ему на плечо. Так не ведет себя девушка, выгнавшая мужчину из спальни. Он ведь не железный в самом-то деле, за такие провокации можно и ответить.

Но вот это, похоже, красавицу совсем не пугало. Создавалось впечатление, что она этого как раз и ждет. Только вот Роланд почему-то не ведется? И вот почему, собственно? Я даже затылок почесала в надежде, что в него умные мысли прибудут. Но они не прибыли, а вот внимание Аманды я привлекла. Точнее это дало ей повод высказаться на мой счет. Потому что мне кажется, что она ничего не теряет из виду.

— Ты еще здесь, ведьма? Ты свою работу сделала, можешь идти, — и она царственным жестом дала мне понять, что я свободна.

Ага. Счаз. Если до этого я стремилась уйти, то теперь вот решила задержаться. Не люблю, когда

мне дают «бесценные указания». Ведьма я или кто?

— Мне не заплатили. Я провела сложный, кропотливый, отнимающий много сил ритуал. И мне положено за него вознаграждение. Не моя вина, что ваш замковый библиотекарь не захотел разговаривать. Я свою работу сделала.

— А он не захотел ничего говорить? — оживилась Аманда.

— Нет. Но это не моя вина. Я работу сделала, — я включила жадную и не особо умную ведьму, просто стало интересно.

Роланд в удивлении приподнял брови, но потом подтверждающее закивал.

— Да, как мы не бились, но Эрнст не сказал ни слова, только тяжко вздыхал, — и он в упор посмотрел на жену.

А у той, похоже, настроение сразу же изменилось.

— Милый, но ведь ничего же страшного на самом деле и не произошло? Подумаешь? Старый библиотекарь отдал святым праведникам душу? И что? Он был уже старый. Идем в замок, я устала.

— А деньги? — не отступала я.

Смотрела я при этом на нее. И не ошиблась.

Аманда прибывала в чудеснейшем расположении духа, поэтому отстегнула от пояса кошелек и бросила мне. Я поймала его на лету.

— Это за труды, ведьма.

И она поплыла к стоящей невдалеке охране во главе с Ганелоном. А я взвесила кошель с деньгами и повернувшись к Ролонду сказала.

— Мне очень понравилась твоя жена. Щедрая, красивая. А какое уважительное отношение к смерти? Просто диву даешься.

— А еще Эрнст, по-моему, именно ее имел в виду, когда мы разговаривали, — задумчиво протянул Маркграф.

— Ты о чем? Я что-то не припомню ни одного упоминания о ней? — я искренне удивилась.

— Вот как? А тогда какую женщину он имел в виду? Не думаю, что кто-то из деревенских жительниц. Тебя он вообще видел всего один раз. Когда как Аманду знал, так же как и меня с детства. Да и обещались они постоянно. Письмами обменивались, и когда она приезжала часто пропадала в библиотеке.

— Какая еще женщина? Об этом призрак даже и не заикался! — снова возмутилась я.

— Он упомянул слово «Грехопадение». Тебе же это о чем-то говорит? А еще вот его слова дослов-

но «Плод был слишком сладок». Он их сказал, перед тем как попросил его отпустить. Важные последние слова. Ты не находишь? — задумчиво протянул Роланд.

— Может все же он имел в виду артефакт? В нем и сила, и власть, и могущество и… Нда. Все это мало походит на плод. Да еще сладкий. Ты прав.

— Это все указывает на женщину.

Роланд не спешил уходить и уж тем более провожать жену. Но та и не думала его ждать. Она дошла до своей охраны в красных одеждах и сказав несколько слов Ганелону двинулась в сторону замка. Ганелон посмотрел ей вслед и двинулся к нам, подойдя он сказал.

— Ваше Сиятельство, мы уже дошли до замка, когда она вдруг развернулась и пошла назад. Я не осмелился перечить.

— Ты все правильно сделал, Ганелон. Распорядись насчет тела. Его необходимо отнести в храм, и закажи у старосты все для похорон.

— Я распоряжусь, — кивнул он и отошел.

— И что это значит? — спросила я.

— То, что она сразу не догадалась про тебя. Не сообразила, что мы будем вызывать его на последний разговор. Испугалась, что он мог сказать о чем-то, что может ей как-то навредить. Она испу-

галась и примчалась назад. Даже не стала ждать, когда я вернусь в замок, — пояснил Роланд.

— Мне тоже показалось, что она сразу успокоилась, когда я сказала, что у нас ничего не вышло.

— Тебе не показалось. Она и в самом деле успокоилась, что все ее тайны остались нераскрыты и старина Эрнст унес их с собой в могилу.

— Что дальше?

— Уже поздно. Иди домой. Я скажу Брендану, он тебя проводит. Я завтра приду. Нам нужно все еще раз обсудить.

— А ты куда?

— Мне нужно срочно в замок. Книга, про которую сказал Эрнст. Что-то мне подсказывает, что моя дражайшая женушка поспешила обыскивать его вещи. Мне нужно ее опередить.

— А как ты собираешься искать нужную книгу в библиотеке? Это же, как иголку в стоге сена?

— Я справлюсь. Все-таки и меня старина Эрнст учил читать. И жил он в моем замке, в котором я хозяин, а не она. У меня шансов больше.

Он привлек меня к себе, поцеловал в губы и сказал.

— Иди. День был сложным.

После этого он быстрым шагом отправился прочь от меня по дороге к замку.

— Лика? Я провожу? — Брендон вырос как из под земли.

— Что за манера так бесшумно подкрадываться?

— Просто мы оборотни. Я совершенствуюсь. Вот ты меня и не услышала, — похвастался парень.

— Нет, это просто я слишком увлеклась и задумалась, — но видя, как он приуныл, я ткнула его в бок и сказала: — Да, ладно тебе. Я пошутила. Ты и в самом деле стал двигаться гораздо тише.

— Как и подобает настоящему коту, — гордо выпятил он грудь.

Глава 13. Объяснительная: Мы, студенты 4-го курса, прогуляли лекцию по религии. Кот и Бес попутали

— Золушка, ты сегодня поедешь на бал! Вот тебе платье… Нет! Нет! Только не затяжки!

— Мурр!

— Тебе понадобятся карета и лошади… Нет, Золушка! Ты съела лошадей?..

— Мурр!

— И, конечно же, прелестные хрустальные туфельки!

Поднимает туфелек, нюхает. Кривится.

— Золушка! Зачем?..

© Владислав Скрипач

— Роланд, ты спать ложился сегодня? Рань же несусветная? Ты и Брендана поднял ни свет ни заря? А мальчик то чем провинился? — спросила я, открывая дверь, и с трудом понимая, на каком я свете.

Крошка Ру на шкафу неодобрительно ухнул. Он тоже не мог понять, как можно подниматься так рано. Ну, если только охота, тогда да. Причем и

та охота, что на вкусных мышек и эта, что пуще неволи.

— Лика, милая, я не спал. Некогда было, Брендона поднял, потому что он совершенно точно ник чему не причастен, и я ему доверяю. Всем остальным нет. Так что теперь пусть трудится. Но он и не против, верно, Брендан? — жизнерадостно сообщил мне Роланд и потянулся за поцелуем, но я отклонилась.

— Я не мальчик. Я оборотень и рыцарь, — буркнул Брендан.

— Ладно, проходите, рыцари.

Они вошли в дом и уселись за стол. Я фыркнула. Ладно. Все равно собиралась завтракать.

Осень уже вступала в свои права, я стала топить печку чаще. Вот и сейчас разожгла огонь и поставила на него чайник.

А потом полезла в одну из многочисленных дверок в печке и достала пирожки. В печке у меня теперь что только не хранилось. Я и посуду там сушила после того как мыла. Она там прокаливалась лишний раз. А мне есть из горячей плошки было приятнее. Еще я там сушила грибы, травы, ягоды. Или вот как сейчас поставила туда горячие пирожки. Я их вчера наделала много. Еще перед праздником. Думала о своем, рассчитывала и

размышляла. И немножко увлеклась. Пирожков получилось много. Я думаю, мне должно хватить дня на четыре. Они вот так в печке и стояли тепленькие.

Пирожков была огромная миска и, достав ее, я понесла на стол. Даже если они по одному съедят, от меня не убудет. Но все равно жадная ведьма очень не хотела кормить пирожками из печки всяких пришлых рыцарей. Пришлось заткнуть тряпицей рот раскричавшимся, вбитым в голову правилам, что ни к чему гостей кормить едой приготовленной собственноручно. До этого они всегда сами с корзинкой приходили или я их угощала ягодами, яблоками или медом. Но тут я приготовила сама. Нет что бы как обычно, корзинку с похлебкой принести. Ворчала ведьма внутри меня, пока я ставила на стол пироги и разливала по кружкам отвар из трав. Отвар тоже, кстати, было жалко. Это не какая-то там бурда, которой меня поили в замке. Все травы собраны лично мною. И в то время, что нужно. И каждой травки там столько, сколько нужно. Ну ладно. Не убудет от меня.

— Лика, я нашел, — и Роланд положил на стол книгу.

Переплет был старый, но на удивление креп-

кий. Я бережно открыла книгу и поняла, что кто-то ее всю исписал и исчеркал. Все поля широкие были покрыты убористым почерком.

— Латынь?

— Да. Ты читаешь на ней?

— Да, свободно, — не подумав брякнула я, погруженная в книгу.

— Вот как? Но это же язык, на котором никто не говорит? На нем написаны некоторые старинные книги. Насколько я знаю, у вас есть несколько обрядов на нем? Но ведьмы обычно заучивают слова, а вот читают на латыни единицы. Не просветишь меня, почему ты умеешь? — и на меня воззрились с таким невинным выражением на лице, как будто спрашивали про погоду за окном.

— Э-э-э. У меня был хороший учитель.

— Вот как? Не подскажешь, где ты обучалась? Просто так, ради интереса, — опять этот невинно-хитрый взгляд.

— Нет, не подскажу. И учителя тоже не назову. Ты прочел? — решила я отвлечь его от моей скромной персоны и переключить на книгу.

— Нет, не все. Я искал ее полночи, а вот моя жена ходила все это время под дверью и караулила.

— И что? — я на минуточку подняла глаза от

книжки и потянулась за пирожком.

— Не знаю. Я после того как нашел сразу же ушел в казарму, а она заняла мое место. Только вот я был первым. И она ничего не найдет. Лика, а можно мне пирожок? — спросил Роланд.

Это правильно. Сначала нужно спросить, прежде чем брать у ведьмы что-то со стола. Я вздохнула, но сказала.

— Да, можно. Брендан, ты тоже можешь взять.

— Спасибо, Лик. А с чем пирожки?

— Э-э-э… Тебе лучше не знать, — и я снова уткнулась в книгу.

Пирожки были с картошкой, грибами, а еще у меня осталось тесто, и я сделала с брусникой. С ягодой было не очень много, но все же. Про грибы и картошку Брендану лучше не знать. И к тому и другому он относится очень скептически и был не уверен, что это съедобно. Но это и к лучшему. Нечего мои пирожки есть.

Я углубилась в книгу. Так. Все интереснее и интереснее. Сама я в прошлый раз расшифровкой не занималась. Я получила уже результат. А тут явно предстояло самой многое додумать. Потому что покойный библиотекарь сделал только наметки.

— Запись, что сделана на стене у вас в библиотеке очень короткая. Там много символов, но

вот слов как таковых немного. На слова богата надпись внутри старого склепа. Вот в ней очень много информации.

Мне почему-то не ответили, и я продолжила размышлять, уткнувшись в книгу.

— Судя по расчетам вашего покойного библиотекаря, глаз означает начало нового слова. Символ птицы это законченное предложение. Вообще все картинки — это либо знаки препинания, или переход к новому предложению или разделительный знак между словами. А вот черточки как раз обозначают буквы.

Мне снова почему-то не ответили, но я и не ждала от них чего-то. Значит согласны. И я продолжила.

— Буквы скорей всего тоже составляют по сумме несколько черточек. Он почти расшифровал все записи. И у него получились фразы. «Panem nostrum quotidianum da nobis hodie» — прочла, я в слух.

И снова тишина. Ну да, читаю на латыни я тоже довольно бегло. И вот не нужно меня спрашивать почему. А вот потому. Но меня снова не спросили.

— Но для нас в этой фразе интересно только ее начало. Panem. А, как известно, это у нас в пере-

воде означает хлеб. Хлеб — этот центральный символ на одном из замков. Но я бы не назвала его картушем всего замка. Скорей всего центральным словом является что-то другое.

— А фто тафое кафруф, — вдруг послышалось.

И только тогда я подняла голову. Огромная миска с пирожками была пуста. Вот абсолютно и бесповоротно. Как? Их же там была целая горка и еще чуть-чуть. Я оторопело смотрела на двух оборотней, один из которых запихивал в рот последний пирожок, а другой облизывал пальцы. Это ж неприлично вот так пальцы облизывать! Я аж засмотрелась на это зрелище, ненадолго забыв про мои пирожки. Но быстро пришла в себя и снова оторопело посмотрела на пустую миску.

— Лик, а ты пирожок будешь? Вон у тебя под рукой? — спросил Роланд.

— Да, вы… Да, я… — воздуха не хватало выразить мое возмущение.

— Нет, ты просто его даже и не откусила, вот я и подумал. Может, ты и не хочешь? Я бы тогда съел, — и на меня посмотрели глазами голодного котенка, которого не кормили как минимум трое суток.

— Я… — слов просто не находилось.

— Нет, если ты его будешь, так я и не спорю.

Лик, а ты чего там про картуш и замок говорила?

— Обжоры, — буркнула я и демонстративно откусила последний пирожок.

Чего уж теперь орать? Все уже съели. Меньше надо было на книжки с картинками отвлекаться. А теперь поздно вопить. Пока я ела пирожок, его в мой рот просто таки провожали возмущенными взглядами. Когда я доела, они оба почти синхронно облизнулись и вздохнули.

— А почему наш повар такие пирожки делать не умеет? Всегда только хлеб да хлеб. Сплошные караваи. А корку иногда вообще не укусишь. Нет, я не жалуюсь, но вот даже ваша жена, Ваша милость, говорит, что есть то, что он готовит, невозможно, — вдруг выдал Брендан.

— Да? Хм… Ну, он вообще-то походный повар. А в походе и каша и хлеб всегда самые простые. Я как-то и не задумывался, — и Роланд почесал голову.

— А вы в городе или в походе такое вкусное ели?

— В походе если поел, то уже хорошо. Ел, кажется. Но там чем больше и сытнее — тем лучше. А уж на вкус это обычно так себе. Если каша не пригорела, то уже праздник. В городах там да. Можно вкусно поесть. При дворе короля хорошо

кормят. Но ты же знаешь, я там редко бываю, — и на меня снова посмотрели маленьким смешным котиком, что было особенно забавно из-за больших размеров Маркграфа.

Я перестала злиться. Ладно. Съели и съели. Я еще сделаю.

— Так. Картуш это такой овальный контур вокруг имени. Такой контур указывает, что имя в нем вписанное — это царское имя. Это такое слово, которое все объединяет и запускает. Хлеб — это один из слов-ключей к открытию замка с артефактом, но не основной, — ответила я на вопрос Брендана, но Маркграф слушал меня с не меньшим вниманием.

— А как та абракадабра на латыни что ты сказала переводиться? Та, что с хлебом в конце?

— «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». Это слова одной очень старой молитвы и оно в начале, — ответила я.

— А ты ее откуда знаешь? Молитву?

— В школе учила, — буркнула я недовольно.

Да они что сговорились сегодня?

— Так, давай еще раз. А то я запутался. У нас пять надписей? И в каждой есть слово-ключ от замка с артефактом? Первое слово хлеб?

— Да. Так, по крайней мере, расшифровал твой

библиотекарь.

— Что еще в той записи есть?

— Тут сказано «in fundo arcis». Это можно перевести как внизу твердыни или замка, — я сказала это и закусила губу.

Да я могла бы это не говорить, но я как-то пообещала, что он может мне верить. К тому же он и сам смог бы это прочитать, и бесполезно прятать то, что перед глазами.

— Что? — тут же вцепился в слова Роланд.

— Это непосредственно указывает на нахождение артефакта, — ответила я.

— Я так понимаю, что ты знаешь, где это? Да? Ты говорила, что держала в руках и пыталась уничтожить вторую часть артефакта. Значит, ты и в сам тайник залезала? — стал допытываться он.

Я замолчала, кусая губу. Я не хотела его во все это втягивать, но у меня не получалось. Смерть шла за нами по пятам. И кто знает, кто будет следующей жертвой? А вдруг это Брендан, которого мы в это уже втянули по самые уши? Или сам Роланд, который уж тем более увяз по самую макушку? И не буду ли я себя потом корить, что вовремя не рассказала про тайник в его собственном замке? Может правильнее будет все рассказать? Ну, почти все?

— Лика? Это мое дело. Я Маркграф на этих землях. Я не только хозяин, но еще закон и порядок. А на моих землях гибнут люди и еще неизвестно сколько погибнет. А если он или они нас опередят и найдут его раньше? Ты уверена, что они нас не опережают в поисках? И что будет тогда?

Какие же правильные вопросы он задавал. Я встала и отошла от стола, повернувшись к ним спиной. Он прав. Если кому и рассказывать, то именно ему.

— Под замком есть потайной лаз. Из донжона он ведет за пределы замка, в случае осады через него можно выбраться и спастись, — начала я, не оборачиваясь рассказывать.

Так было проще. Когда я смотрела на них, мне казалось, что каждым словом я подписываю им смертный приговор.

— В тексте помимо «in fundo arcis» есть и другие указания. А именно середина прохода, открой второй проход и берегись ловушки. Пятого указания там нет, потому что пятую надпись не видели ни мы, ни твой покойный библиотекарь. Но там уже просто дополнительное указание. Основное понятно. В центре этого коридора есть ответвление с ловушками и смертельной западней.

— Ты там была?

— Да.

— Когда приходила в тот раз?

— Да. Ты отвлекся на приезд жены, а я успела туда сходить.

— А открыть не смогла?

— Нет. Я не знаю последовательность и сами слова. А слов там много, их не угадать. Те что я использовала в замке Меро… не важно. Символы с парного артефакта не подошли.

— А ловушки?

— Их строил один и тот же мастер. Я справилась. Я столько раз их обходила в… том, другом замке, что уже выучила наизусть.

— Что бы ты сделала, если бы открыла замок?

Я замолчала. Вот он тот вопрос, которого я так боялась. Я продолжала стоять к нему спиной, а он не делал попыток меня повернуть. Замок и земля принадлежит ему, и все, что находится внутри замка, также принадлежит ему. Я, по сути, собиралась совершить воровство, которое каралось крайне сурово, он и являлся тем самым законом.

— Попыталась бы уничтожить, — ответила максимально честно.

— Но ведь парный артефакт у тебя уничтожить не получилось?

— Не было рядом подходящего места. А у тебя

есть. И к тому же в прошлый раз я не успела.

— И что ты собиралась сделать? Как уничтожить?

— Я бы его утопила.

— Утопила? В моем озере? Мило. То есть, по сути, ты бы его просто перепрятала?

— Да. Озеро надежнее. Хотя… Не знаю.

— Что ж. Если смотреть с этой точки зрения то, по сути, ты из одного места на моей земле переложила бы артефакт в другое место, опять же на моей земле. Не думаю, что есть закон запрещающий это. И предлагаю забыть об этом.

Я развернулась и в недоумении уставилась на него. Он это серьезно? Но Роланд был абсолютно серьезен.

— Только вот ты должна мне пообещать, что не полезешь туда одна снова. В следующий раз ты возьмешь меня с собой. И это не обсуждается!

— И меня! — влез Брендан, молчавший все это время.

Его голос прозвучал так по-детски, это разрядило обстановку. Я расслабилась и слабо улыбнулась. Подошла к столу и села на стул, с которого быстро вскочила. А потом затараторила.

— И ты должен мне пообещать! Там сразу при входе припечатывает глыбой, довольно тяжелой.

Первый раз нужно идти с магом или ведьмой. Мага лучше брать некроманта, но и обычный подойдет. И…

— Некроманта? Ты сама туда ходила с некромантом? И позволь узнать его имя?

— Э-э-э…

Все некроманты были на пересчет. Жили они в основном в столицах королевств и носа дальше них не высовывали. Их услуги стоили невероятно дорого. У папочки, разумеется, был. Только вот назови я его имя и за моим собственным далеко ходить не придется. Я и так чудом еще не раскрыта.

— Я понял. Этого ты тоже сказать не можешь, — кивнул Роланд.

— Прости.

Одно дело догадываться, а другое знать наверняка.

— Так ты обещаешь? — и я даже руки положила на его большую ладонь.

— Да, я обещаю. Тем более что некроманта мне не найти, а ведьма у нас в округе всего одна. Там ведь их много? Ловушек?

— Да, прилично. Но говорю же. Я их выучила наизусть и уже даже внимания не обращала, шла по привычке. Шаг — рычаг, еще шаг вспышка

магии, следующий шаг — ладонь на камень. Была опасность не вернуться. Я даже двери за собой на этот случай закрыла. Но все обошлось. Мастер разными ловушками заморачиваться не стал.

— Тебе крупно повезло.

— Нет, я была готова и к тому, что не справлюсь, но все равно рискнула.

— А какие три других слова? Лика, ты же остальное прочла?

— Я только начала, но можно же продолжить?

Они дружно закивали. Все следующее время до обеда мы убили на изучение книги и надписи на полях.

А потом Роланд что-то шепнул Брендану и тот понесся в замок за обедом. И это правильно. Второго нападения на мои запасы я бы за один день точно не выдержала.

Я ожидала, что после обеда ко мне как обычно потянутся жители со всевозможными просьбами и болячками. Но слухи по деревне разносились быстро и все уже знали, что у меня Брендан и Роланд и мы что-то обсуждаем. Все были уверены, что я вызываю духов и призраков, чтобы узнать все про вчерашнее убийство библиотекаря. Ну… В целом они где-то были правы в своих догадках. Бредан рассказал за обедом, что вся деревня

уверена, что тут призраки табунами ходят. Роланд пожал плечами, я расхохоталась от такого предположения. Даже сильному некроманту не по плечу вызвать и управлять целой толпой призраков, а мне, обычной ведьме, и подавно. Но у страха, как известно, глаза огромные.

После обеда мы снова углубились в изучение книги и вскоре у нас было четыре необходимых нам слова. Только понять последовательность было нельзя. Я ее не видела. Роланд тоже. А Брендан так вообще взвыл и попросил ему все еще раз объяснить.

— Да, давайте еще раз пройдемся — кивнул Роланд.

— С хлебом мы уже разобрались, — сказала я и, дождавшись последовавших кивков продолжила. — У нас есть поговорка. Жизнь — это краткий сон. «Vita brevis somnium».

— И какое у нас тут слово? Vita — жизнь? — уточнил Роланд.

— Нет, у нас тут как ни странно сон. Просто я пока понять не могу, как они связаны?

— Да ладно, я вообще ничего пока не понял. Что там дальше? — нетерпеливо спросил Брендан.

— Истина — в вине, здоровье — в воде. «In vino veritas, in aqua sanitas» — процитировала я.

— И слово у нас вино? Никогда его не пил. У нас только пиво и сидр всех сортов. А вино оно дорогое. У нас виноград не растет, — оживился Брендан.

— Я пил. Кислятина. Ну, или вино было плохое? — подключился Роланд.

— А я люблю вино, оно терпкое и…

И увидев заинтересованные взгляды, и предугадав вопрос про то, где это я собственно его пила, я быстро вернула разговор в нужное русло.

— Нет, Брендан, у нас вода. Aqua.

— Ну, вода так вода, — пожал парень плечами.

— Так, у нас Хлеб, вода, сон. Что четвертое? — Роланд вопросительно приподнял брови.

— Я знаю. Любовь. Это единственное, что мне понравилось, — довольно сказал Брендан.

— Все побеждает любовь, и мы любви покоримся. «Omnia vincit amor et nos cedamus amori», — прочитала я.

— Красиво, — кивнул Роланд.

— Красиво и непонятно. Как это все соединить? — возмутилась я.

— И последовательность? Мы ее так и не нашли? Ты говорила, что она важна? И что будем нажимать первым? Хлеб? — выразил свою озабоченность Роланд.

Я согласно кивнула. Это мне тоже было не понятно.

— А может быть пирамидка поможет? — вдруг спросил Брендан.

— Какая еще пирамидка?

— Ту, что он все время рисовал? Вот тут. И вот тут. Три точки внизу и одна точка наверху. Пирамидка, если все точки соединить, — и Брендан показал нам на заинтересовавшие его точки.

— Нет, это не пирамидка. Ты не правильно соединил точки. И он, кстати, тоже делал это неверно. У меня возникла мысль, что ваш старина Эрнст не понимал, что он ищет, — сказала я.

— Это как?

— Нет, он знал, что ищет артефакт большой силы и мощи способный подарить своему владельцу защиту, власть и богатство. Но вот что это за предмет конкретно — он не понимал. Иначе бы уже давно соединил точки верно.

На меня тут же уставились два заинтересованных взгляда.

— Вот смотри, эти три точки основания пирамиды и в самом деле соединены правильно. Если брать с привязкой к месту, то вот та точка в самом центре — это мой дом, — пояснила я.

— А вот эта? — и Брендан указал на соседнюю

точку.

— Ну, смотри сам. Мой дом это центр, а две по бокам на одной линии — это кладбище и схрон в лесу под развалившимся домом, где мы нашли тело оборотня. Они находятся на одной линии, почти на одинаковом расстоянии.

— Тогда получается вот эта точка выше — это мой замок? — догадался Роланд.

— Именно. А теперь к моему дому от каждой из точек ведем линию, — продолжила я.

Они ненадолго задумались, а потом Брендан выдал.

— Если пририсовать с противоположного конца еще одну линию у нас получится крест.

— Да, правильно, — я подтвердила его догадку.

— В том направлении, если идти прямо по дороге можно минуя Ронсевальское ущелье попасть в город, — задумчиво произнес Роланд.

Я снова кивнула.

— Строений на этом направлении до самого города нет. Вообще от города до замка ведет почти прямая линия. Так было удобнее строить, — продолжил Роланд.

— Иными словами пятая надпись находится где-то в городе? — спросил Брендан.

— Да, я тоже так думаю. Все указывает именно

на это. Это должен быть очень старый дом где-то в центре. Или, что вероятней всего, это храм праведников, — высказалась я.

— Логично. Это одно из старейших зданий в городе и строилось оно почти одновременно с замком. Почти в тоже время закладывались фундаменты некоторых домов в деревне, и старое деревенское кладбище. Так что все сходится, — подтвердил мою догадку Роланд.

— Ошибка Эрнста была в том, что он не искал в городе? — спросил Брендан.

— Да. Я думаю, что он облазил все местные подвалы под тем или иным предлогом. Он думал, что пятая надпись лежит где-то рядом. А надо было искать ее дальше.

— Это нам повезло. Будем надеяться, что и его убийца думает так же, — Роланд даже повеселел от этой мысли.

— Так, когда мы едем в город обследовать храм? Вы же возьмете меня с собой? — оживился Брендан.

— Завтра похороны Эрнста. Я думаю послезавтра утром, — постановил Маркграф.

Я кивнула. Мне было абсолютно все равно. Лично я никуда не спешила.

— Только я не совсем понял. Это как же получа-

ется? Ведь дорога до города гораздо длиннее, чем от твоего дома и до схрона в лесу. И вот расстояние от твоего дома до замка. Оно же тоже короче, чем до храма в городе? — подперев голову рукой и уставившись на точки, спросил парень.

— Нда. Не правильный крест получается. Получается, что одна его линия длиннее трех других?

— Ну, да. Так и должно быть. Потому что это и не крест, — пожала я плечами.

— Не крест? А что?

— А на что похоже? И еще не забывайте про парность артефактов, — и я хитро улыбнулась.

— Вообще-то это больше всего похоже на меч.

— Точно. То, что в окрестностях замка — это рукоятка. А дорога, ведущая к городу, напоминает лезвие клинка.

— Да. Это именно меч. А парный к нему артефакт — это его ножны.

Глава 14. Давно вы у этого кота живете?

Три дурака, дракон, принцесса,
король, две ведьмы, шут и кот —
спрошу так, ради интереса:
Мы точно, мать его, завод?
Хель

Я ведьма, для нас похороны не являются чем-то из ряда вон выходящим. Я вообще не собиралась идти. Но потом мне стало любопытно. Вдруг что-то увижу? Почувствую? Случайно брошенный взгляд? Гримаса на лице? Слезы? Потому что, какие похороны без слез?

Слезы были. Их правда проливала одна единственная женщина. Она рыдала, стоя в окружении пятерых детей. Младший держался за ее юбку, а старший был подростком. Все дети были опрятно одеты: не богато, но тепло.

Староста и жители деревни смотрели на нее с сочувствием, но подходить и утешать никто не спешил. Оборотни из замка сохраняли каменное выражение на лицах. Маркграф стоял каменной глыбой, а рядом с ним, положив ручку ему на

предплечье, стояла красавица жена. Она куталась в красный отороченный мехом плащ. Хотя было не холодно.

Я кивнула Брендану и тот бочком и мелкими шажочками перебрался мне за спину.

— Это кто? — и я маленьким наклоном головы показала на плачущую женщину.

— Это человеческая жена Эрнста.

— Как это? — я чуть не подпрыгнула, и только почтение к смерти и кладбище не позволило мне проорать это.

— Ну, так. Как у всех. Девушки оборотни — явление редкое. И рожают детей они тоже редко. А у людей детей много. Вот оборотни и заводят себе человеческих жен. Иногда даже у таких жен оборотни рождаются.

— Но у Эрнста оборотень не родился?

— Нет. Вот моя мать родила от оборотня меня. А Тильпин от человека. Говорят, что мама изменила ему. Может поэтому он и не вернулся из похода? Маркграф сказал, что его убили, но мне кажется, он бросил маму. Оборотни своих человеческих жен не ценят, — спокойно сказал Брендан.

— И что теперь с ней будет?

И тут я почувствовала, как Брендан напрягся. А

еще он помрачнел, насупился и громко засопел.

— Может быть, ей повезет, как моей маме и она выйдет еще раз замуж. Хотя кто ее возьмет с таким количеством детей?

— А твоя мама долго прожила с новым мужем?

— Нет. Через год умерла.

— Не назвала бы это везением. А что Маркграф?

— Ну, это же человеческая жена. Он не обязан заботиться о ней. Он и так проявил участие к ее судьбе. Выдал ей его жалование за этот месяц и отдал все его личные вещи. Ну, те, что можно было. Так что с голоду она не должна умереть, хотя зимой придется туго.

— Староста же должен помочь? Он ведь для этого поставлен над деревней? — высказала я предположение, но на него последовала странная реакция.

Брендан еще больше помрачнел и буркнул что-то неразборчивое. Похороны закончились. И опять я удивилась, что никто не подошел к плачущей женщине и ее детям. Ну, оборотни из замка понятно, но почему деревенские так отводят глаза и отворачиваются? У нее же горе? Почему не поддержать? Я хотела подойти, но потом поняла, что это не мое дело. Есть Маркграф. Есть, в конце

концов, его жена. Есть староста. Мне туда совсем ни к чему соваться. И развернувшись, я пошла прочь с кладбища.

А утром и опять ни свет ни заря меня разбудил настойчивый стук в дверь, и я уже знала, кого увижу на пороге. Маркграфа и Брендона. При этом один сиял улыбкой и тянулся за поцелуем, а другой явно не выспался.

— Без завтрака никуда не пойду, — буркнула я и пошла ставить на печку чайник.

— Лика, а что у тебя на завтрак? Ты не подумай, мы ели. Кашу, — и Брендан бросил взгляд на Маркграфа.

Но Роланд и сам заинтересованно потягивал носом.

Я вздохнула. Ну вот опять. Да что ж такое? Я вчера вернулась с кладбища не то что бы расстроенная. Я его не знала толком, так что расстраиваться не приходилось. Но вот ситуация с его детьми меня выбила из колеи. И поэтому я замесила тесто и испекла пирожки. Много. Опять получился целый тазик. И вот начисто же забыла, что они придут с утра пораньше. Опять пропали мои пирожки.

На этот раз я, раскрыв рот, наблюдала, как они их поглощают. Скорость была на высочайшем

уровне. Нет, я знала, что оборотни быстры, но так? Я откусила свой единственный пирожок и смотрела на дно тазика. Нда. Это вообще реально прокормить оборотня? И это они еще позавтракали в замке. Страшно представить, что бы было, если бы они этого не сделали.

Выйдя на улицу, я только сейчас сообразила, что не подумала, как мы будем до города добираться.

И тут, почти так же быстро как они уминали мои пирожки, эти двое превратились в больших и пушистых кошечек. Ой, какая прелесть мохнатая. И я, подойдя к Роланду, запустила пальцы в его шерсть. Об мою руку довольно потерлись, а потом приглашающе кивнули головой.

Нет. Я на тебя не сяду.

Но Роланд улегся, подставляя спину, чтобы мне было удобнее на него залезть, потому как он и в кошачьем облике был большой. Я покачала головой. Вот я точно знала, что оборотни редко кого возят на себе. Вернее почти никого и никогда. Я плохо помнила про обычаи и законы оборотней. А вдруг это что-то значит? А я сейчас возьму и усядусь. Вот не интересовал меня в школе этот раздел. У нас в королевстве оборотней почти не встретишь. Зачем мне было запоминать про это?

А вот оказывается нужно было.

Но тут Роланд недовольно рыкнул, поторапливая меня. И я, вздохнув, решилась. Может, обойдется?

Я в городе была уже два раза, но тут я, по-моему, и моргнуть то успела раза два и вот мы уже возле городской стены. Перевоплощение в человека прошло столь же быстро. Маркграф поправил перевязь с мечом, и мы направились к городским воротам.

Нда. Меня так не встречали. Хотя в городе и знала каждая собака после всех подвигов. Маркграфу кланялись, здоровались и останавливались поприветствовать. Но к моему огромному удивлению приветствовали и меня тоже.

Маркграф удивился, потом насторожился, а потом после очередного горожанина, что чуть ли не целоваться со мной полез, зло ухватил меня за локоть и зашипел.

— Это как понимать? Они же бояться должны?

— Я того отравителя помните, поймала? А в следующий свой приход в город, всех детей, что тогда успели отравиться, вылечила. Противоядия наготовила, травок лечебных добавила. Обошла все дома и раздала. Вот он и благодарит. Его дочь выжила, — принялась я оправдываться.

— Бесплатно? — у Роланда брови недоверчиво поползли вверх.

— Эм. Ну так там же дети? И по большей части маленькие. И я брала плату. Они чем могли, тем и благодарили. Вот тазик, например, из которого вы сегодня утром пирожки умяли. Мне его гончар отдал в знак признательности. Так что не бесплатно.

— Лика, противоядие стоит дорого, насколько я знаю. И уж точно дороже гончарного блюда, пусть даже и такого большого. Ты ведь и магию ведьмы использовала?

— Да, там не много, — отмахнулась я.

— А те? Вон те-то, что тебе так кланяются?

— Ну, так разбойники же? Они тогда на меня выскочили, потому как я показалась легкой добычей. Их не предупредили о том, что я ведьма, а сами они не поняли. Волос было не видно под капюшоном. Вот они и напали. А жители теперь благодарят. У многих родные пострадали от их рук, — продолжила я объяснять.

— И как это ты за два визита в город сумела снискать такую популярность? Просто удивительно. Ладно, пошли дальше.

Когда маркграфа остановил и принялся горячо о чем-то просить один из горожан, я потихоньку

поинтересовалась у Брендана.

— Чего это он? Чем ему так не понравилось, что меня тут все знают?

— Да нет. Скорее он был удивлен. Карету его жены, когда она проезжает через город в замок, обычно закидывают тухлыми овощами и яйцами, — выдал парень.

— Что?! — теперь вот уже у меня глаза на лоб полезли.

— Ну, ей все никак не могут простить смерть ее мужа, старшего брата Роланда. Вот и закидывают. Она поэтому проводит тут обычно не более трех дней и в город не ездит.

— Так. Сейчас некогда, но я хочу детали всего происшедшего. Я даже готова пожертвовать еще одним тазиком с пирожками.

И увидев, как загорелись глаза у парня, я поняла, что мне поведают все детали и ответят на все вопросы.

В прошлый раз я даже не заходила внутрь храма, хотя почти точно знала, что именно в нем последняя надпись и вот теперь я стояла перед входом и не решалась. Но долго размышлять мне не дали. Роланд недоуменно посмотрел на меня, а потом подхватил под руку и чуть ли не занес в храм.

Я люблю храмы. Это большой и неправильный предрассудок, что ведьмы не ходят в храм. Глупость суеверная. На самом деле в столичном храме ведьмы бывают чаще, чем остальные ее жители. Просто иногда вся мощь и сила накатывает и подавляет. Чужая неучтенная сила мне не нужна.

Войдя, я охнула от удивления. Вот даже вопросов не могло возникнуть, что именно здесь следует искать последнюю надпись. Весь храм был пронзен мечами в буквальном смысле этого слова. Каждый праведник держал в руке меч. Но и этого было мало. Стены были украшены мозаикой и фресками с различными героями и их легендарными мечами.

Видя мое ошарашенное выражение лица, Роланд приблизился и поинтересовался, что же меня так поразило. И выслушав ответ, стал оглядываться.

— А ведь и в самом деле. Сколько раз бывал, а никогда особо не приглядывался.

— Легендарными мечами? Лика, ты о чем? — спросил подошедший Брендан.

— Ну, вот посмотри на эту фреску? Это же легендарный король Артур и его меч Эскалибур.

— Да, точно. Он же его потом в озеро выкинул?

Ты поэтому хотела поступить так же? — догадался Брендан.

— Да. Я была уверена, что если утоплю ножны, то навсегда смогу от них избавится. Но у меня не вышло тогда. Может и к лучшему?

— Может быть. А это кто?

— Видишь радугу за этим героем? Это говорит о том, что это великий воин Фергус Уладский и его меч Каладболг. Согласно легенде, меч был двуручный, и при взмахе закруглялся, как дуга радуги. Он мог срезать вершины холмов и уничтожать целые армии, — переходя к следующей фреске, пояснила я.

— А это? — не отставал Брендан.

— Видишь чудовище, лежащее позади героя? Это дракон. Согласно легенде, Зигфрид был великим воином, который совершил множество подвигов. Одним из подвигов была победа над драконом. Обмазавшись кровью и жиром чудовища, он приобрел неуязвимость. А его меч назывался Бальмунг.

— Брендан? Может, хватит? Ты только посмотри, сколько их? Ты про каждого будешь выяснять? У нас в замке есть библиотека. Марш туда, и сам читай про этих усопших рыцарей. Мы тут по делу, — перебил наш разговор недовольный

Маркграф.

Брендан насупился, а потом спросил.

— Лика? А меч что мы ищем, тоже имеет имя?

— Ну да. Все артефакты такой силы имеют имена. И этот меч носит имя Дюрандаль, — ответила я.

— А что это означает? — не унимался Брендан,

На этот раз Роланд его не останавливал. Этот вопрос ему самому был интересен.

— Это означает прочный, устойчивый.

— По-моему хорошее имя для меча, — кивнул Роланд, — осталось только его найти.

— И где мы будем надпись искать? Здесь подвал есть? — с надеждой спросила я.

— Нет. В том то и дело, что нет. Я уже это выяснил. У них весь пол вымощен таким камнем, — и Роланд указал на камень, на котором стоял.

— Выглядит внушительно, — протянула я.

— Поверь, весит он не меньше. Весь храм стоит вот на таких обтесанных глыбах и не один сдвинуть не реально.

— Ты чувствуешь смерть поблизости? Может это послужит ориентиром? — внес предложение Брендан.

— Нет. Вообще не чувствую. Обычно она бьет по всем струнам, но тут тишина. Может быть,

она где-то и есть, но не насильственная точно, и очень старая. Это надо прицельно искать, — и я пожала плечами, не видя необходимости в таких поисках.

— А где нам найти служителя храма? Может у него есть информация? — Брендан даже огляделся по сторонам в поисках загадочного служителя.

— Я договорился, он должен вот-вот подойти. Обычно он бывает тут по праздникам и на церемониях, о которых договариваются заранее. А так он работает у местного градоначальника, жалобы принимает.

Мы еще походили и обсудили несколько столь же легендарных мечей, когда из городской ратуши прибежал взмыленный служитель храма. У него не было помощников, он был один, он принялся обстоятельно рассказывать нам историю храма. Все что знал. Храм был по сравнению, например, с столичным — маленький, но древний и история у него была обширная. Роланду это быстро надоело. Да и я заскучала. Так бывает, когда в магической школе предмет интересный, но тебе его бубнят. И он тут же становится скучным. Впрочем, бывает и наоборот. Но тут нам попался жуткий зануда, и Роланд, перебив его, стал выяснять то, что нас больше всего интересовало.

А именно про скрытые надписи и загадочные знаки.

И снова нас ждало разочарование. Служитель ничего не знал ни о каких тайных надписях и знаках. Но подумав, я решила, что это было логично. Если бы знал он, то непременно знал бы весь город.

И вот когда Роланд стал закипать как тот чайник, что норовил сбежать от королевского повара в разгар торжества, я, положив ему руку на плечо, решительно произнесла.

— Пробуем другой метод.

— Ты знаешь способ, как просветить стены?

— Нет, это будешь делать ты.

— Я? Если ты не заметила, то я оборотень, а не маг.

— Заметила. Значит так. Я завязываю тебе глаза и вожу по храму. Мы будем останавливаться перед каждой мозаикой и фреской. Твоя задача — просто почувствовать. Как почувствуешь — скажешь.

И я принялась деловито развязывать пояс у рубашки. И Роланд, Брендан и храмовый служитель смотрели на меня с полным недоумением. Но я была непреклонна.

Я залезла на стоящую у стены скамейку и ско-

мандовала.

— Иди сюда, я тебе глаза завяжу. Я не дотянусь.

— Лика, а может не надо? — Роланд снова принялся играть в большого ласкового котика.

— Будешь возражать, я тебе еще и уши заткну. Быстро иди сюда.

Роланд мученически вздохнул, но покорно подошел и дал завязать себе глаза.

— Так, теперь я буду держать себя за руку. Сосредоточься, пожалуйста. Пробуем.

Довольно долго я водила его по относительно небольшому храму и вот решила было, что у нас не выходит. А потом я решительно встала перед ним и скомандовала

— Обними меня и прижми меня к себе. Вот так. Отлично. Теперь давай снова пробовать. Иногда тебе будет становиться тепло. Это моя сила. Я буду с тобой ею делиться, — и я сделала шаг в сторону следующей фрески.

Мы обошли храм три раза по кругу, пока, наконец, не сработало.

— Тут, — Роланд оторвал руку от моей талии и указал на стену перед нами.

Я развернулась, поднялась на мыски и стянула с него повязку. Роланд нетерпеливо помог мне и уставился на стену перед нами.

— Это?

— Да. Я думаю, что надпись под ней.

Перед нами была мозаика. Она была небольшая и втиснутая между двух больших фресок. Как будто у художника не хватало места, чтобы достойно изобразить праведника или героя и он и вставил в этот узкий кусок стены эту мозаику.

— Это Ронсеваль?

На мозаике и в самом деле было изображение замка на фоне гор.

— Хм. Тебе виднее. Но думаю, что да. Это Ронсеваль. Только его первоначальный вид. Скорей всего мозаика была сделана до того, как были построены многие из башен. Поэтому и смотрится немного не похоже.

— Ломаем?

— Ты с ума сошел?

— Ваше Сиятельство, да как можно то? — это подскочил на месте служитель храма, которому очень не нравились наши блуждания по его храму.

— А как ты предлагаешь по-другому? — пожал плечами Роланд.

— Нам нужен специалист по мозаике. Он аккуратно ее снимет, а потом вернет на место. По-другому не получится, — твердо заявила я.

— Это где же мне его взять? И потом? Ты только посмотри на количество камушков, что тут прикреплены? — недовольно посмотрел на меня Роланд.

— Это не камушки, это смальта. И кстати по латыни это звучит «opus musivum».

— Я рад. Только давай все же ее сломаем? А я потом восстановлю?

Служитель храма, на которого Роланд не обращал внимания, горестно взвыл, но я была непреклонна и полностью на его стороне.

— Я тебе сломаю! Варвар! Вызывай из столицы мастера!

— Ну, Лика!

— Хорошо, а ты не подумал, что если ты ее сломаешь, то повредишь надпись? А если в процессе того как ты будешь стучать по ней кувалдой вместе со смальтой и надпись сломается? Древние были не так просты.

Этот аргумент подействовал.

— Я сам поеду в столицу за специалистом. Если писать, то мне до весны никого не пришлют. Завтра утром выезжаю. Заодно женушку туда отвезу, — с этими словами он стремительно направился прочь из храма.

Я было собралась за ним, но была остановлена

взволнованным служителем храма, который бросился ко мне и стал горячо благодарить. Он так долго тряс мою руку и так долго возносил мне хвалебные речи за то, что я не дала в обиду его храм, что Роланд не выдержал и вернулся назад. Увидев ошарашенную меня и распинающегося служителя, Роланд зарычал и, схватив меня под руку, просто оторвал от него.

Город мы покидали так, как будто за нами гнались отряды сарацин. Когда я поинтересовалась о причине такой спешки, Роланд пояснил, что чем быстрее он уедет, тем быстрее увезет жену. И самое главное — вернется обратно. Я прониклась. Такая забота о второй половине очень воодушевляла. Что я ему и сказала. Меня одарили крайне неприветливым взглядом, обозвав «злюкой». Я не возражала. Я ведьма, мы такие. Это стоило принять как комплимент.

Меня довезли до самого крыльца, а потом, несмотря на мое слабое сопротивление, крепко поцеловали в губы. Потом Роланд снова обратился в большую кошку и рванул к замку Ронсеваль.

Но только на следующий день он никуда не уехал. И через день этого тоже не произошло. А потом Брендан принес весть, что уехал Роланд с небольшим отрядом один. Ее Сиятельство

сильно разболелась и категорически отказалась покидать Ронсеваль. Она еще аргументировала это снегопадом, который вот-вот должен был начаться.

Брендан очень торопился. Даже горячий настой не соблазнил его задержаться, он быстро перекинулся в кошака и помчался обратно в замок. Рыцарей там осталось не так много и его дежурства теперь длиннее.

Снегопад и в самом деле пришел с гор, но пришел только через несколько дней после отъезда Маркграфа. Снег валил огромными хлопьями. Я зябко поежилась, выглядывая на улицу. Но все же решила последний раз сходить в лес.

И почти сразу же на опушке леса меня встретил огромный гриб Боровик. Он выглядывал из под осенней листвы, и был обильно присыпан первым снегом. Но, несмотря на наступившую зиму и снег, выглядел он замечательно. Я наклонилась и сорвала его.

Так. Лика! Что ты не сделала? Ты так и не удосужилась спросить у леса, что же ему так не нравится? Почему такое количество грибов? Ты так и не встала ни в один из ведьминых кругов и не поговорила с лесом. А еще старую Клару в этом упрекала.

Решила, что все дело в мертвеце, что лежал в старом разрушенном схроне и, уничтожив тело, на этом успокоилась. А дело было совсем не в нем. А ты и не удосужилась это проверить.

Тебе вскружило голову от приключений и тайн, ты пренебрегла своими прямыми обязанностями. Увлеклась разгадыванием загадок и не сделала основного. И вот теперь этот гриб, выросший накануне зимы, встречает тебя и напрямую указывает на твою ошибку.

Только теперь поздно. Ни один ведьмин круг из грибов я уже под снегом не найду.

Но все же стоит попробовать исправить то, что я натворила. Самоуверенная ведьма! И как тебя только лес терпел всю осень?

— Ру! — позвала я.

Крошка прилетел как всегда бесшумно и приземлился на ближайшую ветку.

— Ру, я жутко сглупила и мне сейчас придется исправлять ошибку. Сколько отдам силы я теперь и не знаю. Защита на тебе. Если все будет совсем плохо, позовешь Брендана. Но думаю, до этого не дойдет.

Я стала чертить магией необходимые символы и принялась их напитывать. По сути, я сейчас рисовала тот же самый ведьмин круг. Только

вот тогда лес его за меня сделал, а теперь я мало того, что чертила и напитывала его сама, но еще и пробуждала лес мне ответить.

Лес готовился к зимнему сну, и отвечать мне явно не спешил. Тем более, что это была полностью моя вина. Но я просила. Потом я встала на колени в центр круга и снова попросила. И мне ответили.

Я упала на мягкий снег и уткнулась носом в землю. Я справилась. Теперь бы еще встать не помешает. Только вот встать сил не было. Ру озабоченно слетел с ветки и накрыл мою голову своим крылом.

— Спасибо, Ру. Я в порядке.

Я перекатилась на спину и так лежала некоторое время, глядя на проплывающие облака. Потом принялась вставать. Ох.

Нет, сегодня я на то место, что указал мне лес, не пойду. Я просто не дойду. Это в принципе не далеко. И очень странно, что я до сих пор там не была. Мне казалось, что я весь лес в округе обошла, но видимо ведьмино чутье меня туда по каким-то причинам не пускало. Ладно. Лес сказал, что не сердится. Изменить я все равно ничего уже не могла. Меня попросили не допустить такого впредь. Чего такого я пока не знаю,

но непременно узнаю. А то как же не допущу?

Но в любом случае это терпит до завтра. И кое как встав, я поплелась домой. Спать.

Глава 15. Если под лестницей...

Глава 15. Если под лестницей, на рассыпанной соли, гоняясь за влетевшей бабочкой, чёрный кот пустым ведром разбивает зеркало на вашей дороге, то это презабавнейшая, но всё же совершенно бессмысленная случайность.

Нет, на коте тебе ездить нельзя.

Смерть Крыс верхом на коте — ты сам подумай, глупость какая.

Смерть Крыс должен ездить на какой-нибудь там собаке...

Терри Пратчетт "Мрачный жнец"

А утром меня ждал сюрприз в виде Брендана, сидящего у меня на крыльце.

— Там Его Сиятельство вернулся и привез мастера по этим камушкам, — выдал мне парень.

— Это не камушки, это смальта, — поправила я его, закутываясь в теплый плащ и одевая помимо капюшона шапку.

— А смальта разве не разноцветные камушки? — удивился парень.

— Нет, это специальное непрозрачное стекло. Там сложная система прожарки. Но самое

главное — это правильно его остудить. Иначе потрескается, — бурчала я себе под нос, натянув и зашнуровав сапоги.

— Там служитель храма за сердце хватается, плачет, и голосит сильно. Он тебя зовет. Без тебя этого мастера к мозаике подпускать не хочет. Встал всем телом перед ней и руки расставил. Говорит, рубите меня мечом. Мне, мол, не жалко пострадать за святое дело, — продолжал объяснять Брендан.

— Понятно.

— Маркграф рычит, ругается, только вот служителя приказал не трогать. Они сразу в храм пошли, сюда не заезжали еще. Лика, а ты на меня сядешь? Мы так быстрее доберемся, — и так хитро на меня посмотрел.

— Вот еще! И не подумаю! Пешком пойдем. Снега еще не так и много. Доберемся, не развалимся, — отрезала я.

Парень приуныл, но покорно пошел рядом, попутно рассказывая про то, что мастер аж из самой столицы, жутко важный. Жить будет в городе. Мозаику уже осмотрел и согласился помочь. Говорит, что снимет и поставит ее назад. Только вот денег за эту блажь запросил не мало, но Маркграф обещал заплатить. Весь город только

и говорит про таинственную картинку на стене храма и про скрытые под ней чудеса.

А еще как я храбро вступила за нее в бой с самим Маркграфом и что не побоялась и отстояла. И что я храбрая и щедрая.

Я от таких эпитетов схватилась за голову. Где это видано, чтобы ведьма была храброй и щедрой? Это вообще со словом ведьма нельзя поставить рядом. И вот на тебе. И угораздило же меня.

Брендан поглядывал на меня все время, пока мы шли вниз к городу, и порывался что-то сказать. Только решиться все никак не мог. Ему что-то нужно? Наверняка. Надеюсь, что это терпит.

До города мы добирались дольше. Все-таки холод и снег делали свое дело. И хотя больших сугробов еще не намело, но все же я передвигалась не так быстро, как хотелось бы.

У храма нас ждала небольшая толпа во главе с суровой фигурой Маркграфа, возвышавшейся над ними. Я прошла мимо него сразу в храм. Меня проводили потеплевшими глазами и легкой улыбкой, которая, впрочем, почти сразу исчезла с его губ. Может мне показалось?

При виде меня толпа зашумела и расступилась, давая мне и Брендану проход. В храме служитель

бросился ко мне, как будто я его любимая тетя по материнской линии, которую он давно не видел, но с детства любил. Все! Это полный крах моей репутации как ведьмы. Где страх в глазах? На меня смотрят с надеждой. Ужас, что творится.

Мастер из столицы выглядел не испуганным, а скорее заинтересованным. Я принялась подробнейшим образом у него выпытывать процесс работы. Понюхала состав, которым он собирался растворять клей и пространство между швами смальты. Убедилась, что сам состав никоем образом не повлияет на цвет и прозрачность смальты. Только процесс этот будет длительным, и тут вскрылись новые подробности.

Оказывается, служитель настаивает не только на том, чтобы я все проверила, но я должна лично присутствовать. Я схватилась за голову. Это вообще как? Нет, зима время спокойствия. Беготня по лесу закончилась. И можно спокойно заниматься перетиранием трав, я собиралась освоить лабораторию в подвале и попробовать парочку рецептов. У меня еще значилось штудирование парочки томов, что остались от Клары и тихие вечера у печки с крошкой Ру под боком. А тут я должна торчать в городе не меньше месяца? Меня утешили, что меньше. Вот снимут мозаику,

прочтем надпись, а на процесс восстановления я могу и не оставаться. Служить сказал, что сам это проконтролирует. Ну, хоть на этом спасибо. Я обреченно вздохнула. Но делать было все равно нечего.

Маркграф, стоявший рядом, тут же вызвался меня отвозить и привозить, но я решительно воспротивилась. И так все косо смотрят, а тут еще я буду разъезжать на Маркграфе. Нет уж.

В городе есть дом ведьмы. Именно там я поселюсь. Тем более, что город обязался меня обеспечить всем необходимым на эти дни. Да и у бывшей городской ведьмы в доме оставалось после ее поспешных сборов много всякого добра, которым теперь я смогу воспользоваться, пусть и временно. Так и решили.

Городской дом ведьмы мне не нравился, но как временное пристанище вполне подойдет. Потянулись зимние холодные дни.

Утром я вместе с мозаичистом аккуратно по маленькому кусочку расчищала кусок стены. После обеда принимала городских жителей, которые занимали очередь с утра и к вечеру с наступлением темноты и не думали расходиться. Они бы и ночью шли ко мне на прием, но Маркграф выставил двух оборотней для охраны моей важной

персоны. И толпа все же к ночи рассасывалась.

Но к моей чести работала я хорошо. Запасов городской ведьмы не хватало, поэтому Брендан несколько раз отправлялся в мой дом с указаниями, что можно трогать, а что нельзя. И как не подхватить проклятья, которыми был утыкан мой дом. Но Брендан возвращался всегда целым и невредимым, в точности выполняя мои указания. Он привозил необходимые травки, порошки и микстуры. Но самым главным, конечно, были силы ведьмы, которые я расходовала. Под вечер я была полностью выжита, отдавая всю без остатка.

Утро было особенно промозглым, снег падал не переставая. Так я и не доберусь до моего дома в деревне без помощи Маркграфа. Дорогу основательно заметет, когда путь проложат — не понятно. Так я раздумывала, пока старательно перерисовывала знаки, что теперь были отчетливо видны на стене.

Нужно поторопиться и сегодня же все закончить. Я хочу домой, в мою уютную берлогу. Вот нечего мне тут делать. Поток городских жителей стал заметно меньше. Самые срочные случаи в самом деле требовавшие вмешательства ведьмы я уже рассмотрела. С остальным и местный лекарь

с аптекарем справятся. Они и так за эти дни разленились. Мое пребывание — просто праздник для них. Да еще и поздней осенью, когда кажется, что сама природа подхватила насморк.

И тут двери храма резко распахнулись, пуская внутрь холодный воздух. Так, это явно не к добру. Я пошла посмотреть, кто же так ломится? И поняла, что лучше мне пока отойти в тень и спрятаться в нише за статуей одного из праведников. Нет, связываться с женой Маркграфа — это последнее, что мне сейчас хочется. Я ее не боялась. Это было бы странно. Но неприятности мне не нужны.

Ее милость Аманда Бретонская была одета очень тепло. Я бы даже сказала чересчур. Она же оборотень? Ей и мерзнуть то не положено. Но она куталась в меховой плащ и зябко поводила плечами. Видно было, что находиться здесь ей не нравится.

Вместе с ней в храм пожаловали почти все оборотни из ее личной охраны в своих богатых красных одеждах. Прибыл с ней и Ганелон, который сразу при входе в храм стал озираться. Было похоже, что он что-то ищет. Уж не мою ли скромную персону? Но если ведьма не хочет, то ее очень сложно найти.

Оборотни во главе с Ее светлостью обошли храм. Долго они особенно нигде не задерживались. Их сопровождал служитель, пришедший вместе с ними. Ожидаемо они остановились перед снятой со стены и разложенной на полу мозаикой. Долго стояли перед надписью, а потом один из оборотней ее зарисовал. Листок протянул Аманде, и та засунула его в рукав. Я там ножи храню. А она, по всей видимости, платочки и тайны. Кому что.

Я чего-то подобного и ожидала. Но эту надпись полгорода видело. Потому что в храм все время приходили жители города, и скрывать ее особенного смысла не было. Маркграф тем более принял решение перенести мозаику в городскую ратушу. Мастер как раз подготавливал там стену для этого. Служитель согласился на такое решение, тем более что надпись оказалась сама по себе красивой. Буквы и знаки были позолочены, так же как в замке и смотрелось это красиво и таинственно. Храму эта надпись, безусловно, подходила.

Служитель пошел на это еще и из тех соображение, что мало ли кому еще в голову придет ее прочесть? И этот кто-то может быть совсем не так аккуратен как Маркграф. А воспользуется кувалдой. И тогда все будет совсем плохо. А так и

ратуша выиграет, и от храма не убудет.

Я дождалась, когда Ее милость покинет храм и только тогда выбралась из укрытия. Нда. Вот пускай Роланд сам с ней разбирается. В конце концов, это его жена, его замок, его земли и его обязанность как Маркграфа. Если его жена замешана в убийствах, то все очень и очень плохо.

Сразу после обеда я отправилась домой. До городских ворот меня провожала половина города. Многие предлагали перевести меня со всем имуществом в город, но я решительно отказывалась. Домик в деревне меня устраивал гораздо больше. Город с точки зрения безопасности был крайне ненадежен. Если папочка подошлет убийц, то в городе им меня достать будет гораздо проще. Так что нет. Возвращаемся.

Брендан уже ждал меня у ворот, а вместе с ним еще два оборотня, что почти постоянно или дежурили у стен храма или возле дверей домика городской ведьмы. Я плотней запахнула плащ. Снег припустился, будто только и ждал того момента, когда я завершу все свои дела в городе. И теперь решил засыпать все очень основательно.

Дороги зимой из города в замок почти не было. Ее полностью засыпал снег. Оборотням не составляло особого труда добежать по нему до города,

а вот люди были почти отрезаны. Ронсевальское ущелье, как утверждали жители, засыпало в особенно снежные зимы по самую макушку двух скальных дев. Но мне казалось это пустой болтовней. Не может там быть столько снега.

Мы сделали всего несколько шагов от городских ворот, когда из-за плотной стены снега на нас выпрыгнул огромный снежный барс. Роланд фыркнул и потряс головой, отряхивая снег. Он подошел и улегся прямо на снег, давая мне возможность забраться на него. Я не заставила себя долго ждать.

И мы помчались сквозь белую метель.

Домчались мы быстро, при этом оборотни, что нас сопровождали, побежали в замок, а вот Брендан и Роланд вошли вместе со мной в дом. Я, несмотря на то, что бежали мы очень быстро, умудрилась все-таки замерзнуть. И была приятно удивлена, когда войдя в дом обнаружила растопленную печку и кучку дров сваленную рядом.

— Это я сбегал и протопил. И дрова принес, — смутившись, сказал Брендан.

— Спасибо, — и я, потянувшись, поцеловала парня в щеку.

Я принялась отряхивать снег с плаща. Вот же им двоим хорошо. Перекинулись и ни тебе снега

на одежде, ни тебе мокрых штанов. Если когда перекидывались, одежда была сухая — то сухой и останется. В этом процессе была задействована магия оборотней. Эх. У нас в стае, кстати… Нет, об этом лучше не думать.

Роланд, как ни странно никак не отреагировал на мою вольность. Только хмыкнул и совершенно спокойно спросил

— Отваром напоишь? Он у тебя вкусный. А когда ты Брендану полный доступ в дом дала? — и он уселся на стул.

Брендон взглянул на меня и тоже сел рядом. Ну да, мой дом — мои правила.

— А как бы он за травами на второй этаж сходил?

Роланд кивнул. Он как-то намного спокойнее стал реагировать на мою дружбу с Бренданом. Больше не было его рычания. Это после того, как я стала на нем ездить верхом? Ну-ну. Надо все же покопаться в книгах и выяснить, что все это значит.

Ушли они от меня не очень поздно. Темнело быстро, и я с чистой совестью завалилась спать в собственном доме, довольная и сытая.

Ру тоже был несказанно рад моему возвращению. Только он зачем-то приволок кур в мой дом.

И сколько я не ругалась и не припиралась — Ру стоял на своем. Я плюнула. Завтра разберусь и выгоню всех к святым праведникам на улицу. У меня курятник есть, там пусть и зимуют.

Утром кур в доме я не нашла. Куда их Ру прятал просто уму не постижимо. Я бросила это занятие, потому что два раза угодила в собственное же защитное проклятье и мне надоело рыскать по темным углам.

Я принялась за готовку и разбор запасов в раздумьях — что бы мне такого съесть. Я как раз доставала из печки первую партию пирожков, когда в дверь постучали.

Ру, сидевший на шкафу, ухнул. Ну, значит свои. Только какие свои могут быть в разгар снегопада?

На пороге стояли все те же. Брендан и Роланд о чем-то оживленно спорили и, войдя, принялись отряхиваться от снега.

— Вы чего это? — удивилась я.

— Лик, а кто будет пятую надпись расшифровывать? У тебя же лучше всех с латынью? Брендан ее вообще знать не знает. Я читаю, но очень бегло. А ты читаешь и говоришь. Кто кроме тебя?

Я вздохнула и приглашающе кивнула.

Только дело у нас ладилось плохо. И это несмот-

ря на то, что у нас уже были расшифровки четырех предыдущих надписей. Расшифровать не получилось ни в этот день, ни в несколько последующих. Я основательно приуныла, а Роланд заметно нервничал. Больше всего его беспокоило, что нас опередят и к каким последствиям это приведет.

Я несколько раз начинала ему рассказывать об ужасах, что творились после обретения ножен, и каждый раз он меня останавливал, потому что меня начинало трясти. Папочка решил, что если наполнить их до краев кровью девственниц, то… Я надолго запомню тот день и крики девушек.

Его рассудок сильно помутился после того, как они открыли тайник. Артефакт не был предназначен отцу. Он тогда положил множество жизней, идя к артефакту буквально по трупам. Все эти ужасы было трудно вспоминать, трудно с ними жить и еще больше хотелось, чтобы этого больше никогда не повторилось.

Именно поэтому меня так пугает все, что связано с этим предметом. Буквально до нервной дрожи. И вот почему я была так рада, когда Роланд нашел надпись в храме. Вполне возможно, что его разум устоит перед этой силой. Надпись ему подчинилась и вообще он и его предки столько лет были хранителями этой тайны. А еще Роланд

могучий рыцарь и знает, как держать его в руках. К тому же это его замок и его земля. Эти доводы успокаивали и воодушевляли. Если кто и сможет удержать меч в руках и не сойти при этом с ума, то только он.

Вечером после очередных неудачных попыток расшифровать неподдающиеся слова, я совсем пригорюнилась.

— Мы слишком многого хотим. Старина Эрнст бился над всем этим, я уверен, не один год. А мы хотим вот так наскоком, — сказал Роланд.

— Нам нужна помощь, — согласилась я.

— Я собираюсь съездить в столицу. Отвезу к одному другу все записи. Он должен помочь. Тем более, что у нас есть кое-какие здравые идеи, и мы многое поняли в записях.

— Да, я думаю, что это хорошая идея. Ты доверяешь этому человеку?

— Да. Он в этом точно не стал бы участвовать. И он всегда меня поддерживал. Он заведует королевской библиотекой. Если кто и поможет, то он.

— Отправляйся, не медли.

— Ты не хочешь отправиться со мной? — и он хитро так на меня посмотрел.

— И не подумаю. Мне и тут хорошо. Вон Брендана возьми с собой. Он столицу еще ни разу не

видел.

— Нет! — испуганно воскликнул вдруг парень.

Мы повернулись к нему, и я тихонько спросила.

— Брендан? Что?

— Нет, все в порядке. Просто не хочу ехать. Эта столица мне совсем не нужна.

Мы с Роландом переглянулись. Он пожал плечами, а я решила завтра непременно все выяснить. Я и так это откладывала непозволительно долго.

Роланд уехал на следующий день. Он и небольшой отряд оборотней добирались бегом до города. Там они должны были узнать, много ли снега навалило и что с дорогами. Роланд собирался вернуться через несколько дней. Он не планировал оставаться в столице надолго. Неизвестно, сколько времени займет расшифровка последней записи.

И уже через два дня я с удивлением поняла, что мне чего-то не хватает? Я все время была занята, но то и дело мелькала мысль, что вот было бы здорово услышать, что он скажет. Или увидеть его реакцию вот на это. Я обрывала такие мысли, но они настойчиво лезли снова.

Утро на пятый день отсутствия Роланда было мрачным. Снега не было, но и солнышко отказы-

валось выходить из-за туч.

Я только было собралась сесть с книжкой у печки, как в дверь яростно застучали.

На ввалившемся Брендане лица не было. Белые губы, огромные распахнутые глаза. А потом из них, как только он увидел меня, потекли слезы.

— Брендан? Что? — и я, подхватив парня, усадила его на стул.

Он на него практически рухнул.

— Лика? Я все ждал, я так надеялся, что это не случится. Но они опять за свое. Лика, они ополоумели и сами не знают, что творят.

— Кто?

Но Брендан не слушал меня, взгляд его блуждал по комнате, и он был явно не в себе.

— Тиль, я все хотел поговорить с тобой о нем. Он бы мог помогать по хозяйству. Он же был хороший парнишка. Но я боялся, что ты откажешь. Я знаю, тебе же не положено. Он был такой славный и старательный. Я копил денег, я пытался…

— Что значит был? — уцепилась я за главное.

— Я же почти накопил. А потом думал, что по весне поход будет, и я сумею…

Я подошла к парню и со всей силы ударила его по лицу. Его голова дернулась, но взгляд стал более осмысленный. А потом я выплеснула ему в

лицо кружку с холодной водой.

— Я спрашиваю. Ты отвечаешь. Понятно?

— Да, — в глазах парня появилось понимание и где он и кто перед ним.

— Тиль. Сейчас он где?

— В яме.

— В какой яме?

— Его бросили замерзать вместе с остальными детьми.

Я закрыла глаза, а открыв их, принялась с бешеной скоростью одеваться.

— Староста? — бросила я.

— Да, но он не один, с ним почти вся деревня. Их много, Лика, здоровые мужики. Мне не справиться. И тебе тоже. Их там не десять как разбойников, их там большая часть деревни. В замке никто помочь не согласится. Это же люди, а не оборотни, — парень тараторил, боясь не успеть все сказать.

— Как интересно. И именно сейчас, когда Маркграф уехал, — протянула я.

— Так и в прошлые два года они это устраивали, когда он уезжал. А потом ему никто не говорил, а он и не интересовался. Что он, считал этих стариков и детей? Он их не знал, и ведать о них не ведал. Дети в основном сироты или те, за кого

заступиться не кому.

— Но у Тиля же ты есть? Это они просчитались? — и я принялась натягивать сапоги, без них я все рано далеко не уйду.

— Что я могу один? Да потом, Тиль же калека. От таких принято избавляться. Лика, а ты куда? — спросил он.

— Я пошла немножко повоюю.

— Лика, а…

— Как давно они в яме?

— Они только пошли. Я же думал, что в этом году они одумаются и…

— Помолчи. Уже неинтересно сейчас, что ты там думал. Ру, малыш. У нас драка. Атакуешь только при непосредственной угрозе, — птица расправила большие крылья и Ру звучно угукнул.

— Показывай дорогу.

Но показывать ничего не пришлось. Едва мы выбежали за мой покосившийся забор, я почувствовала запах гари от нескольких факелов. Жители протоптали широкую дорогу, которая вела в сторону леса. И, да. Она как раз вела именно в ту часть леса за домом старосты, где я так и не удосужилась побывать.

Я бежала. Брендан бежал рядом. А Ру не скры-

ваясь летел радом с нами.

Народу было много, в самом деле почти вся деревня. Лица у всех были мрачные и суровые. Жертвы они, стало быть, собрались приносить. Ну, я им сейчас и принесу.

При нашем появлении толпа зашумела. Я перешла на шаг и двинулась прямо на толпу. Толпа стала расступаться, давая мне дорогу. Ну что ж, уже неплохо.

Некоторые женщины плакали, а мужчины отводили глаза в сторону. Еще лучше. Значит еще не все потеряно.

Но чем глубже я продвигалась в толпе, тем суровее становились лица. Все мужчины были вооружены. В основном кинжалами и топорами. Если вся эта толпа кинется на меня, мне не справиться.

Староста стоял на небольшом возвышении в окружении своих двух сыновей и особенно ретивых соседей. Вполне возможно, что, ликвидировав эту плохо пахнущую компанию, я сумею убедить остальных не вмешиваться.

На опушке перед лесом была выкопана глубокая яма. Ее явно выкопали давно.

А вот дальше была смерть. Та самая смерть, что так сильно нервировала лес. Смерть насильствен-

ная и не упокоенная. Смерть убитых стариков и детей. Плохое место. Как же я это все просмотрела? Но с другой стороны сделать я уже ничего не могла. Они умерли еще прошлой зимой. Но вот привлечь внимание Маркграфа я вполне могла. Только теперь поздно сокрушаться. Нельзя допустить новых жертв.

Я в упор посмотрела на старосту. Мне казалось, он не плохой мужик. И парни у него были хозяйственные, и я не увидела у них зла. Что же они творят сейчас?

Я поискала взглядом детей и поняла, что мы успели.

Глава 16. У собак есть хозяин, а у кошек — обслуживающий персонал!

— У вас кот сильно газированный — Почему? — Его когда трясешь, он шипит.

Детей в яму они скинуть не успели, они стояли по колено в снегу. В основном это были девочки, судя по длинным распущенным волосам. Всего их было восемь. Скинуть не скинули, но успели раздеть. Одежда лежала тут же сваленная небольшой кучкой. На детях были только легкие штаны и рубашки. Все это было белого цвета и не бросалось в глаза, я и заметила то их не сразу. А вот Тиль держал в руках какой-то куль, который я ошибочно приняла за тряпье и только потом сообразила, что это младенец. Я снова прикрыла на мгновенье глаза.

Так, Лика. Успокойся. Тебе не справиться с толпой. Сначала нужно попробовать уладить все миром. Ну, почти миром.

— Одевайтесь! Живо! — отрывисто бросила я детям.

— Брендан, забери у него младенца и уку-

тай, — я стащила с плеч плащ подбитый мехом и протянула парню.

А потом я продолжила командовать.

— Тиль, одевайся сам и помоги одеться остальным детям. Живо! — прикрикнула я, потому что дети уже и замерзли и плохо понимали, что происходит.

Как ни странно, Тиль очнулся и стал быстро натягивать одежду на замерзающих детей. Я восхитилось мужеством парня. Он-то в отличие от маленьких прекрасно понимал, что его ждет.

— Брендан, бери всех детей и отправляйся в мой дом. И носа оттуда не высовывать. Уходите тихонько, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, — прошептала я, склонившись над младенцем в его руках.

Ребенок был закутан в мой плащ и держал его Брендан крайне неумело. Но ребенок был жив, и это на данный момент пока главное. Не успел он замерзнуть толком. Мы вовремя.

— А ты? — так же шепотом спросил Брендан.

— А я буду разговаривать по душам с населением.

С этими словами я обернулась к притихшей толпе.

Уже одно то, что мне дали одеть детей, вызыва-

ло надежду на то, что им и уйти позволят.

Лица на меня смотрели со странной смесью эмоций. От лютой ненависти до робкой надежды. И я вдруг поняла, где уже видела подобное. Папочка как-то затеял очередной эксперимент. Он хотел зарядить ножны, чтобы они вдруг сделали его всемогущим, всесильным и что-то там еще. Он собирался пойти войной на королевства соседей. Я особенно не вникала. Маленькая была еще. Папочка сошел с ума не сразу. Это длилось долгих десять лет. И вот тогда на площади, когда я смотрела на людей сквозь балясины балкона присев на корточки, я видела смесь тех же эмоций. Тогда я ничем помочь не смогла.

Я снова прикрыла глаза. Ямы две. Два года назад некто запустил цепочку и потревожил артефакт. Может быть так, что это его влияние я сейчас наблюдаю? Проснувшийся артефакт такой силы и без хозяина на многое способен. Может быть это только жертвы? Тогда я тем более не имею права никого сегодня убить, не поняв, с чем имею дело.

Я слышала, что иногда в деревнях и в самом деле был такой суровый обычай отправлять зимой детей в лес. Но это было в лютый голод. И да, отправляли в основном девочек. Но тут явно что-то другое.

— Я забираю детей себе, — сказала я не очень громко.

Толпа загудела, а потом староста вдруг закричал истеричным голосом.

— Они жертва. Жертва во имя процветания деревни!

— Вот как? Сильно она процветать будет, если ты детей невинных убьешь? Дети это будущее деревни. А ты своими же руками это будущее убиваешь! — я тоже повысила голос, пытаясь докричаться не до этого остолопа, а до тех, кто в толпе и способны еще рассуждать.

— Мы принесем их в жертву и лес снова наполниться дичью! — последовал новый довод.

— Вот как? А сильно он наполнился дичью после того как вы убили почти всех стариков в первый год? А на второй год стада оленей наполнили лес? Почему же вот сейчас это вдруг произойдет?

Я сделала шаг вперед. Толпа выстояла, а вот староста с сыновьями попятились.

— Нам нечем кормить своих детей! А это сироты! Их кормить некому! — продолжал выкрикивать старый хрен.

— Я буду кормить этих сирот! А ты во имя твоего гибельного процветания можешь засунуть в эту

яму своих внуков, раз прокормить не можешь. Только вот я и их вытащу и себе заберу!

И я сделала еще несколько шагов, но уже не в сторону толпы, а только к группе, что стояла вокруг старосты.

Краем глаза я увидела, что Брендан и Тильпин уводят стороной детей, направляясь к моему дому. Ну, вот и славно. А с остальным я как-нибудь разберусь. Главное детей я вывела.

В глазах старосты по-прежнему бушевал огонек безумия, сдаваться он явно не собирался. Но вот двое его сыновей ездили со мной в город и своими глазами видели то, что я сделала с бандой разбойников. Поэтому в их глазах я увидела панику и страх.

— Да пусть забирает! — внезапно заорал один из них.

Толпа как будто именно этого и ждала.

«Да, пусть». «Вот она-то их и накормит». «Правильно». «Кому они нужны?» Все эти реплики раздавались в толпе, и я немного выдохнула.

— И если вдруг кому-то еще раз придет в голову идея выставить на мороз умирать от голода ребенка, то лучше такому человеку мне на глаза не попадаться, — и я обвела толпу прищуренным взглядом.

Толпа молчала. И я продолжила.

— Всех детей, что не можете прокормить, ведите ко мне. Я сама разберусь и с лесом, и с жертвами, и кого чем кормить.

— Мы не дадим вам ни куска мяса из общей добычи! — проорал староста.

Я подошла к нему совсем близко и прошептала так, чтобы слышали только он и два его сына.

— Да подавись.

Староста стал пятиться, но ноги запутались в снегу и он упал на задницу. Глядя на эту картину в толпе послышались смешки. А когда староста попытался подняться, я постаралась, чтобы он снова упал.

Это и впрямь выглядело комично. И толпа стала смеяться.

И вот тогда я выдохнула окончательно.

Я снова пошла на толпу. Мне домой нужно. У меня там полон дом детей и два парня, которые вряд ли подходят на роль нянек. Толпа расступалась, давая мне дорогу. Я с облегчением поняла, что большинство довольны таким исходом. Люди продолжали улыбаться. То и дело в толпе звучали одобрительные возгласы. Ну еще бы! И от ртов избавились и не убили никого. А в жертву во имя процветания тут, похоже, никто толком и

не верил.

Я шла сквозь толпу и уговаривала себя не торопиться. Ноги сами хотели пуститься в бег. Очень хотелось попасть домой и выйти из толпы. Но я справилась, прошла и даже шаг ни разу не ускорила.

И тут я увидела небольшую группу оборотней. Кошечки сидели и смотрели на все это представление издалека. Интересно, если бы толпа начала меня рвать на мелкие кусочки, то они бы вмешались?

Ответ я получила незамедлительно. Они перекинулись в человеческий облик и двинулись ко мне.

— Госпожа ведьма, зря вы так рисковали. Можно было дождаться, когда их в яму скинут и тихонько вытащить. Мы так и собирались поступить. Брендан — пацан еще, но вы-то почему так рисковали? — обратился ко мне один из них.

— Ага. Они бы еще тут долго детей промораживали, потом почти голых в яму скинули, потом бы расходились еще полдня. Кого тогда пришлось бы из ямы доставать на таком морозе? Половина была бы уже мертва, а другая отморозила себе все, что только можно. Пальцы вообще вряд ли бы удалось спасти. А уж про простуду от пе-

реохлаждения я молчу. Горячка всем была бы гарантирована, — ответила я.

— Мы как то об этом не подумали. Оборотни мороз по-другому переносят, — и он запустил руку в волосы и подергал их в знак своего полного тугодумства.

Я хмыкнула. И двинулась в сторону дома. Оборотни шли следом, а самый крупный из них пристроился идти рядом со мной.

— Я не рисковала зря. Если спасать, то спасть. А иначе и лезть вообще не стоило. Кстати, что вы тут делаете?

— Его светлость оставил меня за старшего. И сказал приглядывать за вами и деревней. Я сразу понял, когда Брендан убежал весь белый, что в деревне что-то назревает. И мы прибежали вмешаться, так как знали, что и без вас не обойдется.

— Хм. И вы бы вмешались? Если бы, ну…

— Разумеется, госпожа ведьма. Не дело они тут устроили. И вы поступили правильно. Мы бы вмешались и сделали все, чтобы вы не пострадали.

— Спасибо. А как вас зовут?

— Оливье́р, Оливьер Альтеклер, госпожа ведьма.

— А куда делся Ганелон?

— Он напросился с Его Светлостью. Вот уж не знаю, что ему понадобилось в столице, но они уехали вместе, — пожал плечами оборотень.

Мне он почему-то понравился сразу. Возможно своей рассудительностью и спокойствием. А еще тем, что прибежал меня вытаскивать из неприятностей. Я очень люблю, когда меня из них вытаскивают. Вот мог бы и в замке остаться? Или промедлить, прибежать, когда от меня только мокрое место осталось бы. А он примчался почти сразу за Бренданом. И это радовало.

— Госпожа ведьма? Можно спросить? — почтительно наклоняясь ко мне, спросил Оливьер.

— Лика, меня зовут Лика. Спрашивайте. Вы же вроде бы меня спасать прибежали?

— Вы стояли там перед всей этой толпой. Вам не было страшно? Толпа обычно внушает ужас неподготовленным к ней.

— У меня уже был некоторый опыт выхода к толпе, — ответила я, решив не уточнять, что перед королевским балконом толпа обычно гораздо больше.

— Но вы ведь не знали, что мы рядом и готовы вмешаться?

— Нет, не знала.

— Вы настолько сильны или настолько без-

рассудны?

— Не то и не другое. Я прекрасно понимала, что одной мне с этой толпой вооруженных топорами и ножами мужиков не справиться. И была готова дорого продать свою жизнь. Я хотела дать возможность Брендану увести детей, перетянув агрессию толпы на себя. Он в и дети должны были успеть уйти. А потом я бы отступила в лес. Ну, если бы смогла.

— План был очень рискованный. Вы не находите, госпожа ведьма?

— Лика. Да. Риск был, но дать погибнуть такой страшной смертью детям я не могла. Я бы перестала быть собой. Да и лес бы мне этого никогда не простил. Так что выбора на самом деле не было, — ответила честно я.

— Мало найдется ведьм, думающих так же, как вы.

— На самом деле нет. Все ведьмы обязаны были на моем месте поступить так же. Расплата за не вмешательство гораздо страшнее, — пожала я плечами.

— Вот как? Не знал. А что конкретно? Простите, госпожа ведьма, мое любопытство, но…

— Как вы думаете, почему одни ведьмы старые, страшные с крючковатыми носами, ужасной

кожей и большим горбом? А другие красивы, и их принадлежность к ведьмам можно определить только по серебристым волосам?

— Я полагал это возраст?

— Нет, Оливьер. Это последствия зла, невмешательства, приготовления ядов и отваров для прерывания беременности, а иногда и прямого убийства. Ведьма может убить, но только защищая свою жизнь и жизнь близких.

Оборотень молчал, явно обдумывая полученную информацию. Это не секрет. Просто не все хотят об этом знать.

— Мне пора. А-то как бы дети не разнесли дом. У меня их теперь много.

И я уже было пошла по протоптанной дорожке к своему дому, когда мне в след прилетело.

— Я завтра принесу мяса. Мы с утра уходим на охоту. Я знаю, у вас есть запасы, но свежее мясо не помешает. Доброй ночи, госпожа ведьма.

Я резко обернулась, но увидела только пять кошек смазанным пятном несущихся по направлению к замку.

Мясо? Ну что ж, не плохо. И я открыла дверь в свой дом.

Я была уверена, что мой дом уже трещит по швам. Ну еще бы, такое количество детей в него

попало. Но когда я входила, то не услышала ни криков, ни шума. Войдя в большую первую комнату с печкой столом и стульями, я увидела удивительную картину.

Дети сидели большой кучкой у печки. И скорей всего с места они так и не сдвинулись. Они по-прежнему были одеты, хотя в комнате было тепло, я бы даже сказала жарко. Так сильно замерзли? Ох. Нужно всех осмотреть. Мало ли? Вдруг и в самом деле что отморозили?

Тиль и Брендан были здесь. Только вот один держал на руках ребенка, а другой склонившись над ними аккуратно дотрагивался до лобика ребенка.

При моем появлении все дружно подняли головы и уставились на меня.

Ру, залетевший следом за мной, уселся на шкаф и оттуда скептически оглядел всю эту компанию. Потом он ухнул и посмотрел на меня.

— Да. Они мне точно нужны, Ру. И ты никого обижать не будешь. И курам своим скажи! Если клюнут кого из детей — я из них суп сварю. Все равно они яйца не несут и толку от них никакого, — ответила я птице, наставив на него палец в предупреждающем жесте.

Ру ухнул и отвернулся. Мол, разбирайся сама. А

я вздохнула. Ну да. А кто еще?

— Лика? — робко спросил вдруг Брендан.

— Что? — я присела, стаскивая с себя сапоги.

— А почему он молчит? Он точно жив? — и парень глазами показал на младенца на своих руках.

— Жива. Это девочка. Я смерти не чувствую. Спит она. И ты вот так и сиди. И не вздумай шевелиться. Когда она проснется — всем мало не покажется. А я еще козу не нашла.

— Какую козу? — тихим испуганным шепотом спросил Брендон.

— Обычную козу. Молоко, чтобы ее кормить, мы где возьмем? И кстати когда ее мать умерла? Почему меня не позвали? Что там было? Родильная горячка? — сыпала я вопросами пока доставала из печки большой чугунок с похлебкой.

Эх. Я планировала есть эту похлебку дня два. На завтрак, обед и ужин. Но сейчас она будет съедена за один раз. Да еще и не хватит. Похлебка была с травами, грибами и картошкой. Я пробовала, вкусно. У меня еще целый каравай. Его я даже еще и не порезала. Тоже наверняка весь уйдет. Хотя Брендана я кормить не буду. У него как раз младенец на руках. В замке поест.

— Так она не умерла.

— Кто? — спросила я, доставая миски из шкафа.

— Маришка. Дома она. Ее не выпустили. Она ребенка не хотела отдавать, но отца у ребенка нет. Заступиться за девушку некому. А ребенок от оборотня. Никому он не нужен. Маришку замуж по весне выдадут, — ответил мне Тиль.

— За кого? — я остановилась, оторопело выслушивая эту информацию.

— За того, кто посватает, за того и выдадут. У нее теперь обузы в виде ребенка нет. Может, кто и возьмет из парней. Но скорей всего кто-то из вдовцов с кучей детей, — ответил мне мальчик.

— Да...! — Я не могу ругаться. Я воспитанная ведьма. И вообще тут дети. Дыши, Лика, глубже дыши, я принялась расставлять миски.

Потом я подошла к печке и осторожно потянула на себя первого ребенка. Раздевая, я попутно осматривала ее на предмет обморожения и травм.

Девочка была здорова. Худющая, одни глаза на личике, грязная, но этим мы займемся позже. Главное, что сильно от пребывания на морозе она не пострадала, несмотря на явное недоедание. В чем тут вообще жизнь держится? Одни косточки.

— Маленькая? Тебе не холодно?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Ну, вот и славно. Давай ты сейчас сядешь за стол и поешь?

Девочка робко глянула на стол со стоящими мисками, из которых шел горячий пар. А потом снова на меня.

— А там еще хлеб есть. Будешь?

Она закивала.

— Ну, вот и славно.

Я подхватила ребенка на руки, благо весила она немного, и усадила на лавку за столом. Вручила ложку, кусок хлеба и скомандовала.

— Приступай.

Я вернулась к следующему ребенку. Дальше дело пошло быстрее. Видя, как девочка быстро работает ложкой, остальные сами помогали освободить себя от одежды и спешили к столу. Я их пересчитала. У меня пять девочек и два мальчика. Это было странно, но кроме первой малышки все остальные дети выглядели весьма неплохо. Они явно хорошо питались, и одежда на них была добротнее и теплее. О детях заботились. Как же они оказались на краю ямы?

Итого у меня семь больших проблем. А! Еще младенец, с которым вообще не понятно, что

делать. И если не найду козу, то все обернется огромной катастрофой. А в городе есть коза?

И еще у меня подросток. Тиль не считается проблемой. От него будет больше пользы, чем проблем. Я потерла лоб. У меня две пустых спальни. И еще вот эта большая зала. Все должны поместиться. Кровати достаточно широкие, чтобы вместить всех детей.

Дети стучали ложками и поглощали еду с огромной скоростью. За стуком ложек я не сразу расслышала стук в дверь. Брендан, боясь потревожить ребенка на своих руках, кивнул мне на дверь.

Я встала и пошла открывать. На пороге стояла странная парочка. Женщина обнимала за плечи почти полностью раздетую девочку. Я быстро открыла дверь, давая им проход в мой дом.

Девчонка дрожала, у нее зуб на зуб не попадал. Я налила в большую кружку сбор противопростудный из горячего чайника стоящего на печке и протянула ей.

Вторую женщину я знала. Это была вдова погибшего библиотекаря-оборотня Эрнста.

— Мама! — с громким криками бросились к женщине двое из детей.

Она упала на колени и принялась судорожно их

обнимать и целовать куда придется. Она лепетала нежные слова и плакала. Она тоже явно не по своей воле отдала детей. Я зашла в первую спальню и сняла покрывало с кровати. Вернувшись, я накинула его на плечи девочки, что грела руки об кружку и, не отрываясь, смотрела на Брендона. А вернее на ребенка, что он держал на своих руках. Она поджала босые ноги и подтянула их под покрывало. Она сюда босиком по снегу бежала?

— Маришка?

— Маришка? Ты сбежала? — тихонько зашептал Тиль.

Девушка кивнула. Разглядев ее, я поняла, что это все же девушка, а не девочка, как мне показалось вначале. Просто она была совсем юной.

— И что теперь? — продолжил шептать парень.

Девочка посмотрела на меня.

— Ты можешь остаться. У тебя молоко кормить ребенка есть? — с надеждой посмотрела я на нее.

Девочка быстро-быстро закивала. Уф. Коза не нужна. Уже легче. Потому как вот чего не умела, так это доить. Не доводилось как-то.

Женщина, услышав, что я разрешила остаться Маришке, посмотрела на меня огромными глазами, полными слез. Она встала с колен и вытерла

щеки. Дети, мальчик и девочка цеплялись за ее юбку и с надеждой запрокинув лицо смотрели на нее.

— Мне некуда их забрать. Меня выгонят из моего же собственного дома. А у меня еще трое старших детей.

— Кто выгонит?

— Брат. После смерти Эрни, он вместе со всей семьей пришел в мой дом и занял его. Сказал, что он теперь принадлежит ему, так как мне положен мужчина в доме. Они с женой отдали старосте моих детей, — и по ее щекам снова полились слезы.

Я потерла лоб. Вот что мне с этим делать?

— А старшие дети? — спросила я.

— У меня два старших сына скоро будут крепкими парнями и могут работать. Да и охотниками они будут хорошими, все-таки у них кровь оборотня. А вот от младших поспешили избавиться. Девочка, моя старшая дочь, они ее замуж отдадут. Считай, продадут тому, кто больше даст, — она плакала не переставая.

— Тебя как зовут?

— Берта, — ответила она всхлипывая.

Я прикрыла глаза. Я не чувствовала в ней зла, я поняла это еще на кладбище.

— Так, Берта. У меня есть комната. Есть еда и я могу дать защиту. Если хочешь, бери детей и приходи жить ко мне. Мне все равно нужна помощь по хозяйству. Я одна с ними не справлюсь, — и я кивнула на стол, за которым сидели дети.

Женщина посмотрела на меня с такой надеждой, что мне вдруг самой захотелось поплакать.

— Но учти. Весной я уйду. И могу оставить этот дом тебе. Из него тебя и сыновей уж точно никто не выгонит. Побоятся. Но взамен ты оставишь у себя всех детей. Я не смогу взять всех с собой. Я оставлю тебе денег и защиту Маркграфа.

— Вы правда сделаете это для меня? — не веря переспросила она.

— Да, а почему, кстати, они пришли в твой дом? В деревне же есть пустые дома? — спросила я.

— Таких, как был у меня мало, и к тому же те дома стоят не обжитые и пустые. А у меня он был большой, подвал каменный и обставлен хорошо. Эрни не жалел на нас денег, — и она снова заплакала.

И именно это момент выбрал младенец, чтобы зарыдать. Святые мученики, помогите мне. Праведники уже не справляются. Перезимовала в тишине и спокойствии! У меня! В доме ведьмы! Целая куча детей! Если конклав ведьм узнает, ме-

ня точно опозорят на все двенадцать королевств.

Я взглянула на Брендана и впервые за этот день улыбнулась. Более испуганного выражения лица было сложно придумать. Я вздохнула и, подойдя к нему, забрала ребенка. Он все так же был закутан в мой плащ.

— Пошли, Мари. Я покажу тебе комнату, — я кивнула девушке.

Она вскочила и все также двумя руками поддерживая на плечах порывало, двинулась за мной.

Девушке я выделили комнату рядом со мной. А вот вдове с детьми досталась самая первая от большой комнаты. Но это было логично. Ее дети старше. И будут чаще выходить. Где бы еще кроватей взять? Но если честно я уже с трудом представляла, как у нас разместится вся эта куча народу.

Берта порывалась забрать старших детей прямо сейчас, но я велела ей подождать до утра. Она сказала, что все равно должна вернуться. Не хочет оставлять старших детей. Она соберет вещи и будет ждать меня завтра. Я пообещала прийти, как только смогу. Она поцеловала двоих своих малышей и вышла за дверь.

Только я, было, присела в раздумьях как бы мне всех разместить, как в дверь снова постучали.

Берта что-то забыла?

Я открыла дверь и увидела на пороге несколько мужчин. Вопросительно приподняла брови, но пускать никого не собиралась.

— Госпожа ведьма, нам бы детей забрать.

— Вы серьезно? С чего взяли, что я отдам?

— Прости, госпожа ведьма, попутали мы.

— Сами понять не можем, как такое только в голову пришло.

— Но когда староста говорил, все так логично казалось.

— Мы же никогда бы.

— Больше ну никогда.

Заговорили они все разом. Я вздохнула и впустила их в дом. Мужики долго объясняли и извинялись. Я слушала. Лжи и зла не было. И они и в самом деле не понимали, как идея заморозить детей пришла им в голову. И почему они вдруг согласились? Все это мне все меньше и меньше нравилось. Магия артефакта? Я все больше и больше в этом убеждалась. Ему нужен хозяин. А пока его нет, он будет и дальше сводить с ума.

Папочка потерял разум от владения им тоже не сразу. И вначале вот так же недоумевал. Как же ему эта идея в голову пришла?

Я хмурилась. Мужики принимали это на свой

счет и убеждали меня все сильнее. Я сообразила, что думаю не о том и кивнула.

Мужики заметно расслабились и принялись звать детей. Дети пошли домой охотно. Они были сыты и довольны. Одевались они и шли на ручки к своим родственникам сами. Я поняла, что им в тех домах жилось по большому счету не так и плохо.

Я повернулась к столу и увидела, что один ребенок все же остался. Та девочка, которую я раздевала первой так и сидела на своем месте. За ней никто не пришел.

— Тиль?

— Это Ава. За ней скорей всего не придут. У нее из родных только тетка осталась. У остальных детей вон и дяди, и дедушки есть. А у Авы никого. У тетки у самой пятеро. Ей не до Авы, — пояснил мне мальчик.

— Ава? — и я подсела к девочке.

Она подняла на меня большие глаза.

— Ава? Давай мы тебя вымоем и пойдем спать? Я устала. День был жутко длинный и хлопотный.

Малышка кивнула и подала мне руку. Я взяла ее на руки и встала. Какая же она легкая.

— Тиль. Оставшиеся два ребенка сегодня на тебе. Уложить спать в соседней комнате. И сам ло-

жись сегодня там же. Завтра что-то придумаем.

— Я понял, госпожа ведьма.

— Лика. Зови меня Ликой, раз уж ты будешь теперь жить здесь. Брендан? Тебе в замок не пора?

— Лика, там ворота закрыли. Поздно уже. Можно я у тебя переночую?

— Ладно.

Я вымыла ребенка, завернула ее в огромное полотенце и уложила спать в свою кровать. Засыпая, я думала, что надолго запомню этот суматошный день.

Глава 17. Трехдневные переговоры зашли в тупик. Кот считает, что елка должна лежать

— Белла Моисеевна, почему вы второй раз не вышли замуж?

— Знаете, у меня есть собака, которая рычит, попугай, который повторяет мои слова, камин, который дымит, и кот, который гуляет по ночам. Вы считаете, что этого недостаточно?

Утром я встала очень тихо, стараясь не разбудить малышку. Перебралась через спящего Брендана. Он спал в кошачьей форме прямо у порога спальни, где ночевал его брат и двое детишек Берты. Все спали. Только вот у меня в доме трое детей, подросток и здоровущий оборотень, и всех нужно кормить завтраком.

Ру заговорчески угукнул и потащил меня куда-то в хозяйственную часть дома.

— Ру! Мне завтрак нужно готовить. Давай потом? Что там, мышь?

Ру грозно ухнул.

— У нас нет мышей, поняла. Ты молодец. Ты меня притащил, чтобы своих кур показать?

Меня и в самом деле привели в чулан под лестницей на второй этаж, где нашлись куры. Я грозно нахмурилась, но потом они встали и, распушив перья, отошли к Ру. А я обнаружила два яйца.

— Ру? Они вдруг стали несушками? Это как? Что значит кормить нужно? И воспитывать? Ну, знаешь ли! Делать мне нечего, как твоих кур воспитывать. Сам? Ну, ну. Ладно, суп из них отменяется. Но чтобы в день по два яйца! И да. Мы весной уходим. И даже не думай, что я возьму с собой твой гарем.

Пирожки благодаря яйцам сегодня были особенно красивые. Делала много, а потом принялась за похлебку. Благо печка оказалась горячей. Наверняка Брендан подкидывал среди ночи поленья. Обычно к утру она у меня теплая. За готовкой прошло все утро.

Брендан вскочил очень рано и умчался в замок, у него с утра было дежурство, ему могло влететь за опоздание. Сказал, что заглянет вечером.

Дети встали, я усадила всех завтракать. Мария с ребенком вышла, и я поняла, что после завтрака надо что-то решать с ее одеждой. У нее не было теплых вещей. И еще нужны пеленки для малышки. Вряд ли ее родные что-то отдадут. Хорошо хоть мы с ней примерно одного роста. Большинство

деревенских женщин были больше меня.

После завтрака я усадила детей лепить из теста. Начинку тоже дала, показав, как делаются пирожки. Вот что слепят, то и будем есть. Все трое восприняли задание очень серьезно, и в доме воцарилась тишина, только и слышно было сопение детей и выяснение, чей пирожок лучше. Тиль таскал дрова, топил печь и помогал с готовкой. Я начала было собирать за Бертой и ее детьми, когда в дверь постучались. Это оказался Оливьер, принесший нам огромный кусок оленины. У оборотней охота прошла успешно, и он, как и обещал, пришел поделиться добычей.

Увидев меня, готовую на выход, поинтересовался, куда меня праведники опять несут. Пришлось сесть и, налив ему сбора из трав, подробно объяснить случившееся вчера. И приход деревенских мужиков за детьми, и историю Берты. На приход мужиков за детьми он среагировал хмыканьем и усмешкой, а вот история с домом Берты ему не понравилась. Он, услышав о том, что я собираюсь забрать ее с детьми к себе, покачал головой и сказал.

— Я разберусь. Эрнст был моим хорошим приятелем. Не могу сказать, что близким другом, но эту историю я так оставить не могу. Не нужно вам

никуда ходить. Я возьму свою пятерку, мы сами со всем разберемся. Я не дам в обиду детей и хм… вдову моего погибшего сослуживца.

— Но она ведь не совсем его вдова. И ведь раньше вам дела не было до человеческих женщин? — не смогла сдержаться я.

— Это не наше дело. Мы стараемся не вмешиваться. Люди обязаны друг другу помогать и разбираться в подобной ситуации. Староста не справляется с поставленными перед ним задачами. И эта история с детьми, и вот сейчас с Бертой, требует нашего вмешательства. И пока я за старшего, я вмешаюсь, — и он встал.

Весь остаток дня я была как на иголках, а под вечер прибежала Берта. Она вся светилась от радости. Оливьер вмешался. Он пришел не один, а с пятеркой оборотней и они выселили из дома ее брата с женой и их детьми. Им разрешили забрать свои вещи, которых оказалось, как и следовало ожидать — не много. Деньги у Берты они отнять и истратить не успели. Так что как пришли с голым хм… так и ушли. У них имелся свой собственный дом, в него они и вернулись.

Берта прибежала забрать детей. Оливьер пообещал помогать с мясом и продуктами. Но у Берты как у хорошей хозяйки были свои запасы,

которые и прельстили не в последнюю очередь ее жадных родственников. Так что с голоду она не умрет.

Пока она одевала детей, те принялись ей рассказывать про картошку в пирожках и грибы. Берта сначала испуганно подняла глаза, но убедившись, что дети здоровы, и животы у них не болят, заинтересовалась. Я выделила ее и того и другого и рассказала, как это все можно приготовить. Берта кивнула и обещала попробовать.

После их ухода я потянулась. Детей осталось всего ничего. Их прокормить с моими-то запасами ничего не стоит. А если еще и мясо мне вот так будет перепадать, то и на Берту с детьми хватит.

Малышка Ава очень расстроилась, когда ушли детишки Берты. Они же так хорошо играли вместе. Но я обещала ей почитать книжку и разрешить погладить Ру. Это ее несколько успокоило, но вот Ру очень не понравилось. Но кто бы его спрашивал? Будем гладить и точка.

Мы ели корявые детские пирожки, когда в комнату без стука влетел Брендан. Он разделся и уселся за стол, как будто это в порядке вещей. Не дом, а проходной двор какой-то. А потом выяснилось, что Оливьер назначил дежурства возле моего дома. И он и спать тут будет. Ну, вообще кра-

сота. Я поворчала, но поставила перед ним миску с похлебкой из оленины и подвинула пирожки.

— А зачем мне охрана?

— Лика, пока Его Светлость не вернется, она будет. Так Оливьер распорядился. Ему очень не понравилось, что ты за один день успела и с толпой деревенских жителей пообщаться, а потом к тебе еще и они сами за детьми пришли почти среди ночи. И это еще все хорошо закончилось. А утром тебя опять повоевать потянуло.

— Ну, так все же обошлось?

— А если бы нет?

Я вздохнула и потянулась за книжкой. Книжка была про грибы. Я же обещала почитать. И при этом никто не обещал, что будет интересно. Но познавательно будет точно. Только вот это и впрямь оказалось интересно, меня засыпали вопросами. Мария и Тиль вообще спать идти не хотели. Им нужна была еще одна глава, и они очень расстроились, когда я решительно захлопнула книжку. Аве про грибы тоже понравилось. Девочка сказала, что они ну очень-очень вкусные. Грибов много и нам еще изучать и изучать.

Не знаю почему, но мне не спалось. Я встала и аккуратно направилась в большую комнату. Про себя хмыкнула. У Роланда Большой зал, у

меня большая комната. Все по справедливости. По дороге старалась не шуметь. Младенец у нас тихий, и почти не кричит, но вот будить ее все равно не следует.

Я, ведьма, тихонько продвигаюсь по собственному дому. Кошмар. А еще в моей кровати спит девочка. И она вообще ни разу не ведьма. Весь конклав удар хватит, когда прознают. Я так сильно сокрушалась по собственной загубленной репутации ведьмы, что не сразу заметила Брендана, сидящего за столом.

— Ты чего тут делаешь и не спишь?

— Так я же на дежурстве.

— А. Сбора хочешь?

— Хочу.

Я взяла две кружки и уселась на соседний стул.

— Я ведь так и не сказал тебе спасибо.

Я кивнула.

— А тебе обязательно уходить весной?

— Да.

— А как же Его светлость?

— А он останется.

— Но ты бы могла остаться. Ради Маркграфа? Я прочел в библиотеке, что ведьма способна на все ради любимого человека.

— Брендан, а там не сказано, что этот мужчина

должен принадлежать ведьме? Да, есть такое, что иногда ведьма способна биться за свое до последнего, способна свернуть горы и повернуть реки вспять. Только вот Роланд женат. Он не принадлежит мне. И никогда принадлежать не будет, — и я покачала головой.

— Да ты просто не знаешь. Он женился на ней, потому что не мог поступить иначе. Она была невестой его старшего брата. Именно его брат должен был унаследовать Ронсеваль, жениться на Аманде, стать Маркграфом, — горячо начал рассказывать Брендан.

— Значит его толком к этому и не готовили? Это многое объясняет.

— Что объясняет? — не понял Брендан.

— Плохо он справляется. По моему скромному мнению.

Брендан недовольно засопел.

— Его светлость хороший воин.

— С этим я как раз и не спорю. Но продолжай, пожалуйста. И что же случилось?

— Аманда подговорила Ульриха, брата Его Светлости, участвовать в заговоре против короля.

— Аманда? Подговорила? А сам он что — думать не умел? — съехидничала я.

— Умел, но все говорят, что он был сущим про-

стаком. Рубил с плеча, его больше турниры и лошади интересовали. Он и читать толком не умел. А Аманда уже тогда была в центре всех сплетен и интриг королевского двора.

— Слабо верится, Брендан. Уж прости. Все заговоры плетутся осознано и все хотят получить свою выгоду. И невинных овечек там не бывает. Но продолжай. Что там дальше было? Их раскрыли? А где был Роланд?

— Он был в своем первом походе, и знать не знал и слыхом не слыхивал ни про какой заговор. Они с Амандой ровесники и выросли вместе. Они, как говорят, все детство не сильно ладили. А потом этот заговор. Они хотели свергнуть короля и на его место возвести Ульриха, брата Его Светлости. Но их раскрыли и тот погиб, сражаясь с дворцовой стражей. Говорят, гвардейцы короля только вдесятером его смогли одолеть.

— А какие у него права на престол? — не поняла я.

— Ну, так они же родственники нынешнего короля Карла. Ты не знала? Он их дядя по матери. А наследников у него до сих пор нет. Правда он и не старый. Успеет еще, — удивился моему невежеству Брендан.

— А что с Амандой?

— Она очень хотела стать королевой.

— Она думает, что это очень весело?

— А разве нет? Балы, танцы, развлечения?

— Бумаги, министры, казна и смертные приговоры. А еще заговоры и отравления. А еще…, хотя впрочем, не важно. Продолжай.

— Она же оборотень. Молодая, красивая, знатная. Не мог же король ее казнить? Вот он и предложил ей найти мужа. И быстро. Иначе он сам его выберет. Ну Его Светлость на ней и женился.

— Не поняла. Зачем женился?

— Так она сказала, что носит наследника Ронсеваля. Она была беременна от Ульриха тогда. Его светлости просто ничего не оставалось. Иначе ребенок его брата родился бы незаконнорожденным. А Его Сиятельство не мог этого допустить.

— Ясно. А где сейчас ребенок? И сколько ему?

— Ему десять. В столице. Там школа. Его сиятельство навещает мальчика и собирается привести его лет через пять сюда.

Ну правильно, десять лет назад меня это событие никак затронуть не могло. Может быть, до нашего королевства и доходили слухи, но я была слишком мала тогда, чтобы их запомнить.

— Поучительная история, Брендан. Спасибо, что рассказал. Только вот я по-прежнему не пони-

маю, какое это имеет отношение ко мне? Роланд принадлежит другой женщине. И то, что обстоятельства этой женитьбы были столь трагичны, меня не утешает.

— Но ты могла бы…

— Нет. Прости, Брендан. Но я не могла бы. Между мной и Роландом никогда ничего не будет. И этот рассказ удовлетворил мое любопытство, не более. Ведьмы все любопытны. Есть у нас такое свойство — с этими словами я встала.

Парень понурился.

— Значит, ты уйдешь весной?

— Да, прости. Ложись спать, Брендан. Оставшуюся ночь за тебя Ру подежурит.

— Вот приедет Его Светлость, обязательно что-то придумает. Он тебя не отпустит.

Я пожала плечами и ушла спать.

Но Роланд не приехал ни на следующий день, ни даже через день.

Жизнь вошла в свою колею. Дни летели за днями. Почти каждый день заглядывала Берта вместе с детьми. Мы вместе готовили, читали и изучали новые рецепты. Я старалась донести, разъяснить все, что могла про то, как много полезного может дать лес. Учила, как заготавливать грибы на зиму, и как они могут пригодиться, когда в доме

нет мяса, а охота не удалась. Меня слушали, все запоминали. У Бренды было трое взрослых детей, да и Тиль уже был не маленький, так что я очень надеюсь, что семена, что я сейчас сею, все-таки укореняться и прорастут. Да и Бренда обещала рассказать своим подругам в деревне.

После обеда приходили жители. Кто с простудой, кто с травмой. Да и проклятья приходили снимать, те, что мы не успели долечить. Дни были насыщены событиями. Брендан у меня почти поселился и или он или кто-то из оборотней из замка постоянно был либо в самом доме, либо крутился рядом.

Я была рада любой дополнительной защите, отказываться не торопилась. Тем более что она мне ничего не стоила.

Мне регулярно присылали из замка свежее мясо. Бренда тоже радовалась, когда и к ней заходили с подобным подарком.

Стук в дверь раздался неожиданно. Я как раз закончила читать очередную сказку про мудрую ведьму. На улице было еще светло. Брендан только что убежал в замок, у него было вечернее дежурство. Крошка Ру тоже улетел на охоту.

Я никого не ждала. Почему-то от этого стука у меня холодок прошелся по спине.

— Тиль, Мария, быстро взяли детей и спустились в погреб, — скомандовала я, так как привыкла доверять своим инстинктам.

Малышка Ава подняла на меня огромные глазки, но увидев мою напряженную фигуру, встала, и потянула из-за стола открывшего было рот Тиля. Мальчик рот закрыл и поспешил к крышке люка.

Мария тоже лишних вопросов не задавала. Она вообще была на редкость молчалива.

Я натянула сапоги и проверила ножи. Чего я волнуюсь? Ну, приболел кто-то из деревни. Вот и пришли. Только вот я была уверена, что это не деревенские.

Я вышла за дверь.

— Что и в дом меня не позовешь? — прозвучало ехидно.

Возле моего крыльца стояла Амалия Бретонская. Она стояла не одна, с ней был начальник стражи Ронсеваля Ганелон.

— Нет, — коротко ответила я и огляделась.

— Не ищи никого. Я отправила твоего стража в замок. Помощь не придет.

— Ганелон? Все-таки ты? — бросила я.

Оборотень нахмурился.

— Ты его подозревала? — удивилась Амалия.

— Да. После того как он уехал с Роландом в столицу. Что ему там могло понадобиться так срочно? Отвары для устранения проклятья Клары закончились? Зачем ты убил старуху, Ганелон? — спросила я.

Нужно потянуть время. Не знаю зачем. Но нужно. Если Ганелон здесь, значит и Роланд может подоспеть?

— Она не пускала нас в свой подвал. Слишком много вопросов задавала и о многом начала подозревать. А уж когда мы ворвались в ее подвал, и стало понятно, что нам нужно, то и подавно не стоило ее оставлять в живых. Кто же знал, что старая карга успеет проклясть Ганелона, — пожала плечами Амалия.

— Он умрет. Рано или поздно проклятье тебя достанет. Ты же это понимаешь?

— Нет, если он будет подпоясан Дюрандалем. Это все исправит, — ответила Амалия.

Странный диалог. Я задаю вопросы Ганелону, а отвечает Амалия. При этом к ней я не обращаюсь. Нужно это исправлять.

— А тебе-то что с того? Ты-то его и поднимешь с трудом? И подпоясать не сумеешь?

— Ганелон с помощью меча отвоюет мне королевство. Он делает своего обладателя неуяз-

вимым!

— Нет. Это неправда. Сильнее, удачливее, но не всесильным. Да, он поможет в бою, но не сделает обладателя бессмертным. Это сказки, — уверенно сказала я.

— Тебе-то откуда знать?

— И в самом деле, откуда? Вопрос в том, почему это вы пришли меня убивать? Я вам чем помешала?

— Роланд разве тебе все не рассказал? Разве не посвятил во все детали? Ты знаешь убийственно много для простой ведьмы. С тобой он проводил вечера. Это тебя он хочет видеть рядом с собой, а не меня! — выкрикнула она, выходя из себя.

— Ревность, мило. Богатой девочке не дали игрушку? А где Роланд?

— Завтра прибудет как раз на твои похороны. Он расшифровал последнюю надпись. Бился над ней вместе с этим старикашкой. Как там его? Не помню. Они расшифровали. Только вот Ганелон выкрал ее и у нас есть дубликат. Роланд слишком доверяет друзьям, — и ее губы презрительно скривились.

— А Роланда вы куда денете? Нет, просто любопытно, — я даже руки на груди сложила в знак полной капитуляции.

— Так все знают, что ты его избранная. И в деревне, и в замке. После того как он тебя на себя посадил. Барсы не возят на шее никого кроме избранных. А тут тебя убили. Он и умрет с тоски.

— Так и знала, что это катание на чужой спине мне выйдет боком. Кошки, — и я притворно вздохнула.

— А потом мы поднимем бунт и с помощью Дюрандаля убьем короля. Мой сын — его единственный наследник, — пояснили мне.

— Как мило, что ты мне все это объяснила. Не терпелось похвастаться? Ну, в целом план хороший. Только много не учтенных моментов. А если меч в руки Ганелону не ляжет? А если ни я, ни Роланд, ни уж тем более король Карл не захотим умирать? Что ты будешь делать тогда?

Я отбросила всякое почтение. Не заслуживали они его. Оба. Предатели и убийцы не могут на него претендовать от любой порядочной ведьмы.

— А вот это мы сейчас и проверим. Ганелон, убей ее. Жду тебя в замке.

Она развернулась и двинулась к Ронсевалю.

— А посмотреть не хочешь? — окликнула я ее.

— Нет. Дел много. Уезжаю я завтра. Нужно успеть достать меч, собраться, отдать распоряжения. Ганелон, жду тебя, не тяни, — и она с гордо

поднятой головой пошла между сугробов по тропинке к замку.

Охрану даже не взяла. Ну да, убивать нужно без свидетелей. Мало ли кто и что.

— Она тебя обманет. Ты же это знаешь?

— Обманет. Но кроме меня меч держать все равно некому. Я ей нужен.

— А Эрнста зачем убили?

— Он собирался рассказать все Его Сиятельству. Нам нужна была его помощь в расшифровке. Я не хотел его убивать. Но она была настойчива. Даже свой кинжал мне в руку вложила.

— А тот оборотень в лесу?

— Так она его выбрала. Силен он был, как тот медведь. Вот и решила Аманда, что ему меч больше подойдет и точно такого силача примет. Пришлось убить. Денег я ему пообещал много. Он и клюнул. Я не хотел. Я и тебя-то не хочу убивать. Но сама понимаешь. После всего того, что она тебе тут наговорила, не могу я тебя оставить в живых. Ты уж прости, — и он стал вытаскивать меч из ножен.

— Понимаю. А что же не остановил? Когда она сюда собралась? — и я достала из-за голенища сапога один из своих длинных кинжалов.

— Да разве же ее остановишь? Ей так хотелось

похвастаться и все выложить, что ее распирало.

— Ты, я смотрю, даже броню не надел? — и я покрутила кинжал в руке.

— Тяжелая она стала в последнее время, — и он атаковал.

Я увернулась. В этом бою меня спасет только ловкость и быстрота. Но он оборотень, опытный мечник, так что шансов у меня немного.

— Так не нужно на проклятья нарываться, и броня будет в пору, — и я метнула кинжал из рукава.

Оружие просвистело, но Ганелон уклонился, а вот от летящего вслед за кинжалом сгустка зеленого ведьминого пламени увернуться уже не успел. Только силен он был. Его задело, но с ног ожидаемо не свалило. И он снова атаковал. Я уврачевалась и танцевала. Он меня задел, полоснув по животу. На рубашке выступила кровь, но и я воткнула второй метательный кинжал ему в ногу. Он заревел. И вот уже передо мной снежный барс. Дела совсем плохи. Я лишилась двух метательных кинжалов из рукавов. У меня остались еще два длинных, но по сравнению с когтями барса это ничто.

И тут спикировал на голову огромной кошке Ру. Уф. Он вовремя. Я быстро стала лепить из

сырой магии проклятье, пока Ру кружил и метил в морду. Сильно он его не смог задеть, но вот теперь кровь льет и застилает ему глаза. Проклятье ударило точно в цель, только это все равно его не свалило, но заметно отбросило на пушистый белый снег. Силен. Он встал и бросился на меня.

Огромная кошка и я. Шансов не было совсем. И тут не долетая до меня его сшибла с ног другая белая тень. Они сцепились, а я перевела дух. Ру сверху налетал и царапал и клевал куда придется. Я дотронулась до бока. Рука в крови, надо по-быстрому что-то придумать.

Барсы отлетели в стороны. И вот тут я поняла, что рано радовалась. Когда мой спаситель налетел смазанной тенью, я и не сразу поняла кто это. Но вот теперь стало понятно, что это не Роланд. И даже не один из моих охранников из замка.

Это был Брендан.

Он по сравнению с Ганелоном был заметно меньше. Ганелон пострадал от моих кинжалов и магии, от атаки Ру ему тоже досталось, но все равно он оставался страшным противником.

Я доковыляла до Брендана и встала рядом. Кровь капала на белый снег. Мы все трое были в крови, и уже непонятно было, кому больше досталось. Ру кружил надо мной, готовый в любой

момент атаковать. Я бросила на снег кинжалы и зажгла магию на обеих руках.

Так мы и стояли, друг напротив друга, тяжело дыша.

И Ганелон не выдержал.

Он развернулся и огромными скачками стал уносить прочь. Бежал он почему-то не в сторону замка, а от него. Это еще почему? Но главное, что он ушел.

Я стала медленно опускаться на снег.

Брендан перекинулся. Ему в отличие от Ганелона сделать быстро это не удалось.

— Лика? — и он подхватил меня на руки.

— Тебя сильно задело?

— Пустяки, пару царапин. Прошелся когтями по боку и прокусил в пару местах. Но сильно не потрепал. А ты? — и он потащил меня в дом.

— Бок. Он мечом достал. Брендан, если кровь не остановим, будет худо. Нужно шить. Ты умеешь?

— Шить? Нет. Лика я сбегаю, я быстро в замок, за лекарем, — он занес меня в дом.

Уложив меня на лавку у стола и оглядевшись, он спросил.

— А где все?

— В подвале. Стукни, чтобы выходили. И давай в замок за лекарем и Оливьера приведи.

Брендан открыл дверцу, ведущую в подвал, и громко позвал брата. А потом перекинулся и стрелой вылетел за дверь.

Я зажимала рану рукой и принялась отдавать распоряжения. Вода, бинты и травы, которые необходимо заварить и дать мне выпить, а еще те, что необходимо потом наложить на рану.

Надо отдать им должное — суеты не было. Все мои распоряжения выполнялись четко и по делу. Я боялась раньше времени оторвать руку от бока. Пока я зажимала рану, кровь лилась не так сильно.

Брендан справился на удивление быстро. Или ему просто повезло быстро найти Оливьера. Но вот уже в мой дом входило, по меньшей мере, пятеро оборотней. Один из них склонился ко мне и сказал.

— Госпожа ведьма. Я походный лекарь. Я умею зашивать раны от меча. Вы должны мне довериться.

Я кивнула. Святые праведники, а кровопотеря то приличная. И с этой мыслью я провалилась в спасительный обморок.

Глава 18. Доброе слово и кошке приятно

Не строю в душе из себя недотрогу
И честно добавлю, характер не мёд.
Вчера чёрный кот уступил мне дорогу
и сплюнув три раза попёрся в обход.

Шить он и в самом деле умел. Я приходила в себя несколько раз. Больно все же, святые праведники все забери. Они уложили меня на обеденный стол. Вот же! Его же потом сжечь придется. Жалко. Кровь ведьмы это вам не шутки и так просто ее не отмоешь. У меня, кажется, на втором этаже есть стол. Он такой же по размеру. Правильно, Лика. Нужно о хозяйстве думать. Это отвлекает. Но все равно помогало слабо. Я еще несколько раз проваливалась в обморок, прежде чем он закончил. А когда стал перевязывать, я даже отдала рекомендации по травам. Прислушались.

Потом меня напоили отваром, что я сама себе собрала. Он обладал кроветворным и восстанавливающим свойством. Эх. Вот же не думала и не гадала, что мне самой же и пригодится.

— Рана длинная, но не сильно глубокая. Он не сумел выпустить вам кишки, госпожа ведьма, — выдал мне лекарь.

— Рада очень, — коротко бросила я.

— Ее нужно в кровать уложить. Я могу отнести, — выдал лекарь после перевязки.

— Нет. Брендан, — позвала я.

— Лика? Я тут.

— Вот он отнесет. Спальня ведьмы не каждого пустит.

— Госпожа ведьма, Лика. Я сегодня сам лично останусь тут. Обещаю, что подобное не повторится, — голос Оливьера доносился до меня как сквозь вату.

Я еще успела почувствовать, как меня подняли на руки и понесли в сторону спальни.

Утром я поняла, что начался жар. Только этого мне и не хватало. Я постаралась встать, но у меня ожидаемо не получилось. Я застонала и заскрипела от злости зубами. На этот звук тут же открылась дверь, и в спальню влетел Брендан.

— Лика? Что?

— Так. Запоминай. А еще лучше запиши. У меня начинается жар. Я ведьма и у меня все пройдет легче. Но нужно будет все же заварить несколько трав.

Я диктовала Брендану, что нужно будет сделать и понимала, что времени у меня на это немного. Скоро рана и кровопотеря дадут о себе знать, и я провалюсь в беспамятство.

Именно это и произошло.

Я иногда выплывала на поверхность и сквозь бред слышала настойчивый голос, уговаривающий меня попить. Бренда, это она просила. А еще Мари. Иногда сквозь бред мне казалось, что я слышу рык Роланда, и что меня куда-то несут. Куда?

Сколько я так провалялась, не знаю, но вот в один прекрасный момент я поняла, что жар отступает. Я выпила очередную порцию отвара и поняла, что даже ведьмовская сила встрепенулась. А теперь спать, необходимо восполнить силы и магические, и физические, а то измотала меня эта лихорадка.

Когда я открыла глаза, поняла, что вижу перед собой совершенно незнакомый мне потолок. И где это я?

Я осмотрелась. Комната была обставлена богато. Я бы даже сказала роскошно. Дорогие ковры на стенах, камин, шкафы и подсвечники. Кровать, на которой я лежала, была огромной. С резной спинкой и вся усыпана подушками, в которых моя маленькая фигурка утонула. Я попробовала

пошевелиться и привстать. И мне это удалось. Я задрала рубашку. Повязка была чистая. На ней не было ни гноя, ни крови. Уже хорошо. Да и боль была при движении вполне терпимой. А вот слабость мне не нравилась.

В кресле у камина кто-то сидел. Кресло стояло лицом к камину, и за его широкой и высокой спинкой лица сидящего было не видно. Но вот его руки, большие ноги и сильная фигура были мне хорошо знакомы. Поэтому я прочистила горло и позвала.

— Роланд?!

Маркграф встрепенулся и повернулся ко мне. Поймав мой взгляд, он растекся по креслу и еще больше расслабился. Но потом резко вскочил и рванул ко мне.

— Лика? Ты как? — спросил он, сев рядом на кровать и взяв в ладони мою руку.

— На удивление неплохо. Думала, будет хуже. Ты давно прибыл? И где я, кстати?

— Уже дней пять. Ты у меня в замке. Это мои покои в донжоне.

— Пять дней? Так долго провалялась? Неудивительно, что у меня такая слабость. Мне нужно поесть.

— Да. Я сейчас, — он вскочил.

Стремительно отошел к двери и что-то сказал дежурившему там оборотню.

— Сейчас все принесут. Тебе много нельзя. Так что будет похлебка и немного хлеба.

— А…

— Я всех перевез. И Аву, и Тиля, и Девчонку с дочкой-младенцем. И даже двух куриц. Всех, — ответил он мне, даже прежде чем я толком подумала.

— Где ты их всех разместил?

— В замке есть жилой корпус, он расположен над казармами. Не волнуйся. С ними все в порядке. И они всем довольны. Даже больше. Малышка Ава просто счастлива. Она с рук вообще не слезает. Ее все оборотни таскают на себе. Она так забавно хохочет и вопит «кошечка», когда кто-то оборачивается.

— А…

— Моей жены в замке нет, — снова ответил он мне, не давая и рта открыть.

— Уехала?

— Нет. Пропала. Должна была уехать, но все ее вещи на месте и слуги и охрана, что она привезла с собой в полном недоумении. Мы обыскали весь замок. Ее нет нигде.

— Понятно.

— Ты что-то знаешь?

— Да. Мне кажется, что ты стал вдовцом. Прости.

— Объяснишь?

— Это она привела тогда ко мне Ганелона. Они это все спланировали, и в тот вечер она ушла, чтобы вынуть из тайника меч.

В комнате воцарилась тишина. Я думала, ему будут нужны подробности, но он молчал.

Раздался стук в дверь. Роланд встал и подошел к двери. Принесли поднос с едой. Я собиралась встать, но он подхватил меня укутанную в одеяло и отнес к камину. Там же стоял столик, на который вошедший оборотень и поставил миски с едой.

— Ты справишься?

— Да. Уж с ложкой точно. Вот кинжалы мне пока не давай, — пошутила я.

Ели мы молча. А после еды я приступила к рассказу.

Я рассказала и про поединок, и про разговор, и про планы, что строила его жена, и про причины, побудившие их пойти на убийства.

— Это я виноват. Не нужно мне было уезжать.

— И что бы изменилось?

— На тебя бы не напали, — ответил он.

— Напали бы. Просто она бы действовала быстро. Не растягивала удовольствие. Не рассказывала мне все. А просто напали и убили. А так Брендан успел. Кстати, почему он тогда вернулся?

— Он встретил оборотня, которого Гамелон отправил в замок. Случайно. И не понял, почему это Ганелон сам вызвался подежурить. Ну и рванул проверить. На всякий случай.

— Он спас мне жизнь.

— Я знаю. Парень попросил денег. Ему нужно на лечение брата. Я дал.

— Я не возьму. Он мне жизнь спас. Я спасу брата. Кстати у нас был еще летом разговор, что это будет равнозначный обмен, — и я не весело улыбнулась.

— Тебе самой сначала нужно в себя прийти. Какое уж лечение брата. И да, в домик в деревне ты не вернешься. Останешься тут до весны, а там посмотрим.

— Хорошо.

— Хорошо? И все?

— Все.

— Я между прочим, уже пять дней подбирал доводы, искал аргументы и готовил речь. А ты вот так просто согласилась? — слегка расстроено

произнес Роланд.

— Я согласна со всеми твоими доводами. Только надо часть припасов принести из домика. Есть целыми днями одну похлебку из оленины — крайне утомительно. Заодно научу твоего повара готовить.

— Представляю. Но он за тебя бился, как и половина замка, так что, думаю, замок устоит.

Мы еще долго сидели и болтали о курицах, что теперь ходят по всему замку как будто это их личный курятник. И никто не осмеливается их шугануть, потому как это личные курицы госпожи ведьмы. А госпожа ведьма выстояла в бою с Ганеоном. А Ганелон это вам не просто воин. Он был в десятках походов и по опыту его опережает разве что Оливьер, а по силе только сам Его Светлость. А эта пигалица, ах простите, Госпожа ведьма, умудрилась отделаться шрамом. Руки и ноги целы. А! Она его еще и ранила. Брендан? Так он потом прибежал уже. Когда основной бой закончился. Я так смеялась, что у меня бок разболелся, так комично он пародировал сплетни и слухи, что ходят обо мне по замку.

Я устала. Хотелось еще поболтать. Я поняла, что соскучилась по нему за этот зимний месяц, что мы не виделись, но сил было немного. Он это

понял, и легко подхватив меня на руки, отнес в постель.

— Я позову Мари. Она тебе поможет сменить повязку и переодеться.

— Мне бы ванну.

— Нет. Завтра, — не терпящим возражения тоном заявил он.

Я кивнула. Завтра так завтра. Мари была не многословна, как всегда, но я устала, поэтому приняла ее помощь и выяснила только все ли у нее в порядке. Девушка расцвела улыбкой. И я расслабилась. А потом снова провалилась в сон. Он мне сейчас был очень необходим.

Всю ночь мне очень хорошо спаслось. Я чувствовала себя в абсолютной безопасности. Я не была постоянно на страже, готовая вскочить и обороняться. Магия спала, а не была на кончиках пальцев, готовая сорваться при малейшей опасности. У меня не было такого сна уже очень давно. Последний раз я так спала в далеком детстве.

И только открыв глаза утром, я осознала почему.

В данный момент в постели я была одна, но Роланд ночевал вместе со мной. И не просто спал в кресле. Он спал вместе со мной на этой громадной постели. И скорей всего это у него под бочком

я и почувствовала защищенность и расслабилась в его сильных руках.

Я села и взяв в руки его подушку призадумалась. Ох, не нравится мне это. Как же мне уходить тогда? Ведь до весны осталось не так много времени. Я откинулась на подушки. С другой стороны теперь он может принадлежать только мне. И втянуть его в клубок моих проблем? И рисковать его жизнью? Нет, если бы речь шла о битве на мечах, я бы ни на минуту не задумалась бы. Но этот бой велся слишком грязно, нечестно, дико и страшно. Должна ли я его в это втягивать? И могу ли я рисковать тем единственным, кому смогла довериться и полюбить? Ой. Полюбить? Ужас какой.

Так. Нужно встать. Иначе я одни праведники знают, до чего додумаюсь.

Сначала ванна, потом одеться, потом думать.

Мой замечательный план удалось воплотить только наполовину. Ванну я приняла, и даже оделась. А вот подумать мне не дали. Все от меня что-то хотели. Роланд вообще все время был рядом, то и дело норовил подхватить меня на руки. Нет, я не против, чтобы меня носили на руках, но не все же время? Я ведьма, а не беспомощный калека. Так что и к повару и в жилые помещения

я спускалась сама. Слабость была, она периодически накатывала, но ходить нужно.

Я посидела на кухне и даже отведала рагу. Но потом поняла, что нужно уходить. Смерть я чувствовала сильно. Амалия Бретонская умерла, и скорей всего не одна. Она взяла с собой кого-то. Нужно расспросить Роланда кто еще пропал. Нужно убрать тела.

Ру прилетел, стоило мне выйти во двор укутанной в плащ.

— Радость моя. Ты молодец. Нет, разумеется, я бы без тебя не справилась. Ты самый умный. И самый красивый. Я открою ставни на донжоне. Залетишь? Я тут пока ночую. Да, новый замок и ты мне нужен, чтобы обжиться. Мыши? Нет в донжоне мышей. Тебе жаль? А вот мне нет. Обжора. Нет, это выступающая навесная бойница. Бретеш называется, а мои окна выше. Ты умный. Я знаю.

— Лика? А зачем сове знания, что такое бретеш? — спросил стоящий сзади Роланд.

— Не знаю. Я рассказываю, он слушает. Значит нужно.

— Ни разу подобного не встречал. Ты вообще такая одна.

Я пожала плечами. Он прав. Каждая ведьма одна такая.

— Роланд, нужно достать ее тело. И она там не одна.

Роланд помрачнел.

— Сегодня? У тебя сил хватит?

— Мы не пойдем далеко. И сегодня артефакт доставать не будем. Только извлечем тела. Нужно похоронить.

— Я предупрежу Оливьера и Брендона. После бегства Ганелона Оливьер — мой новый начальник стражи, а Брендан — его помощник.

— Какой стремительный у Брендана взлет, — улыбнулась я.

— Парень горит на работе. Я не успеваю одобрять его идеи. И стена осыпается, он нашел, вот теперь чиним. И караулы он решил поменять, мол, так будет лучше. Я признаюсь, недооценивал парня.

— Ты иди, я подожду тебя на кухне. Там тепло, — и я встала.

Ру взмахнул крыльями, угукнул и полетел на охоту. Вот обжора. Растолстеет, будет на жердочке сидеть как тот попугай, что я на картинке видела.

Я спустилась на кухню, и только было собралась обсудить меню с поваром, как прибежали запыхавшиеся оборотни. Они так сильно спе-

шили? Ну ладно. Я кивнула, и мы отправились вниз. Повар проводил нас огромными круглыми глазами. Это он еще не знает, что обратно мы понесем тела.

Роланд уверенно, как и полагается хозяину замка, открыл дверь в подземный ход. Мы шли, освещая дорогу факелами, мою магию Роланд расходовать запретил. Только в случае крайней необходимости.

Я остановилась и шедший сзади меня Брендан спросил.

— Лика? Тебе плохо? — и в голосе его была слышна откровенная паника.

Да что ж такое. Я же ведьма! А они трясутся надо мной как над младенцем Маришки!

— Нет, — буркнула я. — Просто мы пришли.

— Куда пришли? Тут же нет ничего?

Но вот Роланд сразу сообразил и повернувшись ко мне спросил.

— Который?

Я опустилась на корточки и погладила один из нижних камней. Роланд понятливо кивнул и напомнил.

— Вперед никому не соваться. Там ловушка на ловушке. Мне только ваших трупов не доставало.

Брендан и Оливьер понятливо кивнули.

Роланд потянув за рычаг открыл проход и я пустила вперед светлячка. Почти сразу возле входа мы обнаружили тело мужчины. Он был в красных одеждах, лицо его выражало крайнюю степень удивления. Его тело было утыкано тремя большими кольями. Они прошили его насквозь и нанизали как бабочку. Он умер почти мгновенно.

— Это Фиб, неплохой парень. Возглавлял охрану вашей жены, — кивнул Оливьер.

— Зачем после этого она пошла дальше? — удивленно спросила я.

— Амалия на редкость самоуверенна. Она из тех женщин, которые уверены, что жизнь вращается только вокруг них. Воспитание и вседозволенность породили в ней это. А еще отсутствие наказания за проступки. Она всегда выходит сухой из воды, что бы не творила. Она… была, — и Роланд замолчал.

— Давай я пойду первой? Она все же умудрилась не наступить на две ловушки, что впереди. Одна с большим камнем, что припечатывает намертво к стене, а другая с проваливающимся вниз полом.

Роланд кивнул. Я прошла вперед, а вот Брендан

и Оливьер аккуратно сняли тело оборотня. Копья мгновенно снова ушли в стену. Я нажала на стене пальцем рычаг убирающий ловушку. И аккуратно двинулась дальше. Странно, я задействовала магию ведьмы по полной. И зрение, и интуицию, и поиск угрозы. А магия как будто не исчезает. Восполняется почти мгновенно. С чего это вдруг? Ладно. Потом. Сейчас нужно обойти еще вот это.

Коридор был узкий и временами сужался до катастрофических размеров. Но Роланд каким-то образом умудрялся протискиваться за мной.

Как и следовало ожидать, за поворотом лежало тело Аманды. Везенье не бесконечно. Аманда еще далеко прошла. На ее прекрасном лице не было удивления. Обычная презрительная усмешка. Наверняка она думала, что меч уже у нее в руках. Только вот удар пришелся точно в висок. И ей пробило голову. Черные волосы разметались по полу и ручейки темной крови были не так видны.

Я испытывала жалость. Она даже в смерти была очень красива. Обидно, когда гибнет вот такая красота.

— Лика? А ведь они оба умерли довольно давно? Почему тела не разлагаются? И запаха нет.

— Магия. Здесь все ею пропитано. И ловуш-

ки, и механизмы их запускающие. Трупы, если их не убрать, еще долго будут такими, а потом осыпаются прахом, высвобождая механизм и возвращая его на исходную точку. Давай я нажму. Вот отсюда вылетает большой молоток. Похоже на кузнечный молот. Им ее и ударило.

Роланд дождался моего разрешающего кивка, а потом наклонился и подхватил тело жены на руки.

— Пойдем. На сегодня наши приключения закончились. К тому же я еще должен тебе показать то, что мы расшифровали.

Мы двинулись нашей скорбной процессией наверх.

Я закрыла проход и услышала характерный щелчок. Ловушки вернулись на свои места.

Я ужасно устала, перенервничала, да и остатки слабости от ранения давали о себе знать. Поэтому почти с облегчением услышала приказы Роланда.

— Оливьер, Брендан. Тела необходимо сегодня же отправить в храм на кладбище.

— Но где мы этого сторожа найдем?

— Найдете! Если понадобится, вытащите из постели. Храм должен быть открыт. Лика плохо переносит присутствие смерти. Поэтому тела я в

замке на ночь не оставлю.

Оборотни переглянулись и закивали. По всей видимости, это был серьезный аргумент для них.

— Я найду ключи от фамильного склепа, нужно все приготовить к завтрашним похоронам. Нужно придать тела земле. Действуйте.

А потом он повернулся ко мне и совершенно другим тоном сказал.

— Лика. Иди наверх, ты устала. Я буду поздно. Ужинай и ложись спать без меня, — а потом он поцеловал меня на виду у всех и вышел.

Утром я проснулась, когда Роланд уже ушел. Организация похорон и все что с этим связано оказалось делом не легким. Все-таки хоронили жену Маркграфа. Но вот из-за зимнего времени года Роланд даже не стал информировать горожан о смерти жены. И ограничился тем, что пригласил всех деревенских жителей.

Я на похороны не пошла. Делать мне там нечего.

После похорон Роланд беседовал с каждым оборотнем из охраны жены. Ему было необходимо разобраться, кто еще замешен, кто что знает или догадывается. Все это опять затянулось до поздней ночи. Многие оборотни после беседы с Маркграфом были отпущены, некоторые собра-

лись, несмотря на снег и все опасности зимней дороги вернуться в столицу. А кто-то принес присягу Роланду и собирался остаться в замке.

Я же утром почувствовала себя гораздо лучше и собралась всерьез заняться нашей кухней. Ну невозможно же целыми днями это есть. Так что утром, поцеловав спящего рядом Роланда, отправилась с инспекцией на кухню.

Состояние запасов меня совсем не удовлетворило, и я снарядила небольшой отряд за оставшимися в моем доме припасами. Я же его и возглавила. Ну, потому что вряд ли они бы справились с защитой дома.

Дом встретил меня холодной печкой и кровавым столом. Нда. Я совсем забыла, что это все так и оставили. Брендан пояснил, что я даже теряя сознание на этом настаивала. А уже утром примчался Его Светлость и перенес меня в замок. И всех обитателей домика тоже. Поэтому никто убраться не успел.

Под моим руководством стол быстро разобрали, а потом я лично его сожгла в печке. Я сожгла все следы моей крови, что еще были на полу и даже стене огнем ведьмы, пока оборотни выносили мешки с моей замечательной картошкой и мукой. Хорошо, что у меня надежный погреб, и она

не промерзла. Я забрала все, что принадлежало мне и все запасы. Оставила книги на своих местах, так как и было при Кларе. Оставила некоторые травы и настои. А потом запечатала дом.

Что-то мне подсказывало, что сюда я уже не вернусь. Теперь открыть его сможет только ведьма, что соберется здесь жить. Он так и будет стоять, и ждать свою новую ведьму.

Весь день я учила повара готовить. Зато вечером, когда пора было накрывать на стол, ужин был достоин королевского дворца. Я уже собиралась отправиться в наши с Роландом покои, когда он перехватил меня на лестнице. Мы долго и вкусно целовались, а потом меня подхватили и потащили. Да что ж такое. Что у него за мания меня на руках таскать? А куда это меня тащат?

— Роланд? А мы куда?

— Как куда? В большой зал. Ужинать.

— Ты собираешься посадить ведьму за общий стол? Роланд поставь меня! Нельзя так!

— Можно. Кто из нас Маркграф? Я или ты?

— Ты.

— Вот и не спорь.

Меня торжественно внесли в Большую залу и поставили возле стула во главе стола. Ага. Рядом с Роландом. Он меня еще и рядом с собой

усадил. Ох.

Как же давно я не ела за таким большим столом и в окружении стольких людей. Но вот навыки вернулись быстро. Я перестала реагировать на оборотней и занялась едой. Очень уж есть хотелось. Оборотни Роланда на мое приземление во главе стола рядом с их Маркграфом отреагировали вполне спокойно.

А вот на новые блюда реакция была бурной. Пирогов на столе не осталось в мгновенье ока. Вот я моргаю — блюдо полное. Вот глаза открываю — блюдо пустое.

А уж похлебку по моему рецепту вылизали всю подчистую. А всего-то положила травки, овощи и соли в меру.

— Не могу понять, как Амалия после столицы могла есть стряпню твоего повара? — спросила я тихонько у Роланда.

— Она приезжала на один два-дня, не больше. А в этот раз была так увлечена поисками тайника, что даже на еду внимания не обращала, — пояснили мне.

— Ну, не знаю. Это первое, что я поменяла в твоем замке.

— А будут еще перемены? — он взял со стола мою руку и поднес к своим губам.

— Непременно. Мне многое хочется поменять.

— Замок устоит?

— Должен.

— Тогда меняй. Кстати, хотел спросить, где ты всему этому научилась? Вести хозяйство, разбираться в устройстве замка. Ты можешь отличить бретеш от амбразуры. А еще ты только что продемонстрировала виртуозное, доведенное до обыденности умение пользоваться столовыми приборами. Но ты мне, разумеется, не ответишь? — и мои пальцы снова поцеловали.

— Нет. Но у меня есть другое предложение. Пошли спать?

— Куда?

— Я приглашаю Вас, Ваша светлость Маркграф Роланд Бретонский, в свою спальню. Это официальное приглашение, — и я улыбнулась, видя его ошарашенное выражение лица.

— Вообще-то это моя спальня, — выдал он, наконец.

Я закатила глаза и попыталась вырвать свою руку из его ладони. Ага. Кто бы мне это еще позволил. В себя Роланд пришел быстро. Он вскочил со стула так, что тот чуть было не опрокинулся, подхватил меня на руки и быстро пошел в сторону лестницы.

Нам вслед понеслись веселые хмыканья и понимающие усмешки. Но лично меня они только развеселили.

Ведьма сама выбирает мужчину, с которым готова разделить постель. И сама отвечает за последствия своего выбора. Я в своем не сомневалась.

Глава 19. Кошки — это вам не люди, они ни за что не станут спать с теми, кого не любят.

Дай коту рыбу, и он будет сыт весь день. Научи кота говорить, устрой его на работу, надень на него маленький пиджачок, маленькие ботиночки и о боже как это мило я потерял нить мыслей.

Мы спустились в большой зал на второй день только ближе к вечеру. И нас встретили с улыбками и шуточками весьма вольного содержания, которые я, как и положено особе короле… хм. В общем. Я все это пропускала мимо ушей.

А сразу после ужина я заявила, что хочу увидеть, что они там, в столице, целый месяц расшифровывали. Роланд притворно вздохнул, но согласился что нам действительно нужно, наконец, извлечь Дюрандаль из тайника, где он лежит столько времени. Раз уж мы его пробудили.

В кабинете, склонившись над латинскими буквами, Роланд объяснял мне значение той или

иной закорючки, я кивала, соглашаясь с разумностью их выводов.

— Так. Вот все это относится к месту тайника. Но мы и так знаем где он. А что же со словом и порядком нажатия?

— У нас был сон, любовь, хлеб и вода.

— Да, я помню. Мы еще шутили, кого бы нам посадить на хлеб и воду, не давать спать, а он бы в ответ нас полюбил.

— Теперь как мы решили, ко всему этому добавилось латинское изречение Aurea mediocrĭtas.

— Золотая середина?

— Да. А дальше у нас идеи и закончились. Потому что в самом тексте подсказок больше нет.

— А какие догадки? Может быть что-то еще?

И увидев его недоумение, продолжила.

— Скорее всего именно тебе меч принадлежит. Твои предки много лет владеют замком, а следовательно и мечом. И любая твоя мысль может помочь его найти. Так что говори все, что на у приходит, — подбодрила я.

— Мы это в столице не обсуждали, мне как-то не казалось это правильным. Но раз ты считаешь, что это поможет, то мне вот все это кажется очень похожим на врачевание, — выдал Роланд.

— Врачевание?

— Ну да. Сама посуди. Все эти изречения звучат чаще всего из уст какого-нибудь аптекаря или лекаришки придворного. Вот я выпил как-то на приеме у Карла…

— У дяди твоего?

— Ух, сплетники. Уже доложили? Так вот, утром мою головную боль пришел лечить этот лекарь. Так вот он пока мне отвар давал все время это бубнил «In vino veritas, in aqua sanitas. Истина — в вине, здоровье — в воде».

Я потянулась и поцеловала его.

— Ты чего? — после того как поцелуй закончился, спросил он.

— Ты у меня умный. Почти такой же умный, как крошка Ру.

— Вот я сейчас не понял. Мне обидиться или возгордиться?

— Возгордиться, разумеется. Я не сравниваю всех подряд с моим другом и давним защитником. Но мне кажется, ты прав, — и я пошла вдоль рядов книг, ища ту, что мне сейчас была так необходима.

— Что ты ищешь?

— Был такой лекарь в древности, звали его Гиппократ.

— Не слышал. И что? У меня есть его книга?

— Да. Я видела. Так вот у него есть такое выражение. Я его не помню, вот и ищу. Нашла, — и я, взяв с полки нужную книгу, принялась листать.

— Вот. Смотри. Гиппократ сказал: «Cibi, potus, somni, venus omnia moderāta sint». Пища, питье, сон, любовь — пусть все будет умеренным, — прочла я.

— Иными словами — хлеб, вода, сон и любовь — все как у нас. И золотая середина — это та же умеренность, — подхватил мою мысль Роланд.

— Да. И теперь у нас есть последовательность, с которой следует нажимать на символы, активируя механизм.

— Я сегодня туда не полезу, — заявил Роланд, когда я ставила книгу на место.

Я была с ним согласна. Я потянулась за поцелуем и меня тут же подхватили на руки и унесли в спальню.

А уже утром я настойчиво потянула Роланда в подвал. Необходимо было достать меч и чем быстрее Роланд вступит во владения, тем лучше.

Брендана мы оставили в коридоре на страже. На всякий случай. Мало ли что. Мы легко преодолели все препятствия. И дойдя до большой залы с механизмом, я зажгла все факелы и дала Роланду осмотреться.

— Сколько символов. Это же можно целую книгу написать? Вся стена утыкана ими.

— Да. Все не просто и если не знать, что нажимать, ни за что не откроешь. Давай. Вон первый символ. Хлеб, — и я указала ему на самый верх.

— Я буду нажимать? — спросил он.

— Да. Меч твой. Думаю, что и открыть должен ты.

Роланд нажимал на символы, я слышала характерный щелчок. Пока все было правильно. Когда все символы были нажаты, стена пришла в движение. Все эти камни, на которых символы были написаны и казалось, что они плотно подогнаны друг к дружке, вдруг стали легко расходиться в разные стороны, образуя прямо в середине арку прохода.

Роланд посмотрел на меня.

— Там дальше нет ловушек. Там впереди комната. Ты пойдешь туда один. Там в центре большой камень, на нем и лежит меч. Ты его достоин, он легко тебя примет, и ты сможешь взять его в руки. Только вот, Роланд, — я замолчала и прикусила губу.

— Да? Лика, договаривай.

— Это меч. И он несет в себе разрушение и смерть. Но также он может нести и защиту. Я

очень тебя прошу. Помнишь выражение Гиппократа?

— Того лекаришки?

— Перестань. Это тебе не дворцовый лекарь, который тоже, я уверена, достоин всяческих похвал. Это ученый муж и философ.

— Да. Я понял.

— Так вот фраза, что так нам помогла с последовательностью. Там главное слово — «Умеренность». После того, как ты возьмешь меч в руки, помни о ней. Иначе он сведет тебя с ума. Когда будешь проливать им кровь, помни, что она должна быть оправдана. Я видела, как артефакт сводит с ума. Не наделай глупостей, потому что это будет фатально.

Роланд серьезно посмотрел на меня и кивнул.

Я прислонилась к стене и осталась ждать. Но вот послышался удивленный и радостный голос, а потом Роланд крикнул

— Лика! Вот это да. И балансировка, и тяжесть, он как будто по моей руке сделан.

Я кивнула, хотя понимала, что он этого не увидит. Но говорить что-то не хотелось. Я точно не совершаю сейчас ошибку? Но это ведь Роланд. А не мой слабый папочка, который и меч то никогда в руках не держал и на трон-то взошел в

результате гибели его старших братьев. Ходячее недоразумение. Будем надеяться, что меч послужит для созидания, а не для разрушения.

Мы покидали подземелье, а Роланд все не мог налюбоваться на свою новую игрушку. Меч оказался большим. Но я видела ножны к нему, поэтому меня это не удивило. Рукоять была инструктирована камнями, но рассмотреть все это мне попросту не дали. Магией от него несло очень сильно, и любой обладающей ею сразу понимал, что перед ним. Когда мы поднялись наверх, Роланд с придыханием сказал.

— Лика? Я на ристалище. Мне не терпится попробовать его в бою. Не скучай. Что там у тебя по плану?

— Собираюсь поджечь донжон. Ты же не против?

— Что? А? Да не против. Делай, — и он несколько раз провернул меч в руке, явно меня не слыша.

— Роланд, — и я укоризненно покачала головой, но он чмокнул меня в щеку и понесся на площадку для состязаний.

Я почувствовала странное спокойствие. Меня больше не пугало возвращение домой, битва с папочкой, трон и власть. Как будто вот сейчас все пришло к своему равновесию и порядку. Я

выдохнула. Так и должно быть, все правильно.

Но как видно, изменения почувствовала не одна я. Через несколько дней нам в замок пришло известие о смерти старосты. Он повесился на кладбище, на большом дереве. Ну, хоть в лес не пошел. Только вот самоубийцы мне там и не хватало. А кладбище должно принять. Но все равно намучалась я страшно. Роланд меня выносил на руках после того, как я устранила все последствия поступка старосты. Его сыновья и внуки рыдали. Говорили, что с отцом творилось что-то не ладное. Он все время ходил в лес на то место, где были две могилы и плакал.

Я хмурилась.

— Он хотел так понести наказание, — стал оправдываться один из его сыновей.

— Наказание? Да. Он и должен был понести наказание. Только вот не такое. Он должен был до конца своих дней помогать сиротам, кормить и заботиться о них. Должен был работать на благо деревни. И да. Страдать от чувства вины за содеянное. А он выбрал подлый и трусливый путь. Простой, но никому не принесший пользы.

Меня слушали, затаив дыхание, а потом толпа возле кладбища загудела. Люди переговаривались и соглашались с моими словами. Многим

из них чувство вины не давало спать спокойно по ночам. И теперь я указала им путь, не тот, что выбрал староста. А более достойный.

Этим же вечером я спросила у Роланда.

— Почему ты не вмешался?

— Я не мог. Это дело жителей деревни. Я не имел право вмешиваться. Это был их выбор, не мой.

— Но ты Маркграф?

— Да. И я бы вмешался, если бы ко мне пришли с жалобой или просьбой о защите. Но кого я там должен был наказывать? Половину деревни или всю? Они не пришли. Совета не просили. Я не вмешиваюсь без необходимости. Если бы еще это коснулось оборотней, я бы рискнул. А так просто не мог.

— Даже Брендан не подошел к тебе с этим вопросом.

— И очень зря. Если бы пришел, я бы еще осенью на празднике взял его брата в замок. Но он ведь и к тебе прибежал в самый последний момент? А если бы ты не вмешалась?

— Нет. Этого бы не произошло. Я бы вмешалась без вопросов.

— Да. Потому что он тебе рассказал. А так ты сидела у печки и слыхом ни о чем не слышала. Лика, каждый сам выбирает. Как ему жить и как

ему умирать. Я слышал историю о подобных ямах в другой деревне.

— В другой?

— Да. Ты думаешь, староста это первый придумал? Вовсе нет. Так вот там девочку собрались бросить в такую вот яму. Люди в отличие от оборотней девочек не берегут. Они заботятся больше о мальчиках. Так вот она не согласилась прыгать в эту яму. Развернулась и побежала в сторону замка своего сюзерена. И представь себе добежала. По снегу и почти голая. Отморозила себе пальчики на ножках, но осталась жива. В замке ее накормили, согрели и ее сюзерен лично поехал и вмешался. Перевешал на дереве всех зачинщиков и больше подобного не происходило. Каким бы голодным год не был. Всегда есть выбор. Даже если у тебя все плохо, выбирай отморозить пальцы, а не прыгать в ледяную яму.

Я закуталась в покрывало и прильнула к его сильному плечу. Выбор. Что-то мне подсказывает, что весной он будет сложным.

А потом наступила ночь зимнего полнолуния. Самого долинного в году. Оборотни всегда отмечают этот день пышными гуляньями. Самая длинная ночь и полная луна. Ведьмы так же чтили этот праздник. И я с удовольствием присо-

единилась к приготовлениям.

Праздник обычно отмечали по отдельности. Деревенские сами справляли, а в замке устраивали свой праздник. Я решила это поменять кардинальным образом и заявила, что мы пригласим всю деревню. Всех, кто захочет прийти.

Мы с поваром все тщательно посчитали и прикинули. И получилось, что нам хватит и всех прокормить, и оставшуюся часть зимы прожить в сытости. Так что к Роланду я пришла с готовыми списками. А еще я привела Оливьера, который должен был гарантировать безопасность замка.

Роланд приподнял брови, но потом выдвинул свое условие.

— Я хочу, чтобы ты взяла одно из платьев, что хранятся там, в сундуках и перешила его. А еще я хочу, чтобы на празднике на тебе были драгоценности, которые я тебе дам.

— Ну, Роланд, — принялась я канючить.

— Тогда нет. Никакого праздника в замке.

— Но в деревне такого не устроить. На улице холодно и только Большой зал вместит всех.

— И?

— Ну, зачем? Вот зачем мне платье? Мне и так хорошо.

— Я хочу.

— Ух. Ладно, я перешью.

— И драгоценности. Я хочу запомнить это полнолуние, как одно из самых важных и счастливых в моей жизни.

— Роланд, еще будет много полнолуний. И я уверена, среди них будут счастливые. Но раз ты хочешь. Хорошо.

С платьем пришлось повозиться основательно. Берта, я и Мари истыкали себе все пальцы иголками, чтобы подогнать одно из платьев, что хранились в сундуках в кладовой. Платье было то ли бабушки, то ли прабабушки Роланда. Достаточно старое, но ткань была дорогой и красивой. А еще это было самое маленькое платье. Все остальные оборотни в семье были высокими. Именно по этой причине я забраковала все платья Аманды Бретонской, которые тоже сюда сгрузили. Я не испытывала, руководствовалась одной только практичностью. Тут шить было меньше.

В день праздника мы все стояли на ушах, бегали и суетились. Я продолжала руководить украшением Большого Зала к празднику. Планировалось позвать всех детей. И каждому пришедшему ребенку мы собирались подарить запеченное в меду яблоко. Повар был очень недоволен. Мед

был сладкой редкостью. Пчелы не очень любили с ним расставаться. И могли насмерть покусать неумеху, рискнувшего к ним залезть. Да и яблоки, долежавшие до этого дня, тоже были роскошью. Но мед был мой и яблоки тоже. Так что я ими распоряжалась. А мне хотелось порадовать всех детей. Они и так натерпелись страху за эту зиму. Те дети, что не стояли тогда у ямы тоже ведь наслушались всякого. Так что каждому ребенку.

Я, было, собралась бежать на кухню, когда Роланд сдвинул сурово брови и припечатал.

— И где твое платье?

Я фыркнула. Пришлось идти переодеваться.

Я понимала, что одежда способна творить чудеса, но такого эффекта не ожидала. Нет. И еще раз нет. Я решительно принялась расплетать прическу. Вот только королевской дочери мне сегодня и не доставало. Я заколола волосы и оставила их распущенными. Да. Так я выгляжу проще. А то наворотила тут на голове как при папочкином дворе. Да еще и драгоценности в волосы вплела. Ну, вот совсем головы на плечах нет.

Дальше. В волосах никаких драгоценностей. Этот ларь ведь мне притащили? И я могу выбрать что хочу? Значит, я и выберу. Вот. Тоненькая цепочка с небольшим кулоном отлично подойдет

и пару браслетов. Все. С драгоценностями тоже покончено.

Я снова осмотрела себя. Я выглядела прекрасно, но и следа не осталось от королевской дочери. Просто хорошо одетая ведьма. Уф. Чуть было не испортила сама себе праздник.

Я спустилась в Большой зал и еще раз все критически осмотрела. Да. Все просто замечательно и свет, и украшения, и чистый пол, который я сама лично приводила в порядок. И столы начали накрывать как раз во время.

— Лика? — позвал меня Роланд.

Я обернулась. Он подхватил меня и закружил по зале.

— Какая ты у меня красивая.

Роланд был одет очень богато, и я не увидела у него на поясе Дюрандаля. У меча были уже свои ножны, которые Роланд нашел в оружейной. Но сегодня он решил им не подпоясываться. Я вообще не заметила у него на поясе оружия. И это правильно. У нас праздник!

А потом мы вместе стояли и встречали гостей. Все жители деревни пришли на праздник. Гости прибывали и прибывали. И по нашей задумке на этом празднике все были равны. И мы намеренно перемешали гостей. Мы рассаживали деревен-

ских жителей вместе с оборотнями. Более того. Я ликвидировала центральный стол, за которым мы обычно сидели. Был просто один длиннющий стол, за который мы всех и усаживали. Да, мы с Роландом сидели во главе, но это была моя единственная уступка.

Сколько ж всего вкусного мы наготовили. Повар мог по праву собой гордиться. И когда то и дело раздавались восторженные возгласы, он заслуженно раздувался от гордости.

После того как мы все объелись, ну то есть отдали должное мастерству повара, стол сдвинули к стене и начались танцы. Музыканты стали настраивать свои инструменты, но сама музыка пока не звучала. К моему огромному удивлению Роланд взял меня за руку и потащил в самый центр. Все стояли у стены и смотрели на нас. Мы в центре большой залы стояли вдвоем. Я приподняла удивленно брови, но только было собиралась спросить, как зазвучала музыка.

Павана. Этот танец я умела танцевать с закрытыми глазами. Это был придворный танец, его не танцевали в народе. Народ предпочитал прыжки и наскоки, а павана демонстрировала изящество манер, плавность движений, едва заметный аристократичный наклон головы. Танец был по-

строен в основном из шагов. Шаги были плавные тягучие и медленные. Иногда один шаг, иногда два. Еще были поклоны, и девушка обходила партнера по кругу. Это было очень величественно и красиво. Ну, мне так всегда казалось.

Едва только зазвучали первые звуки музыки, как я сделала первый шаг, поворот и присела в поклоне. Это было уже на уровне памяти тела. Роланд улыбнулся и повел меня маленькими шажками дальше в танце. Я улыбалась и кружилась вокруг него.

Как же я была счастлива в этот момент.

Вокруг нас стоял восхищенный гул голосов. Должно быть, мы и в самом деле были очень красивы. И возможно я ему подходила сейчас. Мой небольшой рост делал Роланд еще более сильным и мужественным.

Мы сделали полный круг шагов туда и обратно, и только тогда музыка смолкла, Роланд поклонился, я присела и склонила головку. Роланд вдруг подхватил, закружил меня и, перекрикивая гул восторженных голосов, воскликнул.

— Музыканты, бранль!

А вот этот танец танцевали абсолютно все. Под него нередко еще и пели, и водили хороводы, и он был неизменным спутником всех ярмарок. Ро-

ланд весело пустился в пляс, и я была абсолютно спокойна за собственную безопасность. С таким партнером можно не волноваться, что на тебя наскочат и сшибут.

Одна веселая мелодия сменялась другой, а мы не уставали танцевать. Под ногами крутились дети. Малышка Ава бегала, то и дело танцевала в основном с оборотнями. «Кошечка, кружи!» — доносился до меня ее звонкий голосок.

Поэтому когда в высоких окнах забрезжил рассвет и праздник подошел к своему завершению, я немного расстроилась. Мы провожали с Роландом гостей и вручали им подарки. Я одаривала детей сладостью, а Роланд давал монетку каждому главе семейства. Все были очень довольны.

Проводив последнего жителя, я устало привалилась к любимому плечу.

— Лика?

— А? Пойдем спать? Я натанцевалась и наелась.

— Лика, я хочу, чтобы ты осталась.

Сон слетел с меня в мановенье ока, и я подняла на Роланда удивленный взгляд.

— Зачем тебе уходить? Что ждет тебя там?

— Роланд, я…

Мы не обсуждали мой уход. Я старательно избе-

гала этой темы, а Роланд не настаивал. Поэтому сейчас я даже не знала, что говорить.

— Ты ведь дочь сюзерена? И возможно, что незаконная? Обычно аристократы не женятся на ведьмах. А твоя мать ведь была сильной ведьмой? Это в твоем фамильном замке, похожем на мой, хранились ножны? И с этого начались твои проблемы. И ты была вынуждена бежать? И зачем тебе возвращаться туда?

Я опустила голову. Все было не так. Его догадки были верны, но правда просто не уложилась бы у него в голове. А у меня не хватит духу ему ее рассказать. Не сейчас уж точно.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Не хочу, чтобы ты стала для меня только тенью сегодняшнего полнолуния. Я хочу, чтобы ты осталась со мной навсегда.

— Роланд, я…

— Тебя там никто не ждет. Я не могу жениться на ведьме, но у меня уже есть наследник, сын моего старшего брата. И я могу пообещать тебе, что ты останешься в Ронсевале единственной хозяйкой.

Это было хорошее предложение для любой ведьмы. Любой, но не для меня. Меня ждали, я обещала вернуться, я обещала взять на себя ответ-

ственность за судьбы всех жителей королевства. Сестры меня не поймут, если я смалодушничаю и не вернусь.

Но как же мне хотелось согласиться.

Я покачала головой. Я не могу ему сегодня отказать. Сегодня праздник. Поэтому я не ответила, а использовала самый старый и проверенный способ как отвлечь любимого мужчину. Я потянулась за поцелуем. И в тот же миг сильные руки подхватили меня и унесли в нашу спальню.

Через несколько дней после окончания праздника я решительно позвала Брендана и Тиля к себе на серьезный разговор. Нужно было принимать решение о ноге мальчика. Я категорически отказалась брать с них деньги. Брендан спас мне жизнь. Он так почему-то не считал, уверенный, что всего лишь помог мне быстрее отбиться и позвал помощь. Но я то знала, что вдвоем с Ру мы бы может и справились, правда пострадали бы гораздо сильнее. Так что все обсудив, мы перешли к действиям. Я позвала с собой обрадованного лекаря замка. Шить раны он умел, делать перевязки и многое другое, но на оборотнях все заживало гораздо быстрее. И в его услугах нуждались не часто. А уж подобную операцию он вообще ни разу не видел.

Я ужасно переживала. Я много раз помогала в похожих случаях. Делала и сама, но всегда у меня рядом была более опытная в таких делах ведьма или королевский лекарь. Но с другой стороны я была уверена, что у меня получится. Иначе бы не взялась.

И мы справились. Я накормила парня особыми грибами. Они облегчали боль, правда вызывали галлюцинации, бред и различные видения. В этих ведениях человек был способен навредить себе и другим, но Тиль у нас был привязан, так что вряд ли он пойдет куда-то, размахивая острыми предметами.

Все прошло быстро. Я была как никогда сосредоточена, магии было очень много, и я не скупилась на нее. Я щедро влила ее и в рану, и в кость, чтобы срасталась быстрее. А в конце я еще и в Тиля добавила, выводя его из навеянного моей магией и грибами сна.

Я бы ни за что не решилась вот так выложиться по полной, если бы по-прежнему жила в деревне. Но сейчас под защитой замковых стен и сильных рук Роланда я могла себе это позволить. Роланд стоял в комнате и внимательно следил за моей работой. Сказал, что ему интересно.

А вот мальчик, едва придя в себя, нас сильно

удивил. Я не знаю, что повлияло. Возможно, грибы или моя магия, которая вот сейчас плескалась в Тиле, но его глаза вдруг зажглись звериным желтым светом, а тело содрогнулось. Парень явно собирался обратиться.

— Нет! Тиль! Не делай этого! Нельзя. Твоя нога не выдержит!

Но Тиль меня не слышал и тут сильные руки Роланда подняли и переставили меня в сторону, а сам он склонился над ребенком.

— Тиль! Слушай меня. Убери магию оборота. Тиль! Это приказ. Остановись! Вот. Молодец. Слушай тело, как кровь бежит у тебя по венам. И постарайся замедлить магию, что сейчас бурлит. Так. Умница. Теперь медленно отпускай ее.

И Тиль остановил оборот. А я выдохнула.

Брендан провел под дверью комнаты все это время, влетел в нее и застыл на пороге.

— Что? — выпучил он на нас глаза.

— Твой брат — оборотень. Он твой брат не только по маме, судя по всему. И она не изменяла твоему отцу, — хлопнул его по плечу Роланд.

— Это хорошо, но меня больше волнует его нога. Она же теперь точно заживет? — и он с надеждой посмотрел на меня.

— Да. И это произойдет гораздо быстрее. Только

вот мои рекомендации остаются прежними и ты следишь, чтобы он не вздумал бегать прямо завтра.

— Да, я прослежу. Лика, спасибо. Если бы не ты, то…

Я прервала его, крепко обняв.

Глава 20. Кот ей судья

Постоянные клиенты никогда не обращали внимания на неожиданные звуки типа стонов или неприятного скрежета. Так было гораздо безопаснее для здоровья. В некоторых районах города любопытство не только убивало кошку, но еще и сбрасывало ее в реку с привязанными к лапам свинцовыми грузами.

"Посох и шляпа" Терри Пратчетт

Два последних месяца зимы пролетели стремительней стаи гарпий, нападающей на противника. Это были, пожалуй, самые счастливые зимние месяцы в моей жизни. Жители деревни стали теперь приходить со всеми своими болячками и проблемами сразу в замок. Их пускали. Правда, Роланд поворчал, но смирился.

Дюрандаль полностью подчинился Роланду как своему хозяину. И это почувствовали все в замке и деревне. Роланд же только первые несколько дней был всецело сосредоточен на мече. Старался все время держать его в руках и сражался им на ристалище. Но потом и это ушло. Теперь и меч, и Роланд отлично ладили. И я вздохнула с облегче-

нием. Безумие Роланда не затронуло.

Нога Тиля заживала на удивление быстро. Я даже не ожидала такого стремительного роста кости и заживления раны. Но на оборотнях-мальчишках все и в самом деле затягивается быстро. Тиль еще сам рос. Так что к концу зимы, когда он обернулся в белого барса, я уже не переживала, уверенная, что все с ногой будет в порядке. Так и вышло. Тиль был очаровательным котенком, а в человеческом облике гонял по замку теперь очень быстро, забыв, что вообще когда-то хромал.

Маришка с дочерью и малютка Ава в замке чувствовали себя как дома, будто никогда и не жили в деревне. Мы частенько сидели с ними в покоях у Роланда, смеялись и болтали. Роланд хмурился, говорил, что мы своей болтовней его отвлекаем, но уходить не спешил. А потом и вовсе стал сидеть с нами, играя с Авой и качая на руках младенца.

Но вот снег стал таять, сугробы становились все меньше. И вот однажды из города вернулся один из оборотней, что Роланд отправил за новостями.

Ганелон сразу после нашей стычки, которую поединком назвать язык не поворачивается, не

вернулся в замок. Это было удивительно, ведь Амалия направилась именно туда. Возможно, Ганелон что-то понял для себя, потому что он побежал в город, несмотря на полученные раны и проклятья. Там его видели еще в течение пяти дней. Возможно он ждал там вестей от Амалии. Роланд же все эти дни был занят мной и моим ранением, и это ему тогда показалось важнее поисков Ганелона. К тому же Роланд был уверен, что тот уже давно сбежал. Но тот лечился в городе у аптекаря всем, что там было на тот момент, а потом он пропал.

И вот теперь с началом весны вновь пришли слухи. И они были, на мой взгляд, пугающими. Оборотень, что нам рассказывал их, был невозмутим, да и Роланд сидел с каменным лицом, а вот я испугалась.

Ганелон ушел к маврам.

— Роланд? Почему он связался с этими черными колдунами из Магриба и Мавритании? Зачем? Это же верная смерть. Ничего хорошего никогда не происходило с теми, кто с ними связывался. Их магия опасна и жестока. Они убьют его самым страшным образом. Неужели он этого не понимает? — не выдержала я.

— Я думаю, что он как раз все прекрасно пони-

мает, Лика, — хмурясь, ответил Роланд.

— Но? Почему?

— А ты видишь для него другой путь? На нем проклятье смерти убитой им старой Клары. И ты во время боя с ним навесила на него новые. Он и так уже почти мертв. А Темные маги могут подарить ему жизнь.

— Только плата за это может быть велика. Он может лишиться души, и она после смерти не уйдет на перерождение. Он лишится бессмертия, и возможности искупить все то, что натворил.

— А ему это нужно? Ты в этом уверена? Ганелон не хочет ничего менять. И ни в чем не раскаивается, — пожал Роланд плечами.

— И что ты будешь делать?

— Последний наш поход был на границу с ними. Мы разбили их армию. Они пересекли границу, но далеко продвинуться не успели. Подошли наши войска. Мавры — наши враги и Ганелон знает об этом.

— И ты наверняка нажил в этом походе среди мавров немало врагов? — спросила я.

— Не без этого, — кивнул Роланд.

— И что? — продолжила настаивать я.

— Мавры могут ведь отказать ему? Могут сами его прикончить. Вариантов много. Подождем.

С каждым днем становилось все теплее. Солнышко припекало, сугробы таяли и вот уже снега почти и не осталось. Только в лесу прятался в темных ельниках. Весенняя распутица тоже почти ушла. Дороги стали проезжими и мое время пришло.

И почему же я так тянула? Я задумывала уходить с первыми теплыми деньками. Еще когда даже дороги не просохли после весеннего паводка. Но я медлила. Добираться в родное королевство было долго и сложно. В дороге меня ждало много трудностей и препятствий. И я, по моим подсчетам, должна прибыть как раз к концу весны.

Но я тянула. Я даже сборы не начинала. Я каждую ночь засыпала в объятьях любимого мужчины и не могла уйти. У меня не получалось.

Мы завтракали в Большой зале, когда в него вошел гонец. Это был оборотень в богато украшенной одежде.

Роланд встал и поприветствовал его. Тот протянул запечатанный конверт. Роланд жестом пригласил его принять участие в трапезе, а сам вскрыл письмо.

— Что там? — любопытство — одно из основных достоинств ведьмы.

— Карл собирается нанести нам визит. Неофи-

циальный. Заедет с небольшим отрядом. Мне нужно будет его встретить.

— А зачем?

— Думаю, что поведет разговор о новом походе. Приближается лето. Прошлое лето я провел дома. Мы залечивали раны и восстанавливали силы. Но новый поход я не хочу пропускать.

Я кивнула. Ну да. Поход. И тут Роланд фыркнул, продолжая читать послание короля.

— Что? — опять не смогла сдержать я рвущееся наружу любопытство.

— Да. Король хочет проверить слухи. Осенью в городе видели Ангелику, Принцессу Меровингов, — ответил он, не отрываясь от послания.

— Кого? — только и смогла выдавить из себя я.

— И не говори. Померещится же такое. Говорят, была со свитой и делала покупки перед дальней дорогой. Что за чушь беспросветная, — и Роланд рассмеялся.

— Почему чушь?

— Король Меровингов по слухам сошел с ума. И его единственная законная наследница в срочном порядке ищет мужа, чтобы сместить отца и взойти на престол. Что она забыла у нас в глуши? — ответил Роланд.

— Действительно. Что? — кивнула я.

— Но Карлу донесли, что Король Меровингов окончательно обезумел. Все приказы идут от родственницы его покойной жены. Говорят, она ведьма. Ты не слышала? — и он впервые посмотрел на меня.

Я к тому времени успела прийти в себя и мое лицо, надеюсь, кроме любопытства ничего не выражало.

— Нет, откуда, — и я даже плечами пожала.

Ирменгарда, ах ты, старая ведьма. Ты все же растрепала обо мне всем. Нда. Та встреча на ярмарке теперь выходит мне боком. Или нет? Может все к лучшему?

Роланд вернулся к письму. Кажется, мне поверили. Роланд продолжил.

— У принцессы много союзников в королевстве. Никто не хочет потерять королевскую кровь. Говорят, она красива и умна. Самая завидная невеста на все двенадцать королевств, — продолжил он.

Сил, чтобы ответить не оставалось. Они все уходили на поддержание невозмутимого вида.

— Карл спит и видит ее в своих союзниках и хватается за малейший шанс узнать что-то. Даже такой глупый. Принцесса наверняка провела зиму у одного из своих вассалов. И сейчас

она готовится к захвату власти. А не прячется в моем маленьком городке, совершенно не приспособленном для особы королевских кровей, — и Роланд сложил письмо короля.

Все так и должны были подумать. Я сама усиленно распространяла подобный слух. Потому что это самое очевидное. И искать будут именно у моих вассалов. А где еще? Только вот вассалы предают. Даже самые преданные, если предложить много. Или что-то ценное. Власть, деньги, магию. Да мало ли соблазнов на свете, что могут совратить любого? И зачем мне испытывать на прочность верных людей? К тому же мне прекрасно известно, как тетя умеет искушать. Я прикрыла глаза.

Она должна была сильно ослабнуть за зиму. Черная магия, царившая в ее теле и разуме, разрушала ее. Ее плоть гнила, источала зловоние и мрак. Она должна постоянно подпитывать силы. Но способов с каждым днем становилось все меньше. Я же должна была за зиму окрепнуть, накопить сил. И тогда уже справиться с ней мне не составило бы труда. В противном случае любые заговоры по смещению папочки с трона были обречены на провал.

И у меня получилось. Магии было много. Ее хва-

тит с лихвой. Она плескалась во мне и бурлила. Я должна справиться, даже если магия тети за зиму и не ослабла, и она нашла способ подпитки. В чем лично я сильно сомневаюсь. Недаром папочка, судя по слухам, окончательно сошел с ума. Если бы у тети были силы, она бы этого не допустила. Он нужен ей. Так что, думаю, что своей цели мы добились и мне пора возвращаться.

Я посмотрела на Роланда. Я уже давно поняла, что моя магия так сильно возросла и окрепла благодаря его присутствию. Влюбленная ведьма — это сильная ведьма. А рядом со своим мужчиной она становится почти неуязвимой. Это благодаря ему у меня ее теперь столько.

И я приняла решение. Я остаюсь. Я дождусь короля Карла. Мы с ним виделись несколько раз. Он наносил нам визит. А потом я совершала ответный. Папочка уже тогда был сделать этого не в состоянии из-за возросшей паранойи. Ему кругом мерещились убийцы, и покидать дворец он был не в состоянии. Мы поговорим с Карлом. Хочет стать союзником? Да прекрасно. Пусть становится. Мне дополнительные силы и поддержка в борьбе за трон не помешают.

И я, открыв глаза, послала Роланду улыбку. Он улыбнулся в ответ и поцеловал мою руку. Все

наладится.

— Когда приезжает король? — спросила я.

— Завтра. Я утром отправляюсь его встречать. Подготовь замок к его приезду?

— Разумеется. И обсужу меню с поваром, — я снова ему улыбнулась.

Настроение стремительно поднималось вверх. Решение было принято. И поддержка Карла давала мне возможность не уезжать и не бросать Роланда. Вот и подумать не могла, что король Карл будет искать сотрудничества и захочет стать союзником. Раньше подобных мыслей у него не возникало. Может что-то изменилось? Мавры? Ему нужна помощь в борьбе с ними? Это многое бы объяснило. И главное, что и в моем королевстве были вассалы, готовые повоевать с ними, так что это мне и стоить ничего не будет. И потом торговые отношения ведь никто не отменял. Взаимный обмен пошлинами? Я размечталась. Из задумчивости меня вывел голос Роланда.

— Он тебе обязательно понравится. И только он сможет решить нашу проблему, — сказал он.

— Проблему? Какую проблему?

Я видела перед собой столько проблем, что просто глаза разбегались от их количества. Но вот ту, что озвучил мне Роланд, я во внимание

совсем не брала.

— Только он может дать мне разрешение на брак с ведьмой.

Я открыла рот и тут же его захлопнула.

— Если я летом уйду с Карлом в поход, то хочу, чтобы ты осталась здесь моей женой. Ну, это так. Просто размышления, — Роланд встал.

Я по-прежнему сидела и ловила ртом воздух. Это что? Мне сейчас предложение сделали? Мне? Ведьме? У которой только домик в деревне и мешочек с деньгами, уже порядком истощившийся. И это на мне собрался жениться Маркграф? Ой, держите меня святые праведники.

Роланд подхватил мою вялую руку, снова поцеловал и пошел из Большой Залы. А я так и осталась сидеть. Тупо глядя перед собой. Ой, мама ведьма, что творится то.

Весь оставшийся день я носилась, готовя замок к приезду короля. Пусть визит неофициальный, но принять его нужно со всем почтением. К тому же Ронсеваль был для этого обеспечен всем необходимым. Из сундуков доставались королевские покрывала, подсвечники на каминную полку и шторы с гербами его Величества. Все это мылось, перетряхивалось и вешалось. Роланд приятно оторопел, когда вечером зашел в комнаты, кото-

рые я приготовила для короля. Он вообще не знал, что у него все это есть. На кухне тоже творилось невообразимый хаос, но повар расстарался.

— Карл приезжал и всегда фыркал, утверждая, что он не может понять в замке он или все еще в походе. Мол и еда, и кровать у него явно походная. Теперь он этого точно не скажет, — потер руки довольный Роланд.

Утром Ролан уезжал, прихватив с собой из замка почти всех оборотней, что у нас были. Для свиты подобающей королю. Оливьер тоже ехал встречать короля, а вот Брендан оставался за главного. С ним остались не больше пяти оборотней. Нет, в замке еще оставались слуги и челядь. Но вот все воины отправлялись с Роландом. После последнего похода их в замке и так было не много. Но зимой к нам присоединились оборотни из свиты Амалии, которых Роланд отобрал и одобрил, так что в целом отряд был достаточно силен. И потом ведь и у короля есть свита?

Ни малейших сомнений или тревоги у меня не было, когда я его провожала. Почему? Хлопоты перед приездом короля отбили у меня чутье ведьмы? Или спокойная и уравновешенная жизнь под защитой замковых стен в объятьях любимого мужчины? Я не знаю. Но я не чувствовала ни

тревоги ни паники.

Именно поэтому прозвучавший издалека звук меня не насторожил.

А вот стоявший рядом Брендан вдруг побледнел.

— Ты чего? — спросила я застывшего парня.

— Это рог.

— Какой еще рог?

— Рог Маркграфа Бретонского. Олифант. Каждый житель деревни, услышав его, обязан бежать в замок.

— Что?

— На Его Светлость напали. Напали враги. И этот рог призывает всех укрыться в замке. Значит, напал сильный противник.

Мы с ним смотрели друг на друга, плохо понимая, что случилось. Но к нам уже бежали слуги и солдаты, стоявшие на карауле.

— Госпожа ведьма, там жители деревни бегут. До них Рог донесся раньше. Пускать? — спросил меня оборотень, дежуривший на воротах.

Я пришла в себя.

— Да! Немедленно открой все створки дверей, и впускайте всех жителей. Всех. И поторопись!

Я понеслась к воротам встречать первых жителей. Все вокруг суетились и паниковали. Рог

звучал все громче, наводя на жителей страх и панику. Но когда они оказывались перед донжоном, на большой замковой площади, под защитой высоких стен — страх отступал. Я отдавала распоряжения, успокаивала и отвечала на вопросы. Отвечала. Хотя ответов у меня не было. Кто напал? Сколько их и что делать? Но я отвечала. И успокаивала. И подбадривала.

— Все, госпожа ведьма. В деревне больше никого не осталось. Ворота закрывать? А стражу где выставлять? В барбакане?

— Нет. Барбакан сил удержать нам не хватит все равно. Поднимай мост перед воротами и все уходим за замковые стены. Вооружи всех и расставь по башням. Сосредотачиваемся только на обороне замка, — распорядилась я.

И сама побежала к воротам.

— Госпожа ведьма, там по дороге кто-то бежит!

— Остановись, не закрывай! Это Тиль! — закричала я.

Тиль летел, не касаясь лапами земли. Влетев за стены замка, он стал оборачиваться.

— Все! Закрывай ворота! — распорядилась я и повернулась к мальчику.

Он уже обернулся. У него это происходило не так быстро, и теперь он тяжело дышал.

— Там. Там мавры. Их Ганелон привел. Я хотел посмотреть на короля. И побежал за ними следом. А тут напали, — стал отрывисто объяснять он.

— Их много?

— Да. Туча.

— Что Роланд? — задала я самый главный вопрос.

— Его светлость ранен. Оливьера убили. Им не выстоять. Мавров слишком много.

— Где?

— В Ронсевальском ущелье.

Значит мавры. Я прикрыла глаза. Роланд сильный, но даже Дюрандаль не поможет ему против полчища мавров. Он трубит в рог, давая понять и нам, и городу о возникшей опасности. Сейчас он задерживает их как можно дольше, чтобы все могли укрыться. А сам он понимает, что погибнет.

Роланд погибнет.

Эта мысль прошибла меня насквозь. Нет. Я не могу его потерять! Зачем мне королевство? Зачем мне вся моя оставшаяся жизнь, если его не будет рядом? Что мне делать без него? Без его рук? Без его поцелуев по утрам? Без ночей наполненных страстью и любовью?

— Брендан!

— Да, Лика.

— На тебе оборона замка! Защищая его любой ценой. Ты понял?

— Да, а ты куда?

— К Роланду. Я не дам ему умереть!

И я так это сказала, что Брендан не рискнул возразить. На меня смотрели все жители деревни и молчали. И в их глазах я видела надежду.

— Тебе открыть ворота? — только и спросил он.

— Нет. В этом нет необходимости.

И я выпустила магию. Она полилась, наполняя меня и изменяя. Мой рост стал увеличиваться, волосы приобретать иссиня-черный цвет. Ногти на руках превратились в длинные когти, став грозным оружием. Сапоги порвались, потому что ноги стали больше и на них также выросли когти, которые могут вспороть плоть даже в кольчуге.

Толпа шарахнулась в сторону от меня, а я встряхнула длинными волосами и раскрыла огромные крылья за спиной.

— Лика? Ты гарпия? — раздался рядом потрясенный голос Брендана.

Ну да. Ответ очевиден. Больше нет причин скрывать. Роланда могут убить, а перед этим все тайны и недомолвки теряют всякий смысл. Да,

гарпия. И мои сестры гарпии. И их у меня много. И я не ем и не убиваю птиц, потому что гарпии почтительно относятся к пернатым. И я сама по себе грозное оружие. И да, я еще тогда при первой нашей встрече в горах могла порвать и тебя, Брендон, и всю твою пятерку оборотней. Мои когти на руках и ногах смертоносны, а крылья способны поднять и переносить не только мое тело, но и тяжелый груз. Я гарпия. И на моем пути лучше не становиться.

Я взмахнула огромными черными крыльями и взлетела. Я летела, быстро развивая свою предельную скорость.

Шум битвы я услышала издалека, и влетела в Ронсевальское ущелье как молния. Я зависла над полем сражения в поисках Роланда. И я нашла.

Он был в крови. Оборотней, окружавших его и сражающихся рядом было очень мало. Они вот-вот погибнут. Роланд был весь покрыт ранами. Чудо, что он вообще еще стоял на ногах. Думаю, если бы не Дюрандаль, что он крепко сжимал сейчас в руке, он давно был бы мертв.

Рядом с ними высилась гора трупов, среди которых я с удовлетворением увидела труп Ганелона. Его глаза были открыты, неподвижно глядя в небо. Что ты надеялся там увидеть в свой

последний миг, подлый предатель?

Но вокруг лежали и тела мертвых оборотней. И я с ужасом всматривалась в знакомые лица. А вот и Оливьер застыл, пронзенный мечом насквозь. Его глаза были закрыты. Храбрый воин, так много повидавший на своем веку, до конца был предан и верен своему сюзерену. И погиб, как и полагается погибнуть воину. В бою. Защищая его жизнь.

Мое появление ожидаемо вызвало недоумение и переполох. Битва стихла как по мановению волшебной палочки. Врагов было много. И все они сейчас смотрели на меня во все глаза. Никто из них возможно никогда не видел гарпию так близко. Но вот слышали о нас все. Сколько же их пришло сегодня, чтобы забрать у меня любимого. Пока они застыли только от неожиданности моего прилета.

Мне одной никогда не справиться с этой тьмой. Я была обречена, но собиралась дорого продать свою жизнь.

Еще один взмах крыльями и я рядом с Роландом. Он, не веря смотрит в мое лицо. Я приземлилась и мне мгновенно дали дорогу. Я прошла к нему и только и успела подхватить его тело. Роланд упал в мои большие руки. Теперь я была даже выше, чем он.

— Все-таки ты тень. Тень моего самого счастливого полнолуния.

Гарпий действительно называют тенью. За наше черное или серое оперенье. За быстроту нашего полета. И за серую дымку магии.

Глаза Роланда закатились, и он повис в моих руках. Дюрандаль выпал из его разжавшихся пальцев. Я опустилась с ним вместе на землю. Крепко прижала его к себе.

Не успела.

И тогда я закричала. Так кричат гарпии, когда теряют своего возлюбленного. Когда теряют жизнь. Когда теряют все, что было в ней дорого. Я кричала и кричала.

И меня услышали.

Прямо над моей головой раскрылся портал. Воздух вокруг круглой воронки заискрился, и я подняла голову вверх. И вот из вертящейся на верху воронки портала вылетела первая фигура. А за ней еще одна и еще.

Сестры. Они пришли.

Враги испуганно попятились прочь. Первая сестра приземлилась рядом со мной, сидящей на земле. Рядам встала вторая. И вот уже нас отделяет от врагов мощная стена моих сестер.

Старшая сестра вылетела из портала самой

первой. Она уже все успела понять, оценить обстановку и теперь только отдавала распоряжения. Приказы были короткие и ясные. Они проходили мимо меня. Я по-прежнему прижимала к себе Роланда и не могла пошевелиться.

Но вот меня грозно окликнули.

— Лика! Встань! Ты приняла боевую форму и должна ее оросить кровью. Давай, девочка. Тебе необходимо встряхнуться и отомстить.

Старшая. Как всегда права. Я осторожно опустила голову Роланда на землю и встала.

Я вышла вперед и встала перед сестрами.

Враги пятились. И одна гарпия может заменить собой пятерку сильных воинов, а сестер было много. Вся стая прилетела на мой зов. Но пощады не будет. А вы что думали, что можно убить возлюбленного гарпии и при этом уйти безнаказанно? Этого никогда не было и не будет.

Дальше был грохот щитов, крики, лязг мечей, скрежет когтей о металл, и яростные вопли. Шум битвы надежно заглушал крики боли от потери любимого. Я летала и убивала. Я рвала врагов на части и не знала покоя. Я была вся в чужой крови. Страшная и смертоносная.

В себя пришла, только когда рядом со мной не осталось живых. Я стояла среди груды тел. Уста-

лости не было, и я огляделась. Никто не ушел. Да это и сложно было бы представить. Как убежать, когда тебя нагоняет по воздуху огромная и грозная тень? Все Ронсевальское ущелье было усеяно трупам. Я невесело усмехнулась. Кажется, сюда едет король? Его ждет сюрприз.

Я взмахнула крыльями и полетела к Роланду. Возле него так и стояли оборотни, что еще чудом держались на ногах. Сюда же подлетали и сестры.

— Лика? Мы уходим. И ты уходишь с нами, — прозвучал приказ от Старшей.

— Мне нужно проститься, — прошептала я.

— Нет. Тебе нужно отвоевать свое королевство и защитить людей. Это твой долг и твоя ответственность. Идем.

И снова она права. Как бы не было больно, но люди, что ждут и надеются на меня, не должны пострадать. Я должна идти. Я обязана. Кровь в моих жилах не вода. И я не могу бросить и подвести стольких. Я кивнула. Я потом смогу оплакать тебя, любимый. Позже. Сейчас я смету всех на своем пути.

Сестры открыли портал и стали заходить туда одна за другой. Я оглянулась в последний раз бросить прощальный взгляд на любимого, но

Старшая обняла меня за плечи и я шагнула в портал.

Эпилог. В чертогах ада спят безмолвно исчадья хаоса и тьмы, спят демоны, вампиры, ведьмы и ты, котенок, засыпай

В доме Медведя чистота и тишина. Никто не кричит, ничего не разрушает, не терроризирует зверей. Его варенье в безопасности. Нервы — тоже. Наладились отношения с Медведицей.

Вечером медвежье семейство пьет чай с медом и рассматривает старые фотографии в альбоме под аккомпанемент уютного мурлыканья.

© Владислав Скрипач

Год спустя

Замок короля Карла в Ахене не произвел на меня должного впечатления. Я уже была здесь раньше и за прошедшее время он не сильно изменился. А вот сам город вырос, и пока карета медленно тащилась по мостовым, я успела заметить много богатых горожан. Значит, столица процветает.

Но и моя столица за прошедший год сильно изменилась. Я столько работала, чтобы навести порядок и ликвидировать последствия правле-

ния папочки. И если память об этом еще жива, то хотя бы внешние проявления я ликвидировала. И площади теперь не место для казней, а исключительно для торговли.

Хотя казни были.

Дорога меня утомила, хотя и добралась я довольно быстро. Мне нельзя надолго покидать королевство и визит долго не продлится. У меня еще много этих визитов, если все не сложится. Ведь на коронацию я никого не пригласила. А как пригласишь, если она была организована в дикой спешке? К тому же папенька не заботился о пополнении казны, и я теперь на многом экономила. Хотя мне и удалось существенно пополнить казну в начале моего правления. Я была слишком зла, слишком опустошена и карала, возможно, чересчур сурово. Но казни недовольных только добавили мне авторитета, и помогли в подавлении бунтов и заговоров. Одно дело выразить недовольство, и совсем другое поднять бунт, за который пострадаешь не только ты, но и вся семья. Потому что я сразу же лишала всех наследников доходов и земель. Это у многих отбило охоту плести заговоры против меня.

Я не вылезала из заседаний почти весь год. И казна, армия, правосудие, не говоря уже о нало-

гах, нуждались в существенном пересмотре. И все это наваливалось и копилось не первый год. Так что я только и делала, что разгребала эти пресловутые Авгиевы конюшни. И мне иногда казалось, что я делаю это вручную и одна, хотя это, безусловно, было не так.

Я прибыла в столицу Карла рано утром. Я специально так подгадала, чтобы официальный прием был назначен уже на обед. Вот нечего тянуть. У меня на это сил уже не осталось.

Карета подъехала к центральному входу и к дверце тут же подлетела охрана. Сопровождение у меня было огромное. Меня не выпустили из королевства без него. Все мои министры и вассалы как сговорились и отрядили мне большой отряд рыцарей. Хорошо хоть это все же не сильно задерживало меня в дороге.

Я шла по коридорам королевского дворца в окружении гремящих доспехами рыцарей и с тоской думала, что прокормить всю эту толпу в дороге очень непросто. Это уже проело существенную дыру в моей казне. И я принялась подсчитывать убытки. Это сильно отвлекало, и я была довольна, потому что нервничала я страшно. А так иду себе считаю траты, и не думаю о том, что на самом деле меня волнует. Каменное

и чуть недовольное выражение лица. Именно то, что подобает королеве.

Покои, отведенные мне, оказались роскошными, как и подобает особе королевских кровей. Горничные присели в поклоне и самая старшая спросила.

— Ваше величество желает принять ванну с дороги?

— Да, и сразу после этого одеваться. Когда назначен официальный прием?

— Его Величество король ожидает вас в тронном зале через два часа, как вы и просили.

— Замечательно. Не будем терять время.

И ванна, и парадное платье были готовы, они прибыли заранее. А украшения и корону занес один из прибывших со мной вассалов. У него было даже торжественное звание. Хранитель королевских драгоценностей. Кажется, он им даже гордился. Вот что у меня в голове? Но зато я не нервничаю. Я совершенно спокойна. Железная и непрошибаемая королева.

К тронному залу я подходила в сопровождении десятка рыцарей и вассалов. Тяжеленое платье мешало идти, но с другой стороны не позволяло сильно думать о чем-то постороннем. Все силы были направлены на то, чтобы прямо держать

спину, не склонять голову от тяжести короны и волос перевитых огромным количеством драгоценностей. Мне даже показалось, что и цвет моих волос не видно за этой переливающейся грудой. И шея, и платье по количеству камней не уступали голове. Как же меня достали эти булыжники. Шея от них болит ужасно. И ведь не оденешь их чуть меньше. Я должна быть похожа на ювелирную лавку.

Огромные двухстворчатые двери открылись, и герольд звучным голосом объявил.

— Ее Величество Ангелика, королева Меровингов, королева Нейстрии.

Я вошла в тронный зал и двинулась по длинному коридору придворных к трону, где в парадном облачении восседал его величество король Карл со своей супругой Хильдегардой Винцгау. И я заметила, что вот на Хильде гораздо меньше этих самых драгоценностей. И почему такая несправедливость?

Шла я медленно, как и полагается в таких случаях. Давая себя как следует рассмотреть всем присутствующим придворным. Как я уже не раз повторяла — я за просмотр денег не беру.

Его присутствие я ощутила сразу, как вошла. И немного выдохнула. Ну, по крайней мере, он

здесь. Уже немного легче. Только вот он явно на меня не смотрел. Я не чувствовала его взгляда на себе. Это был плохой знак.

Я дошла до трона и остановилась. Его Величество и королева встали, чтобы меня поприветствовать, а Карл даже спустился вниз с небольшой ступеньки помоста, на которой стоял трон.

Я склонила голову, а вот моя свита склонилась в поклоне. Ну да. Я королева и приседать и кланяться равным мне не должна.

Карл стал произносить длинную официальную речь. Как он рад, про теплые отношения, про грядущую помощь и сотрудничество двух королевств. И еще много всего. Я не слушала. Я осторожно повела глазами и увидела, наконец, его.

Его Светлость Маркграф Роланд Бретонский стоял почти рядом с троном. Только вот не в первых рядах придворных. Нет. Он подпирал собой стену Тронного зала. Руки его были скрещены на груди, а вот взглядом он прожигал пол.

Мне бы следовало отвести взгляд и послушать, что там говорит король Карл. Но это было выше моих сил. Я потом разберусь с Карлом. Вот точно не сейчас. Да и что он может там сказать в этой приветственной речи? Что он рад мне. Ну, еще

бы. Я это и так знала.

Роланд явно почувствовал мой взгляд и поднял глаза от пола. Наши глаза встретились. В его не было удивления. Да, он уже все знал и понял наверняка давно. В его глазах было спокойствие и равнодушие, которые кольнули меня больнее, чем магия тети при нашем смертельном сражении.

Я лгала ему все это время, утаивала, кто я, претворялась не той, кем была на самом деле. И даже в тот последний день ничего ему так и не сказала. Не сказала, что хочу остаться с ним. Думала, что как-то само все разрешиться и у меня еще много времени, чтобы все объяснить. Но его не было. Совсем.

Я бросила его. Ушла. Он лежал там, в Ронсевальском ущелье и умирал, а я ушла. И мне нет оправдания. Как я могла не почувствовать биение его пульса, пусть и слабое, и задавленное темной магией мавров? Как? У меня не было ответа на этот вопрос.

Да, Старшая увела меня и не дала подойти к нему после боя. Да, я была в таком состоянии, что мало что понимала от горя, а она руководствовалась здравым смыслом. Если бы я осталась и узнала, что он жив, я бы уже не ушла. Я бы при-

нялась его выхаживать, снимать черную магию мавров и задержалась там, на непонятно сколько времени. А меня ждали и в меня верили, я обещала вернуться. Так что с точки зрения Старшей, она действовала верно.

Только вот как объяснить чувствам? Как понять неуемному сердцу? Как объяснить рвущейся наружу любви?

Прибывший на поле боя Король Карл спас Роланда. Вместе с ним всегда ездил опытный маг. Король не путешествовал без надежной охраны. Маг снял магию мавров, помог с ранами, а дальше сработал мощный и здоровый организм оборотня. И Роланд выжил. Только вот я узнала об этом спустя полгода. И еще полгода мне понадобилось, чтобы вы вырваться сейчас сюда. Только вот не опоздала ли я? За год столько всего могло случиться. Да и нужна ли я ему?

Карл закончил свою длинную речь. Я очнулась и отвела глаза от Роланда, переведя их на Карла. Что я там должна сказать? Что я рада? Ну да. Я рада. Безумно. Хорошо, что ответная речь была выучена наизусть и отскакивала от зубов. Она вообще мало чем отличалась от обычных торжественных речей. Заменялись имена, а все остальное оставалось неизменным. Лень коро-

лям новые речи учить для каждого визита. Голова распухнет от речей.

Отбарабанив последние слова, я ввергла порядком подуставший слушателей в шок. А вы думали, зачем я к вам явилась? У меня королевство. У меня дел куча. И мне вот совершенно некогда тут с вами политесы разводить. Поэтому в конце я так и сказала. Мол, рада безмерно, но хотела бы подтвердить добрые намерения заключением брака.

Король Карл открыл рот, а потом снова его закрыл. Но подскочивший тут же советник помог королю и затискивающимся тоном спросил.

— Мы правильно вас поняли? Ваше Величество желает заключить брак с одним из подданных нашего королевства?

— Да. Брак династический, так как это родственник Вашего Величества, и я бы хотела заключить равный брак.

— Вы сделаете вашего супруга королем? С равными вам правами? — у советника короля глаза полезли на лоб.

А я чуть было не закатила глаза и не вздохнула устало. Разумеется. Думаете это так легко управлять королевством? Да я с радостью переложу на плечи супруга половину обязанностей.

— И кого из моих родственников вы хотите взять в мужья? — удивленно спросил король.

Кажется, дар речи к нему вернулся. Это хорошо. Еще бы и помощи от него как-то добиться. Может он сумеет повлиять на Роланда? И у меня появится шанс?

Я развернулась и направилась к Роланду. Я не собиралась этого делать. Но увидев его, поняла, что не могу и не хочу ждать. Темнить и вступать в переговоры. Разводить дипломатические политесы. Путь уж лучше вот так. Сразу. Зато все станет понятно.

Толпа придворных расступалась передо мной. За мной раздавался грохот шагов моих рыцарей не желавших отстать от меня.

Я подошла и посмотрела ему в глаза. В них плескалось все то же ледяное спокойствие.

— Ваша Светлость Маркграф Роланд Бретонский, не соблаговолите ли вы принять мое предложение и вступить со мной в династический брак?

Роланд молчал. А смотрела на него и вдруг не выдержала. Я так устала. Устала без него, устала быть одна. Слезы полились из моих глаз, а я сумела только прошептать

— Прости.

— Святые праведники! Да за что? — и меня обняли такие родные руки.

— Роланд, я так устала, я так измучилась …

Кажется, Роланд понял, что королевское достоинство нужно срочно спасать. Мое величество собиралось порыдать и скатиться в истерику впервые за этот год. Поэтому меня подхватили на руки вместе с короной, тяжеленым платьем и неудобными туфлями с золотыми пряжками.

Роланд двинулся к выходу, попутно отдавая распоряжения громким звучным голосом.

— Официальная часть закончена. Ее Величество королева устала с дороги. Все дальнейшие вопросы будут решаться позже.

Хороший из него будет король. Мой король. И я спрятала заплаканное лицо у него на груди.

Он принес меня в совершенно другие комнаты. Они были не такие роскошные, но самое необходимое в них было. Кровать. А еще он поставил меня на пушистый ковер, как только вошел и захлопнул перед моими вассалами дверь.

— Ее величеству вы сегодня не понадобитесь.

А потом с меня стаскивали парадное платье самым неуважительным к нему образом. Но мне было совершенно все равно. Святые праведники с ним, с платьем. Новое сошью.

А потом мне стало все равно на то кто я, где я, когда я. Главное, что он со мной: мужчина, способный подарить мне весь мир с его яркими красками и запахами.

Я целый год так не спала. Спокойно и расслабленно. Я была уверена, что пока он со мной нам никто и ничто не страшно.

К разговорам мы вернулись только утром. Мы набросились на еду, и я набитым ртом спросила.

— Так ты мне так и не ответил?

— Ты о чем?

— Ты женишься на мне?

— Я убью всех, кто попробует мне помешать сделать это.

И меня поцеловали. А потом он продолжил.

— Ты знаешь, я, когда пришел в себя, узнал, что произошло, не поверил. А потом Карл все мне рассказал. Ему в отличие от меня не понадобилось много времени, чтобы сообразить кто ты. И я тогда собрался к тебе.

— Правда? — подалась я к нему, и уселась на колени.

— Да. Собирался разнести всех, кто мне мог помешать добраться до тебя. Но Карл меня остановил и убедил, что у королей так не принято. Что ситуация поменялась. И что ты просто не

можешь себе позволить выти за меня замуж. Ты королева. А я хоть и Маркграф, но тебе явно не пара.

— И ты остался. Но почему?

— Я был уверен, что не нужен тебе. Ты королева. К тому моменту как я пришел в себя уже ей стала. И тебе нужна более выгодная партия.

— Ну, в этом ты частично прав. Я целый год только и делала, что отбивалась от женихов и выгодных партий. А еще от желающих получить ножны от Дюрандаля. Не представляешь, с каким удовольствием я вручу их тебе. Как же мне они надоели. А вместе с ними и всю ответственность за них.

— Почему ты не приехала раньше? — спросил он.

— Мне не говорили, что ты жив. Все скрывали, и умело делали это целый год, пытаясь за это время выдать меня повыгодней замуж. Только когда ситуация в королевстве успокоилась и мне удалось навести порядок, прилетела сестра и рассказала. И тогда я почувствовала такую вину за то, что бросила тебя там.

— Бросила? Ты выполнила свой долг. И я это понял, и принял. Ты не могла тогда поступить по-другому. Единственное, что меня смущало,

что ты так ничего и не рассказала и не попросила помощи. Если бы ты тогда это сделала, Карлу не удалось меня убедить не рваться к тебе.

— Прости, я сглупила. Слишком не привыкла никому до конца доверять. А потом было уже поздно.

— Ты спасла мне жизнь там, в Ронсевале. И не только мне. Очень может быть, что и замок бы им удалось взять, если бы не ты и не твои сестры. Защитников там оставалось немного. Все хотел спросить, почему ты тогда в поединке с Ганелоном не обратилась? Тогда ведь тебе реальная опасность грозила. Он ведь был сильнее?

— Обратилась бы. Только вот я не чистокровная гарпия и для принятия боевой формы мне нужно время, прилив сил и главное — боевая ярость. А я тогда всего этого не чувствовала. Да и Брендан прибежал. Но если бы дело приняло совсем тяжелый оборот, то перекинулась бы.

— Твоя мама была гарпия?

— Мама была ведьмой. И я именно ведьма, а уж потом гарпия. Я не совсем правильная гарпия. Оборачиваюсь с трудом, да и сил у меня на это уходит много. Не чета сестрам, хотя я и стараюсь. Гарпией была бабушка. Вот она даже стаю возглавляла одно время.

— Когда ты сказала, что не ешь птицу, я заподозрил это, но ты на них совсем не похожа. Они все высокие, мощные и даже в человеческом облике сильные. А ты была маленькой ведьмой, — и он зарылся носом в мои волосы.

— Твоей маленькой ведьмой, — и я потянулась за поцелуем.

— Расскажешь, что случилось за этот год? Как ты справилась с отцом?

— К тому моменту, когда мы взяли дворец штурмом, он был уже мертв. А в замке оставалась только моя безумная тетка-ведьма. Она несмотря ни на что была все еще сильна, но я справилась. Во мне бурлила боль и потеря, и я была так зла, что мне хватило и сил, и умения, чтобы победить. Я и тело сожгла тогда сама. И даже от потери магии не страдала. Не могла позволить себе расслабиться.

— Мне жаль, что меня не было рядом с тобой.

— Все закончилось. Но если ты думаешь, что в королевстве мало проблем, то ты сильно ошибаешься. И как королю тебе придется много чего решать и исправлять.

— Справимся. Вместе, я уверен, мы справимся.

— И не сомневаюсь. Ты не жалеешь, что оставляешь Ронсеваль?

— Это всего лишь замок. И у него есть наследник. Сын моего старшего брата. Он весь год уже служит пажом у Карла. Учится, и я думаю, что он отлично справится. Карл назначит управляющего, пока он не подрастет. Замок — это всего лишь груда камней. А живым его делают люди. А без тебя мне не нужен ни один замок. К тому же мы можем взять с собой всех, кого захочешь.

— Брендана и Тиля? А еще Аву, Марию с дочкой и Бренду со всеми детьми.

— Если хочешь, то даже твоих куриц. Они очень скучают без твоей совы.

— Ты их не съел? — я расхохоталась.

— Да как можно? Это же лучшие несушки на весь замок и деревню, — в притворном возмущении Роланд даже нахмурился.

— Я бы всех забрала с собой. Мы съездим туда? Если быстро уладим все дела с твоим дядей, то сможем всех лично пригласить?

— Если хочешь. А с дядей я все решу, не переживай, — отмахнулся от этой проблемы Роланд.

— Тогда, я думаю, нам нужно приступить к важным королевским обязанностям, — я запустила пальчики в его волосы.

— Это еще каким?

— Как каким? Подарить королевству наследни-

ка? — возмутилась я.

— Или наследницу? Маленькая ведьма или маленькая гарпия?

— Все что пожелает мой король!

Конец